

П. И. Мариковский



**В ПУСТЫНЯХ
КАЗАХСТАНА**



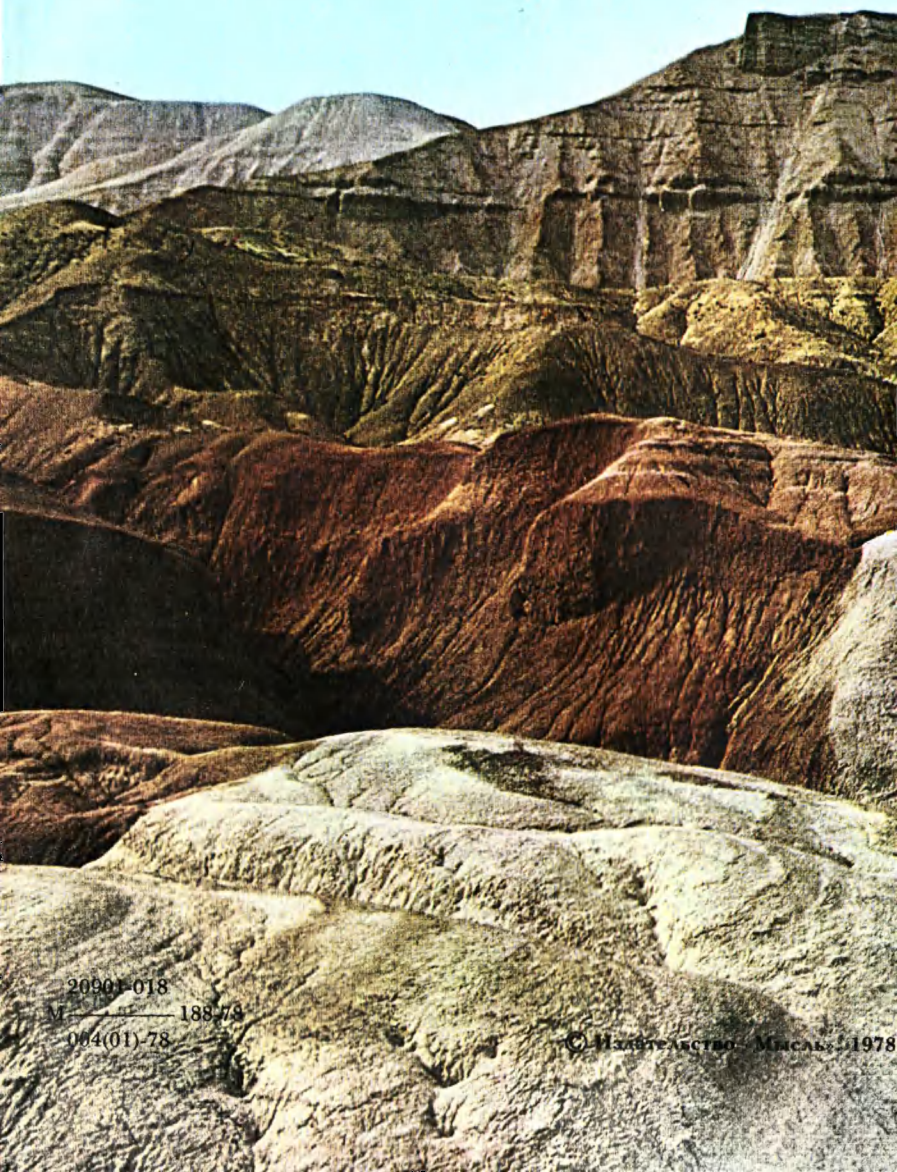
Рассказы о природе

П. И. Мариковский



В ПУСТЫНЯХ КАЗАХСТАНА

Москва «Мысль» 1978



20901-018

М 188/3

004(01)-78

© Издательство «Мысль», 1978

... Путешествия для человека, искренне ему преданного, представляют величайшую заманчивость ежедневной сменой впечатлений, обилием новизны, сознанием пользы для науки. Трудности же физические, раз они миновали, легко забываются и только еще сильнее оттеняют в воспоминаниях радостные минуты удач и счастья.

Н. М. Пржевальский



Пустыня пустынь



Около пятнадцати миллионов лет назад в этих местах плескалось громадное озеро. Частые ливневые дожди смывали в него землю. Здесь она отлагалась на дне в виде желтых, красных и белых глин вперемежку со щебнем и камнями. Потом климат изменился.



Озеро усохло, на его месте поднялись горы, донные отложения с ним смыло дождями, сдуло ветрами. Но в некоторых местах они сохранились, хотя вода проточила в них ложбины и ущелья, а в понижениях их закрыло продуктами разрушения горных пород. Сейчас озерные отложения можно увидеть обнаженными рекой Чарын в среднем ее течении, на горах Катутау, Калканы, Богуты, Чулактау. Их больше всего сохранилось на одном участке южных склонов гор Катутау, где ныне их называют Белыми горами. Они представляют собой как бы музей далекого прошлого этого края.

Впервые я увидел Белые горы мельком и давно, когда путешествовал по реке Или на складной байдарке. Громадные, необычные, дикие и безлюдные, они манили к себе издали и казались олицетворением вечного покоя пустыни. Горы поразили меня своим величием. С тех пор я часто собирался их посетить, но все не удавалось. Незаметно минуло пятнадцать лет.

Весной 1974 г. я собрался наконец побывать в Белых горах. Но апрель был холодный и дождливый, из города не хотелось выбираться, и не верилось в возможность удачного путешествия. Да и май выдался тоже дождливым. Над городом небо чаще всего закрывалось тучами, а горы Заилийского Алатау были совсем из-за них не видны. Не верилось, что в пустыне уже весна в разгаре и, как всегда, поспешно росли и отцветали, сохли травы. Двадцатого мая, в день начала путешествия в Белые горы, в пустыне уже царил настоящее лето, вокруг простиралась сухая желтая земля, а в окна машины врывался горячий ветер.

Нас трое. Я и два моих спутника — Ирина и Сергей. Ирина — участник многих экспедиций, Сергей в пустыне впервые. С нами еще один член коллектива — молодой фокстерьер Кирюшка.

В первый же день, экономя время, мы по асфальту проделали путь в двести с лишним километров, миновав город Капчагай, перевалили хребтик Архарлы, оставили позади себя поселок Сарьозек, пересекли перевал Алтынэмель, и, когда оказались на его южном склоне, перед нами открылись обширные и светлые дали пустыни, подернутые завесой тонкой пыли, сквозь которую едва проглядывали очертания лежавших на нашем пути гор Катутау. Здесь съехали в сторону с шоссе и остановились в одном из ущелий у маленького ручейка.

Вся наша длинная дорога первого дня путешествия была скучной, выжались долго и однообразно. Жаркий ветер жег лицо, навстречу ему над самой землей широким фронтом на юг летели белые бабочки. Одну из них впесло в окно машины, и я узнал обыкновенную боярышницу. Бабочки совершали массовое переселение из высыхающей пустыни к дальким горам, где еще были свежая зелень и цветы. Бабочки страдали не только от голода, но и от жажды и доверчиво садились на растопленный солнцем асфальт, черный, блестящий, отражающий синее небо и похожий на воду. Они прилипали к нему и погибали под колесами машин.

На небольшом перевальчике хребтика Архарлы, название которого говорило о том, что в этом ныне усиленно выпасаемом месте, занятом шимовками скота, некогда водились горные бараны архары, бабочки находили спасение на редких отцветающих кустиках караганы.

На цветках барбариса и чингилля трудялись шмели



6 И еще вспомнилась минутная остановка машины возле небольшого ручейка в самом начале перевала Алтынемель. Едва спустившись с подножки, я увидел муравья-бегунка. Он настойчиво атаковал небольшого слоника, хватал его за ноги, за усики, пытался их отсечь. Но слоник не робкого десятка, энергично сопротивлялся.

Один раз, вырвавшись, он заполз на травинку. В том месте, где жук как сквозь землю провалился, муравей обследует травинки, его движения лихорадочны, поспешны, кажется, уже нет ни одного крохотного участка, в котором бы он не успел побывать в поисках исчезнувшей добычи. Но травинок масса, всех не пересмотришь. Неудачей кончилась охота ретивого бегунка! Кончилось и время нашей остановки.

В ущелье, где мы устроились на ночлег, была зимовка скота, но животноводы откочевали, оставив основательно стравленную землю. Зеленело и цвело, вернее отцветало, только то, что было недоступно животным: колючие барбарис и карагана. Может быть, поэтому местность казалась угрюмой. Лишь тихо журчал ручеек. С гор доносилось квохтанье куропаток, да кое-где желчные овсянки распевали бесконечно однообразные и коротенькие песенки.

Я прошелся по ущелью. Животный мир его был беден. Пробежала одинокая чернотелка, муравьи-бегунки разыскивали на вытоптанной овцами земле скудную поживу. На цветках барбариса деловито трудились шмели да сидели ленивые жуки-бронзовки.

Мой фокстерьер, не найдя ничего интересного, увязался за чернотелкой, стал осторожно прижимать ее то одной, то другой лапой, с любопытством и величайшим вниманием, на которое только способна молодая собака, разглядывая со всех сторон диковинное существо. Иногда он слегка хватал жука зубами, тотчас же и не без отвращения выплевывая его обратно. Перепуганный жук принял боевую позу, подобно зенитному орудью, нацелился брюшком кверху и, видимо, не без успеха, так как собаку вскоре стошнило.

В ущелье мы увидели громадный, размером почти с юрту, хорошо



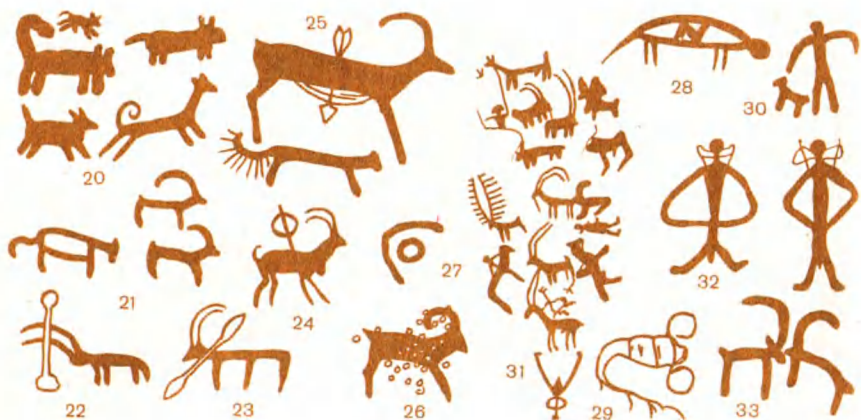
окатанный серый валун. Вероятно, его сюда приволокли ледники в далекие периоды похолодания климата. На валуне оказалась древняя тибетская надпись. Часть букв надписи была забита современными почитателями автографов.

Ночь выдалась душной и жаркой.

Рано утром, едва только над горами зарделась зорька, я поднял своих юных помощников, с великим неудовольствием расставшихся со сном, и мы, наспех позавтракав, спустились вниз в пустыню и понеслись по черной ленте асфальтового шоссе мимо величественного со снежными вершинами Джунгарского Алатау. В этом месте горы называются Кояндытау — «заячьи горы». Через сотню километров среди желтой пустыни неожиданно в ложбине показалось село Коныролен, утопающее в тополях, ивах и карагачах. Южная его окраина примыкала к северным склонам гор Катутау.

Здесь мы расстались с асфальтом, по извилистой и крутой неторной дороге забрались в горы. С обеих сторон дороги на светлых пустынных холмах виднелись величественные гряды черных оград-даек, сложенных из порфирита, изрядно покрытых черным загаром и лаком пустыни. Подобные дайки — идеальное место для наскальных рисунков, и я, предчувствуя обильную жатву, с карандашом и бумагой в руках помчался их обследовать. Но древний житель нашей планеты, очевидно, предпочитал отдавать свой досуг искусству там, где текла вода, были хорошие пастбища для скота и много добычи для охоты. Здесь же, на сухих холмах, нашли приют только редкие кустики таволги да курчавки. Рисунков было мало, и это несколько охладило мой пыл.

Как всегда, среди рисунков оказалось больше всего изображений козлов. Я выбрал и скопировал самые интересные из них. Вот козел в окружении каких-то знаков (1); со странными, повернутыми вперед рогами (2); стройный и сильный красавец (3); с рогами необычными, лировидно загнутыми (4); с длинным собачьим хвостом (5) и еще козлы — разным стилем (6).



8 На рисунках 7—8 у козлов утрированно длинные рога, а у одного из них они срослись верхними концами. Вероятно, это что-то означало. В рисунке 9 нетрудно узнать горного барана архара. Толстенькая коза на рисунке 10 очень похожа на домашнюю. Кстати, в какой-то степени эти рисунки опровергают предположения археологов о том, что рисунки козлов выбивались с ритуальной целью, перед охотой и т. п. На домашних-то коз охотиться не приходилось.

Очень различны по стилю изображения оленя 11—13. Верный друг человека — собака тоже послужила сюжетом для рисунков. Тут или просто ее портрет (14), или она преследует козлов (15—17). Изумителен рисунок 18. Красавца козла гонит даже не собака, а рысь или барс. Повстречался очень редкий рисунок медведя (19). Целая свора собак изображена на рисунке 20, причем самых разнообразных, с обрубленным хвостом или с хвостом, закрученным калачиком, а также похожих по сложению на борзых.

Рисунок 21, пожалуй, изображает тигра. Мощное тело, длинный, с загнутым книзу кончиком хвост, спокойная и величественная поза. Хищник преследует козлов. Тигр раньше водился в изобилии в Казахстане, но давно исчез. Очень интересны рисунки 22—24. На первом из них — ясное изображение балло: два камня, связанные веревкой. Его бросали на преследуемое животное. Обвивая ему голову или ноги, оно сковывало движения. Балло еще недавно употребляли на охоте аборигены Австралии. Каким-то орудием охоты пронзен один козел. Другой козел (25) пронзен стрелой. Ниже пораженного животного то ли волк, то ли барс.

Рисунок козла (26) весь в глубоких точечных выщербинах. По нему стреляли из лука. Но для чего? Ради тренировки или ради совершения обычая, предшествовавшего охоте? Скорее всего второе.

Нашлось среди рисунков и несколько странных знаков, скорее всего родовая томга (27). Старательно выбита фигура (28), в которой без труда можно угадать черепаху. Похож на изображение скорпиона рисунок 29.

Человек — творец рисунков только один раз высечен на камне рядом с собакой (30). Есть его изображения и на камне, испещренном мелкими рисунками (31). Один — верховой, другой — на поводу держит какое-то животное, третий — кверху ногами в ритуальной позе. Четко выписаны две фигуры в ритуальных позах в сложных головных уборах (32). Последний рисунок — два козла, столкнувшиеся друг с другом лбами (33).

За дайками подъем оказался еще круче, а дорога извилистей. Но вот перед нами перевал, перегретый мотор переведен на торможение, медленно охлаждается, и моему сердцу водителя от этого тоже легче. Вскоре спуск становится положе, а горы красочнее. Перед нами красные, оранжевые, желтые, синие участки неогеновых озерных отложений. Причудливо изрезанные, они очень живописны, и я сожалею, что солнце стоит высоко, освещение скрывает рельеф, а пейзаж от этого не фотогеничен.

Вокруг пустынно, никаких признаков человека. Лишь одна дорога напоминает о том, что здесь изредка ездят через горы. Но вдруг из-за ближайшей горки показывается стадо верблюдов, больших, несуразных, с длинными кочьями линяющей шерсти. Наш фокстерьер, впервые увидев чудовищ, устраивает истерику, воображая, вернее изображая из себя страшного зверя. Его истошный лай в какой-то мере действует на животных, и они, сбившись плотным табунком, останавливаются в нерешительности.

Вслед за верблюдами из-за гор показывается на коне приветливый старик аксакал. Он рад встрече, охотно отвечает на все вопросы и, удовлетворив наше любопытство, тактично осведомляется о задачах нашего визита в эту глухую местность. Мы узнали, что скоро будут деревья, хорошая вода, а до Белых гор — «Ой-бой, очень далеко!»

И действительно, вскоре мы видим зеленую полоску деревьев (она кажется темной на светлом фоне пустыни), рощицу цветущего чингиля, сворачиваем под развесистую иву и с радостью встречаем глубокую тень и журчание прохладного ручейка.

Ручей назывался Актерек, в переводе это «белый тополь». Он течет издалека, с отрогов Джунгарского Алатау, которые мы пересекли по перевалу Алтынэмель, прорезает подгорную равнину, проскальзывает через безводные и сухие горы Катутау, выходит к пустыне, по которой течет река Или, и там теряется в песках.

Здесь мы провели несколько часов и, поглядывая на полыхающую жаром пустыню, без конца поглощали горячий чай, который незамедлительно просачивался наружу через кожу.

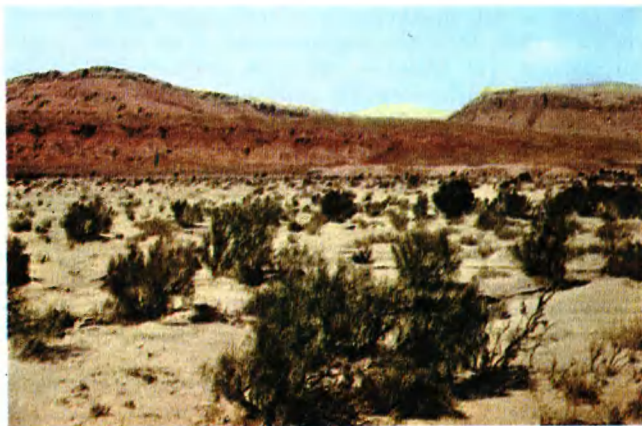
Однако, как здесь ни хорошо, бездействие утомляет больше, чем жара, и мы, покинув гостеприимную тень и ручеек, снова в царстве ослепительного и горячего света.

Дорога уводит нас от оазиса в пустыню и вскоре исчезает. По моим расчетам, здесь мы должны повернуть на запад, параллельно далекой реке Или, по направлению к Белым горам.

После недолгих блужданий мы попадем на старую дорогу. Как мы ей обрадовались!

Еще час пути — и перед нами с севера появляются величественные

От недостатка воды
засох саксаул



- 10 Белые горы. Но дорога уводит нас от гор все дальше и дальше к югу, в сторону песков и реки Или. Тогда мы пытаемся пробиться напрямик, виляя между кустами саксаула, и скоро упираемся в глубокий овраг с отвесными стенами. Судя по всему, здесь весной прошли обильные дожди и с голых Белых гор скатился паводок, избородив пустыню.

Обширная подгорная равнина, равномерно понижающаяся к реке Или, шириной около тридцати километров поросла саксаулом. Но что с ним случилось! Он высох, жалкий, серый. Какие же сочные зеленые кустарники, которые растут на песчаных грядках! Песок аккумулирует воду и долго ее сохраняет. В пустынях подгорных равнин, полого опускающихся к реке Или, я бывал много раз и раньше, но никогда не видел подобной массовой депрессии саксаула. Рос он здесь всегда хорошо. Я не могу найти объяснения гибели этого растения. Вместе с саксаулом исчезли многочисленные насекомые, ящерицы, птицы, грызуны*.

По белому такыру тянутся кроваво-красные полосы глиняных потеков. Они с красных гор, кое-где выглядывающих среди Белых гор.

Когда долго едешь по совершенно безлюдной и однообразной пустыне, ощущая одиночество и суровую дикость природы, невольно привлекает внимание каждый необычный предмет. Так и сейчас. Вначале далеко впереди мы видим темный бугор и теряемся в догадках — что это? Затем темный предмет начинает постепенно принимать очертание горки из красной глины. И наконец, на нашем пути прямо у самой дороги следы стоянки гидрогеологической экспедиции. На земле валяется большая железная труба, торчит из земли другая. Здесь, должно быть, скважина. Может быть, в ней есть вода? Сейчас среди вещей в кузове разыщем полулитровую стеклянную банку, привяжем к ней веревку и попытаемся добыть воду. Мои помощники что-то долго возятся, разыскивая необходи-

* Этот же район мне удалось посетить на следующий год. Саксаул не погиб, он ожил, зазеленел! Видимо, это детище пустыни способно переносить катастрофические засухи.



Самец агамы стережет свой участок от соперников



Спутник наших путешествий

мые вещи, мне же стоять на земле нелегко, ноги жжет через подошвы. Собака спряталась под машину, обожгла о горячую землю лапки. Вытирая пот, струящийся по лицу, я неожиданно замечаю агаму. Она уселась на железной трубе, уставилась на нас немигающими глазами. Как ей не жарко на железе? Подхожу к трубе. Агама несколько раз поклонилась, прыгнула и метнулась к кусту. Прикоснулся рукой к трубе—едва не обжегся. Наверное, градусов около восьмидесяти. Вот дитя пустыни!

Агаму можно часто увидеть на вершине кустов. Здесь она сидит подолгу. Один из зоологов решил, что так ящерица спасается от жары. В действительности жара ей нипочем. А на вершины кустов забираются самцы, следят за своим участком, высматривая самок, оберегая его от посягательств соперников.

Наконец, все готово. Сейчас выясним; осторожно опускаю на веревке банку. Всплеск ее о воду кажется таким радостным. Вот она, первая порция добытой из скважины воды, мутная, в мелких кусочках ржавчины, упавших со стенок трубы, но удивительно прохладная и вкусная! Теперь нам нечего бояться, водой мы обеспечены. Радостные, мы пополняем водой все наши емкости, умываемся, кипятим чай.

Посидели возле скважины, отдохнули и поехали к Белым горам. Через полчаса достигли цели путешествия.

Теперь не вдали, а рядом с нами причудливые красные, коричневые, оранжевые, голубые, белые горы. Изрезанные ложбинками, ущельями. Дикие и необычные. Здесь совершенно особенный, ни на что не похожий мир. Невольно возникает странное ощущение какой-то нереальности всего открывшегося перед нашими глазами. На поверхности земли сверкают кристаллы гипса, местами разноцветные камни лежат рядом друг с другом. Очень много кремния, кварца. Экзотичность пейзажа, его красоту, причудливое сочетание цветов трудно описать, и я, чувствуя бессилие слова, пытаюсь запечатлеть все открывшееся перед нами на цветную пленку. На этот совершенно особенный пейзаж можно смотреть часами, разглядывая «музей» далекого прошлого Земли. Таким он был

многие тысячелетия назад, таким его видели наши древнейшие предки — обезьяно-человеки, когда остатки громадного озера стали постепенно размываться дождями и подниматься вместе с растущими горами над местностью, таким его мы видим и сейчас.

Вспоминаются стихи Н. Рыленкова:

Здесь мало увидеть,
Здесь нужно всмотреться,
Чтоб ясной любовью
Наполнилось сердце.
Здесь мало услышать,
Здесь вслушаться нужно,
Чтоб в душу созвучья
Нахлынули дружно.

12 Солнце быстро склоняется к горам, и я едва успеваю сделать несколько снимков. Особенно сильно поражает одно место. Здесь ярко-красные горы служат как бы пьедесталом для охристо-желтых, затем нежно-голубых и белых. Когда-нибудь этот участок пустыни привлечет внимание живописцев, и тогда, может быть, красота и дремучая дикость этого пейзажа станут доступными обозрению миллионов зрителей.

Спадает жара. Появляются торопливые жуки-чернотелки, в воздухе проносятся какие-то мухи. Но птиц — ни одной!

По небу протянулись полосы серебристых облаков. Солнце, уходя за горизонт, окрасило их в багрянец. Синее небо с разгорающимся месяцем и разноцветные горы!

Что мы увидим завтра?

Ночь выдалась душной. В полной тишине хотя и редко, но нудно гудели комары. Прилетали сюда едва ли не за двадцать километров с реки Или. Темные тучи плыли по небу, и яркие звезды над нами то загорались, то гасли. Иногда падали редкие капли дождя. Духота усиливалась. Стояло полное безветрие. Сквозь сон я слышал, как на полог стали падать песок и мелкие камни. Неужели поднялся ветер? Может быть, похолодает. Но надежда не оправдалась: это наш пес, изнывая, как и мы, от духоты, затеял капитальное строительство прохладного убежища. Я не пойму, когда он спит. Потом перестал рыть землю, отвлекся, сперва на кого-то зарычал, потом залаял. Наверное, вблизи прошли джейраны. Наконец нашел новое развлечение: щелкая зубами, стал ловить комаров. Пришлось его забрать под полог. Но и здесь он не успокоился, без конца вертелся на подстилке, вздыхал и чесался. Вообще наш неугомонный фокстерьер всегда находил себе дело. Его неисчерпаемой любознательности и энергии мог бы позавидовать любой человек. Иногда вырвет ямку, уляжется в нее так, что торчит одна голова, успокоится и не переставая следит за всеми. Увидит жука, встрепенется, подбежит, понюхает, заметит ящерицу — бросится в погоню. И мало ест. Живет запасами городской сытой жизни.

Под утро стало прохладней.

Проснувшись, я заметил исчезновение моего ботинка. Его, оказывается, утащил мой верный друг. Помощники сладко спали. Я же поспешил сделать несколько фотоснимков, пока солнечные лучи рельефно выделяли тени на глиняных горах.



Самец клеща
азиатской гиаломы
во много раз меньше
напитавшейся
крови самки

Ушастая круглоголовка
угрожает

После душной ночи комары не унимались. Вдруг неожиданно со всех сторон к лагерю поползли клещи-гиаломы. Они мчались на длинных полусогнутых ногах с величайшей поспешностью, будто соревнуясь друг с другом, откуда-то издалека, почуяв нас на этой голой площадке при помощи каких-то таинственных органов.

Клещи-гиаломы меня давно интересовали. Их чуткость была загадочной. При помощи простых экспериментов можно было доказать, что ни обоняние, ни зрение не служило этим кровососам для поисков жертв. Но может быть, они руководствовались инфракрасным излучением, хотя и против этого довода нашлись аргументы. После моих статей и очерков об этом клеще им заинтересовались физики. Но они не могли прийти к единому мнению. Клещ-гиаломы по-прежнему остался загадкой, которую, может быть, разрешат только будущие исследователи. Для человека они почти не опасны и присасываются к нему исключительно редко.

Наспех приготовив завтрак — аппетита не было ни у кого, — мы пошли на разведку.

В начале ущелья располагался небольшой массив песчаных барханов. На них рос зеленый саксаул. Никто его никогда не трогал, не ломал. Рос он, как в заповеднике. Я взбираюсь на крутой берег сухого русла, иду по чистому гладкому песку. И сразу же из-под ног взметнулся песок и по нему устремилась крупная ящерица — ушастая круглоголовка. Я отрезал ей путь отступления, и она, приняв мой маневр за проявление недружелюбия, раскрыла свою большую пасть, раздула что-то похожее на уши, слегка подскочила ко мне — «испугала»! Потом, уловив момент, помчалась по песку и мгновенно в нем потонула, оставив на его поверхности едва заметный след погружения. Я не стал ее больше беспокоить, хотя знал — лежит она в песке, затаившись, под самой его поверхностью.

Свое название — ушастая круглоголовка — эта ящерица получила за широкие складки в углах рта, которые, раскрываясь, создают ложное впечатление. К ушам эти складки не имеют никакого отношения.

Сейчас барханы мертвы, жизнь на них пробуждается только ночью.

Днем же слишком жарко и сухо. Вся поверхность песка исписана следами. Вот отпечатки изящных лапок тушканчика, тонкая вязь жука-чернотелки, извилистые линии, прочерченные хвостом, и отпечатки лапок очень быстрой линейчатой ящерицы. Гладкие зигзаги оставила змея. И еще самые разные следы. Вдруг что-то быстро метнулось из-под ног к кусту саксаула. Присмотревшись, я увидел молоденькую змею-стрелу. Попытался сфотографировать ее удивительную головку с настороженными глазами. Змея, приняв мои благие намерения за нападение, взметнулась на куст саксаула и ловко заскользила по нему. Среди сухих веточек она была неразличима. Я хорошо знал эту змею, встречал ее не однажды, но, как она ловко лазает по саксаулу, видел первый раз. Очевидно, быстроте и ловкости движений змеи-стрелы способствовала жара. Змея-стрела неядовита, так как зубы, связанные с ядоносными железами, расположены глубоко в ротовой полости. Ее добыча — ящерицы. Поэтому она такая и быстрая. Для ящериц и предназначены ядовитые зубы.

14 Прежде казахи-кочевники очень боялись ее, считали, что она сильно ядовита и утверждали, будто змея эта быстра, как стрела, и способна, разогнавшись, пронзить насквозь даже верблюда. Кстати, название ее по-казахски «окджилан» — стрела-змея.

И больше никого. Пуста песчаная пустыня!

Впрочем, с невероятной быстротой промчался желтый, как песок, муравей-бегунок, какая-то муха носится над поверхностью бархана, да крохотная оса, размером не более трех миллиметров, светлая, с красноватым брюшком, мечется по песку, быстро потырявая крыльями, увенчанными на вершине черными пятнами. Пробежит, остановится, замрет на секунду, молниеносными движениями ног выкопает маленькую ямку и вновь на розыски. Оса очень занята, до крайности деловита и необыкновенно тороплива.

Я с удивлением наблюдаю это совершенное творение пустыни и невольно задумываюсь над тем, откуда у нее, такой маленькой, неистощимый запас энергии. Вокруг же никаких цветков, на которых можно было бы полакомиться нектаром, давно все выгорело. Думается, что организм, работающий в столь быстром темпе, должен вскоре истощить свои запасы. А ей — все нипочем. Может быть, насекомые способны каким-то способом использовать энергию солнечных лучей, превращая ее в движение? Пока что это предположение кажется фантастическим, но кто знает!..

На кого же охотится маленькая хищница, зачем выкапывает крошечные ямки? Наверное, ее добыча — личинка какого-то насекомого — находится в песке, возможно, на большой глубине. В поверхностных слоях нечего делать, песок сыпучий, сухой, без кореньев. Глубже он плотный, влажнее, там и корни растений, и жизнь. Но если так, то зачем копать ямки? Вероятно, оса снимает поверхностный слой песка не напрасно. Он мешает ее локатору разыскивать добычу; может быть, он, согретый солнцем, слишком горяч или еще чем-то мешает работать остро настроенному аппарату.

Течение мыслей человека часто идет по руслу, проделанному его предшествующим опытом, знаниями, полученными из книг, воспитанием. Иногда это проторенное русло оказывает плохую услугу, ведет к заблужде-



У заразики нет листьев: это растение паразитирует на корнях саксаула

Оса-помпилла с пауком

нию. Может быть, и сейчас я ошибся. Невольно вспоминается маленькая пчелка, с которой я повстречался много лет назад во время путешествия по реке Или на складной байдарке. Пчелка устроила ячейки с медом, пергой и детками почти на голом бархане на глубине полуметра и добиралась до них, точно угадывая дорогу, через совершенно сыпучий песок, истоптанный нашими ногами.

Пока я вспоминаю все относящееся к подобному случаю, миниатюрная оса, по-прежнему непрерывно размахивая крыльями, продолжает свои безудержные поиски, а я, не спуская с нее глаз, медленно хожу за ней.

Становится очень жарко. Песок раскалился, хочется пить, а больше всего угнетает то, что меня ждут спутники и моя задержка им основательно надоела. Я готов уже бросить наблюдения, но желание разгадать секрет маленькой осы держит меня в плену, и я не в силах оторваться от начатого дела.

Наконец терпение истощено, я готов отступить, бросить преследование очаровательной незнакомки, но она, будто сжалившись надо мной, внезапно резким рывком выбрасывает из песка что-то серенькое. Потом несколько секунд этот комочек трепещет на поверхности бархана.

Я с напряжением всматриваюсь, пытаюсь узнать, что происходит. Наконец разглядел! На песке кверху ногами лежит недвижимый серый паучок. Теперь все понятно. Оса-помпилла — охотница за пауками. По принятому у помпилл обычаю, она парализовала свою добычу, которую так долго и настойчиво искала, точным ударом жала через рот в мозг.

В то время, когда я рассматриваю паука, оса в беспокойстве бегаёт вокруг. Она то начнет рыть норку, то бросит ее, наведается к добыче. Теперь ей предстоит зарыть паучка и отложить на него яичко. Дела ее теперь для меня ясны.

Так вот кто ты такая, изящная охотница! И наверное, вовсе нет у тебя особенных локационных приборов для поисков добычи. Но и добыча удивительна. Паучок-скакунчик — бродяжка, ночной охотник и на весь день на страшную жару и сухость закапывается в песок, рассчитывая там

Песчаный удавчик
закапывается
в песок



- 16 обрести надежную защиту от всяческих напастей. Для того чтобы его найти, надо немало побегать и нарыть пробных ямок*.

Немало жителей песчаной пустыни закапываются на день. Только что продемонстрировала свое искусство тонуть в песке ящерица ушастая круглоголовка. Песчаный удавчик почти моментально погружается в песок в случае опасности да и охотится, забравшись в песок и выставив из него только кончик морды. Зарывается в песок наполовину, скрывая свою предательскую тень, кобылочка-песчаночка. И вот теперь еще нашелся один — паучок-скакунчик. Для его собратьев — различнейших пауков такая манера поведения совсем неизвестна.

Моя собака давно прекратила всякие поиски живности. Проскачет немного по горячему песку и упадет в тень саксаула, высматривая оттуда очередное местечко с тенью для перебежки.

Я пошел в горы по ущелью. По его дну тянулась зеленая полоска саксаула. Склоны ущелья местами были удивительно красивы, расцвечены в нежно-желтые, розовые и голубые тона. Над горами в воздухе носились стрижи, высоко в небе парил орел. Кроме саксаула здесь рос еще джужгун, кое-где розовел цветами тamarиск, сверкал белыми цветками адраспан, лиловыми подушками красовалась зизифора. Здесь был нетронутый и дикий кусочек пустыни. Его никогда не посещали даже скотоводы.

По дну ущелья тянулось ровное сухое русло. По всему было видно, что здесь весной, а, возможно, иногда и летом бурлил сель. В местах крутых поворотов склоны ущелья были сильно сглажены и подмыты. В одном таком месте произошел солидный обвал. По следам видно, как поток белой жидкой глины высотой в несколько метров стремительно промчался и на крутых поворотах, пенясь и бушуя, высоко обрызгал горы и, вырыв

* Этот паучок был описан как новый вид в 1895 г. по материалам, собранным в Монголии известным путешественником Г. Н. Потаниным.

В СССР его никогда не находили. Научное название паучка — ленок хамифер. Оса, наверное, науке неизвестна.

глубокое и обрывистое ложе, широко разлился в пустыне.

В самом низу отвесной стены ущелья на светлом фоне земли — два пятна. Пригляделся — торцы окаменевших костей. Какому животному, обитавшему здесь много миллионов лет назад, они принадлежат? Пытаться выкопать кости бессмысленно. Порода очень тверда. К тому же над ними большой навес в глубоких трещинах. От сотрясений может легко обвалиться. Тогда да костям доисторического животного прибавятся кости современного человека, на удивление будущим палеонтологам.

На склонах холмов расположилась колония песчанок. Все ее население повыскакивало наверх, встретив нас многоголосым хором. Человек — очень редкий посетитель этих мест. Собака, обезумев от множества четвероногих созданий, издававших непрерывный писк, бросалась то за одной, то за другой песчанкой. Но преследуемый зверек успевал юркнуть в свое убежище, в последний момент бросив задними ногами солидную порцию песка в преследователя. Этот маневр всегда получался очень ловко.

Страсть нашего пса к песчанкам была неискоренимой. Лихорадочно работая лапами и поднимая позади себя облако пыли, он с ожесточением рыл норы. И не зря. Одна легкомысленная песчанка забежала в короткую нору и попала в зубы нашему ретивому охотнику, который в пылу страсти немедленно ее слопал, нарушив обет воздержания от обильного приема пищи в экспедиционной обстановке. После этого происшествия наш Кирюшка с нескрываемым презрением отворачивался от скромной экспедиционной трапезы, преподносимой ему в специально отведенной посуде.

Вообще говоря, песчанок было не так уж много. Зато покинутые ими городки виднелись на каждом пологом склоне. Когда растительность вокруг городка оказывается уничтоженной, зверьки переселяются в другие места. Иногда песчанки вымирают от заразных болезней.

Песчанки считаются вредными животными. Но в природе нет ничего вредного и полезного. Эти категории установлены человеком применительно к своему бытию и сознанию. Несмотря на относительность этого понятия, можно согласиться, что песчанки безусловно вредны тем, что объедают и без того скудную растительность пустыни, многочисленными ходами они иссушают почву, способствуют ее разрушению и распылению. Впрочем, сам человек развел песчанок, нарушив равновесие, царящее в природе пустынь, уничтожив волков и лисиц — врагов этого грызуна.

Живописное ущелье нам очень понравилось. Мы разведали, куда оно выходит, и потом, петляя по узкому руслу сухого потока, пробрались в него на машине. Кое-где, правда, пришлось проделать для этого проходы в обвалах. Возле высокого обрыва, подмытого селевым потоком, мы нашли глубокую тень и прохладу. И кстати: началась изнурительная жара.

Там, где весенние потоки воды, промчавшись, оставили на дне тонкую взвесь мокрой глины, она, высохнув, растрескалась на кусочки неправильной формы. Каждый такой кусочек подобен паркету. Под ними, а также в глубоких трещинах между ними в тени и прохладе скрывались клещи-гиаломы, находили приют жуки-чернотелки и слоники, уховертки и пауки. Удивительно много пауков! На кого они охотятся?

Продолжаю поднимать плитки засохшей глины и вижу чешуйчатницу,

черного жука-жужжеличку, черного муравья-бегунка, но поймать его невозможно. Он делает резкие молниеносные и зигзагообразные броски и ныряет в щель. Разыскиваю его. Приподнимаю плитку земли. Беглец тотчас же, в какую-то долю секунды, исчезает. Обычно этот муравей при опасности не прячется и не затаивается, а спасается бегом, рассчитывая на свои ретивые ноги. Видимо, не случайно он такой осторожный. В Белых горах нелегко жить.

Нас всюду преследуют разные мухи. Они страдают от жажды, гоняются за нами, стараются урвать капельку пота и уж пьют чай с нами непременно. Чуткость к влаге в этом царстве сухости у них необычайная. Я поднимаю плитку «паркета». Под ним влажная почва. Моментально под лопаточку лезут несколько мух, страдающих от жажды.

18 Собака ни на шаг не отходит от меня. Ее интересует решительно все, начиная с верхних мух, медительных жуков, стремительных ящериц и мелькающих в воздухе стрижей. За всеми она зорко следит, а что может — хватает зубами. Только изрядно утомившись, плетется сзади. Так мы и приходим вместе на бивак после похода. Сегодня она неожиданно преподнесла нам сюрприз. Мы с Сергеем выбрались из ущелья и пошли по равнине вдоль гор. Дул встречный ветер. Неожиданно собака, что-то почуяв, резко свернула в сторону. А еще через минуту, разыскивая ее глазами, я увидел забавную картинку: разинув рот и вывалив язык, напрягая все силы, наш щенок гнался за лисенком. Тот крутился возле большого куста саксаула, силы его явно таяли. Издали погоня походила на забаву. Один раз Кирюшка, увидев меня, расхрабрился, изловчился, схватил за холку лисенка. Тот огрызнулся. Кончилась погоня тем, что бедный усталый лисенок забился под куст саксаула, выставив мордочку со злыми желтыми глазами. Пришлось взять на руки негодующую собаку и предоставить лисенку свободу.

Ночь возле обрыва выдалась прохладной. Утром с запада потянулись тучи и закрыли солнце. Налетел ветер. Похолодало. Какие контрасты нам преподнесла пустыня: вчера днем было 33 градуса, сегодня днем почти в три раза меньше — 12. Жителю севера погода с 12 градусами, может быть, покажется теплой. Мы же, прожаренные, мерзли основательно, нацепив на себя всю запасную одежду, которая оказалась в нашем распоряжении.

Насекомых нет: спрятались. Лишь муравьи-жнецы горюпятся, бегут по тропинке, спешат снять урожай семян саксаула. Присматриваешься к земле — и никого. Глаза ловят ничтожные движения. Прокатилась от дуновения ветра соломинка. Настораживаешься и вдруг видишь: по песку бежит странная горбатая мушка и поблескивает отсвечивающими синевой крыльями. Эта мушка мне не встречалась раньше. Надо взглянуть на нее через лупу. Но куда там! Такая шустрая! Тогда остается воспользоваться эксгаустером. Мгновение — и горбатая мушка исчезает в трубочке. В резервуаре эксгаустера не стало мушки, а ползает крошечный рабочий муравей кардиокондила элегантула и его сестрица — крылатая самка. Так вот в чем дело! Рабочий взвалил на спину крылатую самку и потащил ее на новое местожительство. Иначе ему, крошке, и нельзя нести груз, как только на спине. В таком виде он и ходил на горбатую мушку.

Муравьи-рабочие часто переносят членов своей семьи, и для этого у



Сергей отнял у фок-стерьера лисенка

каждого вида существуют установленные издавна и строго соблюдаемые правила транспортировки живого груза. Но чтобы переносили на спине — вижу впервые.

В холодную погоду пустыня не интересна. Но надоело сидеть на биваке. Мы оставили Ирину у машины и пошли с Сергеем по живописному извилистому ущелью. За каждым поворотом — новая работа воды и ветра, необычный «бастион», причудливый столб, крепость с башенками, городки, неприступные замки. Пейзажи меняются один за другим, и нет им конца. Будто перелистываешь страницы книги с богатыми иллюстрациями и все ждешь нового. Давно пора возвращаться на бивак, но интересно, что дальше, за новым поворотом. И так без конца.

На одной высокой колонне — она вся в разноцветных поперечных слоях — большая шапка из сучьев. Это гнездо птицы. На нем сидит великовозрастный птенец грифа. Завидев нас, птенец с удивлением вытягивает шею, всматривается, внимательно следит за нами. Он в полном одиночестве, наверное, давно изучил вокруг себя все до мельчайших подробностей, знает и животных, и птиц, а вот человека видит впервые.

Странные глиняные горы! Всюду кристаллы гипса, самые разнообразные. Толщу разноцветных глин пронизывают тонкие перегородки гипса и мрамора. Там, где глина вымыта дождями и выдута ветрами, возникает своеобразная ячеистая структура поверхности. Иногда на земле лежат особенные образования из кристаллов гипса, сложенные из причудливо переплетающихся пластинок. Они очень похожи на розу. Такие гипсовые розы — отличный сувенир, и мы набираем их на память о Белых горах.

Но вот поход закончен. Мы сидим возле машины, отдыхаем. Вокруг царит тишина. Но рядом стукнули камешки. Поворачиваю голову и вижу на косогорчике прямо над машиной в каких-нибудь пятидесяти метрах от нас застыли как изваяния два джейрана. В них все прелестно: стройные гуловища, точеные ножки, выразительные большеглазые мордочки, лировидно изогнутые рога.

— Скорее фоторужье, скорее! — шепчу я своим помощникам. Но



20 незначительное наше движение — и джейраны бесшумно и молниеносно скрываются за уступчиком. Будто их и не было вовсе, а так, все показалось.

В Белых горах по сухим руслам мы уже встречали кое-где следы джейранов. Здесь, в этой неприступной и дикой местности, они находят спасение от охотника. Но горы безводны, и для того чтобы утолить жажду, надо брести двадцать километров до реки Или. Ночью же бедных животных иногда подстерегают браконьеры на автомашинах с фарами. Ослепленные животные, как заколдованные, застывают на месте.

Когда-то джейранов в пустынях Семиречья было много. Удивительно неосторожно это животное. Увидев машину и отбежав от нее, оно остановится, чтобы удовлетворить любопытство, а если побегит, то по пути машины, обязательно пересечет дорогу впереди и только тогда скроется. Эта черта и губит джейрана. А возникла эта привычка против своего исконного и давнего врага — волка. Несколько волков гонят джейранов по направлению к затаившимся своим собратьям. Пересечь направление погони и уйти в сторону — значит избежать засады. От волка такая уловка помогала, а от человека — наоборот.

Отдохнув, мы продолжаем бродить по горам.

В Белых горах саксаул великолепен. Только у подножия гор деревья страдают от недостатка влаги.

Цветастые волосатые гусеницы бабочки оргия дубуа — самые распространенные в пустыне. Они многоядны. Кормятся охотно и саксаулом. Сейчас, страдая от голода, они поползли все разом почему-то на запад. На каждом шагу мы видим путешественниц. На их пути — глубокие водомоины. Гусеницы падают в них, а потом поднимаются по противоположному склону. В одном месте их путь преградил песчаный склон. Он весь изборожден следами гусениц. Налетит порыв ветра и волочит гусениц, подобно легким соринкам, обратно. Но они не сдаются и упрямо поднимаются вверх. И так до бесконечности. Я приглядываюсь ко дну оврага. У основания песчаного откоса масса погибших сухих трупиков гусениц оргий.



Массовое переселение гусениц пустынной оргии я вижу впервые, хотя очень хорошо знаком с этим насекомым. Причина его ясна — усыхание кормового растения — саксаула. Других растений здесь нет. Но почему все гусеницы направились на запад? Поползли против ветра? Может быть, в нем чувствуется дыхание влаги, в которой ищут спасение страдающие от голода и от жажды насекомые?

Песчанки продолжают изводить собаку. Лихорадочная раскопка сопровождается громким лаем. Оторвать ее от этого занятия невозможно. Уговоры не действуют. Приходится брать на руки ретивого охотника и относить подальше. От красной почвы наш белый фокстерьер вскоре становится розовым, как фламинго.

Здесь водятся и птицы. Кроме неугомонных стрижей есть пустельга, каменка-плясунья и пустынная славка. Прозвище «плясунья» одна из них получила за манеру постоянно и забавно приседать, одновременно совершая глубокие поклоны. Только не понятно, почему эту птицу прозвали каменкой. Она встречается во всех типах пустынь. Пустынная славка маленькая, серенькая, незаметная. Если каменка вся на виду, любопытна, близко подлетает к биваку, интересуется человеком, то славка, наоборот, осторожна, старается быть незаметной и тихо шмыгает в зарослях кустарников.

Решили сходить на первый бивак. До него через горы недалеко. Там мы забыли босоножки с носками.

Я остался на перевальчике: на его бесплодной и голой вершинке увидел крошечный выброс земли муравейника. Вход в него был закрыт. Сергей пошел к месту предыдущего бивака. Найти его было нетрудно по единственным следам нашей машины, оставленным на рыхлой почве. Их даже сверху было видно.

Осторожно я вскрыл холмик, увидел камеры. Они были пусты. Копнул глубже. Собака внимательно следила за мной и сильно волновалась, порывалась принять участие в работе. Разве она плохо рыла землю своими лапами? Видеть равнодушно, как хозяин роет нору, ей было не под силу.

Да и интересно, что там за добыча такая могла оказаться? Только на глубине полуметра я нашел муравьев-бегунков. Странно было видеть этих всегда деятельных созданий в полусонном состоянии. Летняя бескормица заставила их стать такими.

Издали я слежу за Сергеем. Со мной на него внимательно смотрит и собака. Он бродит из стороны в сторону, останавливается. Наконец, пошел обратно. Босоножки были забыты на колесе машины. Сергей места нашей стоянки не обнаружил и был смущен, он предлагал вновь отправиться на поиски. Наш разговор был спокойным, но собака устала на Сергея и вдруг зло и громко на него залаяла. Ее поведение нас развеселило.

Мы возвратились к машине и отправились в путь. Завернули и на первый бивак. Кирюшка, как всегда, первый выскочил из машины, нашел потерянное и с важным видом приволок к машине, за что получил любимое угощение — таблетку глюкозы с витамином С. Очень он любил исполнять какое-либо поручение. Неожиданно разошлись облака, выглянуло солнце, и от прохлады ничего не осталось, снова наступила жара.

22 Поехали дальше в заросли сухого саксаула, к скважине с водой. Пока пополняли запасы воды, собака сперва приволокла большой кусок резины, а потом старый ботинок. Видимо, наше возвращение на старое место, где мы уже бывали и брали воду, она расценила тоже как поиски потерянных вещей.

Потом поднялись на дорогу, проехали немного и вновь свернули к Белым горам. Здесь они были розовые. В этом месте остановились. Утром пошли в горы по сухому руслу, поглядывая на все те же величественные причудливые пейзажи на склонах ущелья, на удивительное разнообразие расцветки земли. Вокруг отвесные обрывы, колонны с башенками, уступами и длинными шпильями, иногда будто гигантское строение в готическом стиле. Ущелье безжизненно голое и почти без растительности. Но возле одинокого кустика солянки тихо бредет небольшая чернотелка. Промчался серенький паук, крошечный красный клещик шмыгнул в щелку. Местами много следов и лежек архаров. Но давние, весенние. Прежде чем улечься отдыхать, животные выкапывали пологую ямку и взбивали землю пухлой постелькой. Сейчас из-за отсутствия воды и бескормицы животные откочевали в отроги Джунгарского Алатау.

На маленькой полянке — десяток крошечных кустиков солянок. Напуганная собакой линейчатая ящерица метнулась к одному кусту. Из куста ей навстречу мелькнуло что-то серенькое и скрылось обратно. Заглядывая под куст и вижу змею-стрелу. Ее бросок на ящерицу не удался. Наверное, змея на этой полянке караулила несколько дней одну-единственную добычу. Здесь крошечный взаимозависимый мирок живых существ. Десяток кустиков солянок, несколько насекомых, ящерица, змея, охотящаяся за нею. Достаточно небольшого вмешательства — и мирок распадется, исчезнет.

Ущелье становится совсем узким. Вокруг громадные обрывы, нависшие над нами, ярко-красные, желтые, белые, охристые, синеватые. И всюду сверкают на солнце кристаллы гипса. Поднимешь самый красивый да вскоре бросишь — под ногами лежит еще красивее.

Кое-где в ущелье глубокая прохлада и тень. Сюда не заглядывает солнце. Из-под нависшего обрыва вылетает бабочка-сатир и уносится кверху. Как и зачем она сюда попала, сколько может продержаться без пищи?

Вот и конец нашего пути: громадная глыба породы свалилась в ущелье, перегородила его. Ее не обойдешь стороной — слишком круты и гладки стенки ущелья. Возвращаемся усталые. Солнце печет нещадно. Кирюшка обжег лапы о горячую землю и просится на руки. Кладу его на шею и несу. Собака с явным удовольствием едет на мне верхом, торжествуя поглядывая по сторонам.

Мы решили сократить путь и пойти к биваку через горы напрямик, забрались на кручи, стали с них спускаться, попали к обрыву. На колонии песчанок ноги проваливаются, песок и камни засыпаются в ботинки, приходится переобуваться. Над обрывом я и занялся этой очередной и скучной операцией. Случаю было угодно посмеяться надо мной: ботинок выскользнул из рук и покатился вниз все быстрее и быстрее, он попал в ложбинку и застрял. За ботинком кубарем бросилась собака, подняла позади себя облачко пыли. На склоне она задержалась, отряхнулась, схватила ботинок и понесла. Но подняться по обрыву уже не смогла.

23

Осторожно маленькой лопаточкой Сергей проделал на склоне ямки для ног и спустился на помощь собаке. Представляю, в какое глупое положение мог бы я попасть без ботинка, если бы не мои помощники.

Дальше решили спускаться по ущельям, проточенным водой в красной глине. Спуск оказался тяжелым. Местами наш путь преграждали обрывы. Иногда ущелье превращалось в глубокую узкую щель.

Потом путь стал легче, промоина шире. На краю узкого красного овражка я заметил торчащую наружу кость. Покопав землю, я открыл часть крупного позвоночника с длинными остистыми отростками, крестец, одно ребро, большой атлант. Кости походили на лошадиные. Они попали сюда, возможно, несколько тысяч лет назад с потоками глины и еще не успели окаменеть. Чьи это кости, какое животное резвилось в этих горах и нашло здесь свою погибель? Мне почему-то представился кулан, его образ как-то реально вписывался в этот дикий ландшафт. Хотя здесь могла обитать еще лошадь Пржевальского и другая дикая лошадь — тарпан. По чистой случайности я угадал. Потом палеонтологи определили: части скелета принадлежали кулану — дикой лошади, ныне совершенно исчезнувшей из этих мест. Сейчас кулан, это замечательное животное пустыни, сохранился только в заповеднике Барсакельмес, расположенном на небольшом острове в Аральском море, да в Бадхызском заповеднике в южной Туркмении.

Порядком утомленные трудным спуском, мы с радостью увидели далеко за холмом наш бивак.

Кирюшка изнемог от жары и плетется сзади по горячей пустыне, стараясь держаться в моей тени. А она так коротка, солнце почти в зените. И вдруг он метнулся в сторону, пробежал метров десять и сунулся под кусты. И там что-то сразу зашипело, забулькало: собака отскочила назад, вновь бросилась под куст. «Уж не змея ли там? — подумал я. — Как бы не укусила!»

Я оттащил фокстерьера в сторону. Приподнял палкой ветки и никого не увидел под ними. Видна только одна норка. Пощупал землю палкой. Среди пыли что-то зашевелилось, потом показался колючий шарик. Вот кто нам повстречался, ежик!

Как и следовало ожидать, Кирюшка устроил истерику, завыл, стал бросаться, пытаясь схватить добычу зубами, и, конечно, поранил морду. С ежом в своей жизни он встречался впервые.

Уложив ежика в мешочек, я принес его к машине, привязал собаку, выпустил на свободу зверька, поставив перед ним мисочку с водой. Но ежик лежал неподвижно, разворачиваться не желал и только чуть-чуть ритмично, в такт дыханию шевелились его иголки.

Вскоре он осмелел, высунул черный носик, облилиз его розовым язычком, потом показался один глаз и большое ухо. И только тогда я заметил громадного, размером с крупную фасолину, напавшегося крови клеща. Он сидел на самой спинке. Бедный ежик! Его защитный костюм, оказывается, имел и отрицательные стороны. Среди иголок клещ неуязвим!

24 С большим трудом я вытащил пинцетом кровопийцу. На животе клеща сидел казавшийся совсем крошечным самец. Сейчас он в несколько тысяч раз уступал по весу своей подруге. У иксодовых клещей самцы только тогда оплодотворяют самку, когда находят ее основательно прицепившейся и насосавшейся крови.

Операцию по удалению клеща ежик воспринял как акт недружелюбия и после нее до самой ночи не показывал ни носика, ни уха. Но, по-видимому, за нами он все же неукоснительно следил и, когда все улеглись спать, неожиданно проявил бурную деятельность — принялся швырять из стороны в сторону миску собаки, покатал пустую бутылку, крутился возле бивака добрые полчаса. Чем-то мы все же ему понравились. Ну прежде всего тем, что налили ему в консервную баночку воду, которую он и вылакал. Вообще обитатель пустыни — ушастый ежик удивительно доверчив к человеку и в неволе быстро к нему привыкает.

Утром среди моих помощников поднялся небольшой переполох. Когда загрузили машину и в последнюю очередь подняли с земли брезент, на котором стелили постели, из-под него в одну сторону помчались скорпионы, в другую — в страхе мои помощники. Собака кинулась за виновниками беспокойства, я бросился за собакой, опасаясь как бы она не получила укуса в свой всегда любознательный нос. Мы долго обсуждали это событие. Ирина возмущалась: подумайте, какое «удовольствие». Проспали ночь на скорпионах!

У нас снова проблема. Когда воды мало, она удивительно быстро расходует.

Вновь потащились по знакомой и неудобной дороге к скважине. Что бы мы без нее делали!

Теперь осталось посмотреть только западную часть Белых гор. Здесь к ним примыкают уже хорошо мне знакомые по прежним странствованиям горы Катутау — «мрачные горы»*. За ними километрах в шестидесяти

* Они описаны в книге «По Семиречью». М., 1972.

поселок Басший, а от него рукой подать и до асфальта.

Сухое русло привело нас в еще более живописное широкое ущелье. Неожиданно следы заброшенной дороги уперлись в глубокий овраг, проделанный весенними потоками талой воды. Здесь громадные конусовидные горы похожи на пирамиды египетских фараонов. Их основание окрашено в охристо-желтый цвет, середина — в красный, а вершина — в белый и голубой. Белые глины, судя по всему, самые поздние осадки, выпавшие на дне громадного озера. Из них слагалась основная масса Белых гор. Глядя на цветные полосы глин, причудливо изрезанные временем, я думал о том, какой удивительной находкой было бы это место для съемок разнообразных, особенно приключенческих и фантастических, кинофильмов.

В ущелье я вижу бабочку-белянку. Зачем она сюда залетела? Здесь нет ни одного цветочка, чтобы подкрепиться нектаром. Она же все ищет пищу, перелетает от одного реденького кустика к другому. Пролетает стрекоза-коромысло, она заядлая путешественница, большие перелеты ей не страшны. Под обрывчиком на дне ущелья лежит большущий мертвый смоляно-черный хищный клоп-редувий. Я никогда не видел такого.

Подул ветер, и над красными горами появился стервятник. Его белые крылья и тело казались розовыми от гор. Вижу гнездо грифа, нельзя сказать, чтобы эти птицы умели выбирать недоступные места для своего жилища. При желании к гнезду можно подобраться.

Старая дорога привела нас к следам стоянки геологов. Сергей тотчас же увлекся раскопками занесенной пылью кучи изрядно проржавевших болтов и гаек, тогда как собака не преминула с важным видом принести старый ботинок, за ним — кирзовый сапог. Как бы она после поисков босоножек не заразилась на всю жизнь страстью старьевщика!

Здесь наш последний бивак в Белых горах.

Утром мы спускаемся в пустыню, находим едва заметную дорогу и едем по ней мимо Катутау. Горы красивы, прежде я бы залюбовался ими и нашел немало сюжетов для фотосъемки. Но после изумительных пейзажей Белых гор все остальное поблекло и потеряло притягательную силу.

Дорога вдоль Катутау очень плоха и тянется долго. Жарко. Стрелка прибора, показывающего температуру воды, предательски приближается к отметке 100 градусов. Приходится останавливаться. Кое-где у основания Катутау видны пятна красных, белых, желтых глин. Это остатки того, что сохранилось в Белых горах.

Но вот дорога становится лучше, далеко впереди показываются сиреневые горы Чулак-Тау, потом слева — одинокая острая черная гора. Мы проезжаем мимо нее и спускаемся на ровную пустыню, полого понижающуюся к далекой светлой полоске реки Или, за которой виднеются горы Богуты. Здесь на нашем пути маленькая зеленая рощица из ив, лоха, чингиля и тамариска, между ними узенький ручеек. В тени деревьев прохладно, влажно: жара для нас сегодня закончилась!

В крошечном оазисе для нашей собаки сразу же находится немало дел. Схватила за хвост агаму и отпустила. Помчалась за тамарисковой песчанкой и долго рыла ее нору. Впервые познакомилась с жабой, и та угостила ее за неуместное любопытство выделениями ядовитых кожных

Громадные конической формы горы подобны египетским пирамидам



26 желез. Потом она долго гонялась за обеспокоенной каменкой, где-то поблизости устроившей свое гнездо.

Отсюда уже виден поселок, и Сергей с охотой изъявляет желание сбегать туда за хлебом, хотя, я догадываюсь, ему невероятно хочется курить: его запасы табака давно кончились.

Я брожу по оазису, иногда выбираюсь из него на солнце, приглядываюсь к насекомым. И неожиданно сталкиваюсь с одной из глужих загадок муравьиной жизни: на чистой площадке возле узенькой полоски зарослей софоры происходит нечто необычное.

Приходилось ли вам, читатель, когда-либо видеть переполох муравьиной семьи? Если, допустим, поднять камень, под которым обосновались муравьи вместе со своими личинками, куколками и яичками, то все жители муравейника в величайшей спешке начнут метаться по земле сперва в растерянности, потом в безудержном стремлении спасти свое добро. Еще муравьиный переполох легко увидеть, когда на муравьев нападают другие муравьи или когда муравьи выпускают в полет своих крылатых воспитанниц-самок и самцов или кто-либо нечаянно или по невежеству разворощет лесную муравьиную кучу. Величайший переполох царил и здесь среди крошечных муравьев-тетрамориум цеспитум. Этот муравей — один из распространенных и многочисленных жителей нашей планеты. Он очень неприхотлив и неразборчив в еде, для своего жилища легко приспосабливает разнообразные убежища, щели, норки, в том числе и брошенные муравейники других видов, он любит почву, хотя бы немного увлажненную.

Сейчас муравьи сновали в спешке по низенькому кустику полынки, с невероятной быстротой взбирались на него и столь же поспешно спускались вниз. Целая толпа крошек будто в помешательстве носилась и возле полынки на узеньком листочке злака, склонившемся к самой земле. С него один за другим сваливались участники этой вакханалии на землю, несколько мгновений катились вниз боком под откос, после чего каждый сворачивался клубочком и замирал в неподвижности.

Мгновенная смерть необычна для насекомых. Обычно жизнь постепенно оставляет их тело. А здесь! Столь быстрый жизненный конец мог произойти только от внезапного поражения нервной системы. Уж не была ее причиной сильнейший стресс, нервное перевозбуждение?..

Ряды смертников росли прямо на глазах, а под листочком злака уже чернела изрядная кучечка погибших. Но не всех участников пляски смерти ожидал фатальный конец. Кое-кто из муравьев, свалившись и покрутившись на земле, бодро вскакивал и бежал по своим делам. Такие не гибли, хотя и принимали деятельное участие в этом страшном церемониале. Они, будто пройдя экзамен, доказывали свою способность к дальнейшей жизни и деятельности на благо общества со столь странными обычаями. (При помощи эксгаустера я изловил таких муравьев, и они в нем чувствовали себя отлично и на следующий день.)

Загадочная и казавшаяся нелепой пляска смерти продолжалась около получаса и, судя по кучке мертвых муравьев, которую я застал, увидев происходящее, тянулась столько же до моего прихода. И... внезапно прекратилась. Сразу. Будто по команде! Муравьи быстро успокоились и принялись за обыденные дела. Но рядом, примерно в двадцати сантиметрах от места происшедшей трагедии, вокруг небольшого входа начали высыпать на поверхность земли другие муравьи этого же вида и тоже заматались в величайшем волнении и спешке. Пробудилось и третье соседнее гнездо. Все эти три гнезда были родственны, хотя и сохранили каждое некоторую самостоятельность в своих делах. Но среполох соседей не сопровождался гибелью его участников. То ли проходила подготовка к предстоящему жесткому отбору, то ли состояние возбуждения первого муравейника передалось другим.

Пока я сидел возле муравейника, солнце припекло меня изрядно, захотелось пить и забраться в тень. Еще мне сильно мешал Кириушка. Ему непременно хотелось знать, над чем так старательно трудится хозяин, и я боялся, что его нос, неосторожно сунутый в разгар муравьиного буйства, испортит все и расстроит мои наблюдения. Поэтому я, привязав собаку, стал наведываться к загадочным тетраморiums. Жители первого муравейника были по-прежнему заняты обыденными делами, рыли землю, носили добычу. На втором и третьем вскоре оказалось несколько тесных группок. В центре каждой находился растянутый за ноги и усики муравей, тоже тетраморium цеспитум. По давнему опыту я знал, что это значит. На муравейнике поймали муравьев-чужаков, разведчиков. Их появление означало многое. Оно обычно предпринималось загодя, до начала массовых боёв между неродственными муравейниками. Тут причина беспокойства была совсем другой, происходила как бы подготовка к предстоящей битве, демонстрация противника и, главное, его запаха. Массовые битвы между муравейниками тетраморiums — обыденное явление. После них муравьи, как бы завершив акт регуляции численности, принимаются вновь плодить многочисленное потомство, готовясь для очередной кровопролитной междоусобицы. Все это было понятно. Но как понять увиденное в первом муравейнике?

К вечеру затих ветерок, перестали шуршать листья деревьев, и в наступившей тишине раздался тихий звон комариных крыльев. Днем они

сидели в укромных уголках, в тени, в прохладе, возле ручейка, опасаясь показаться на жаре и сухости. Теперь же наступил час расплаты за вынужденное бездействие. Я не боялся нападения комаров. Разве это укусы, если вспомнить их полчища в Сибири или в Уссурийском крае! Но мои помощники были на этот счет другого мнения и заявили бурный протест против моего желания остаться ночевать в оазисе. В какой-то мере я был согласен с ними. Пришлось срочно забрасывать вещи в машину и подниматься в каменистую пустыню.

Здесь вдоволь мест для стоянки: безлюдная пустыня раскинулась на десятки километров. Но всюду ровные вершинки холмов заняты колониями большой песчанки, земля изрешечена их норками и оголена. Иногда машина проваливалась в подземные галереи этого грызуна и с трудом выбиралась из неожиданной западни. Ночевать вблизи поселения этого жителя пустыни не хотелось. Большая песчанка иногда болеет туляремией. На ней могут быть блохи...

28 С трудом нашли чистую площадку, вблизи которой не было ничьих нор, быстро попили чай, приготовили постель и легли спать. Пологов решили не растягивать: место было очень безжизненное, вряд ли здесь обитали скорпионы, каракурты и комары, из-за которых путешественнику приходится на ночь принимать меры предосторожности.

С бивака открылась чудесная панорама пустыни. Вдали к югу простиралась далекая долина реки Или, зеленая полоска тугаев, окаймлявшая едва различимую белую ленточку воды, за ней высился хребет Кунгей-Алатау с заснеженными вершинами, а западнее — Заилийский Алатау.

Стало темно. Царила тишина. Чувствовалась едва уловимая плавная тяга воздуха.

И тогда появились комары. С легким звоном один за другим они плавно проносились над нашими головами, не задерживаясь и не обращая на нас никакого внимания. Лишь иногда некоторых из них привлекала компания из трех человек, устроившихся на ночлег на земле возле машины. Поведение комаров было настолько необычным, что мы все сразу обратили на это внимание. Чем объяснить отсутствие интереса комаров к человеку в местности, где на десятки километров вокруг не было ни поселений, ни домашних, ни крупных диких животных? Оставались одни предположения.

Ближайшее место выплода комаров — река Илц — от нас километрах в пятнадцати. Там комариное царство, и в нем мало комаров которым доставалась порция крови, необходимая для созревания яичек.

Кроме того, звери давно привыкли на ночь перебираться подальше от реки в пустыню, на просторы, на ветерок, подальше от комариной напасти. Да и человек, надо полагать, с древнейших времен по той же причине избегал ночлега в пойме реки. Поэтому с попутными ветрами и привыкли комары отправляться в пустыню за добычей, с ветрами же и возвращаться обратно. Сухие пустыни вблизи реки Или кишели комарами, и в этом мы не раз убеждались во время многочисленных путешествий.

Но какая добыча могла привлекать комаров в этой безжизненной пустыне? Очевидно, единственная — большая песчанка, городки которой виднелись едва ли не на каждом шагу. В норе комар безошибочно находил

того, кого искал, и, сытый, отправлялся в обратный путь. Песчанкам же деваться некуда. Привыкли к тому, что их подземные жилища кишели блохами, клещами, москитами и комарами. Так постепенно и развился в местном комарином племени инстинкт охоты за обитателями пустыни, и те, у кого он был особенно силен, равнодушно миновали другую добычу. Среди кровососущих насекомых нередко подобная специализация.

Ночь в пустыне, уложенной плотно лежащими черными камешками, в виду далеких гор, под чистым небом с яркими звездами была хороша, прохладна, тиха и спокойна. Последняя ночь путешествия в Белые горы.



Бессточная впадина Сорбулак



Вспоминаю свою первую поездку на Сорбулак, как сон. Была она давно, вскоре после окончания Великой Отечественной войны и возвращения из армии, и запечатлелась на всю жизнь.

...Весна, пустыня прихорашивается, покрывается нежной зеленью.



Здесь всюду норки пустынного тарантула с аккуратно подогнанной крышечкой. Еще видны норки пустынных мокриц, пчел-галикт, свежие холмики насыпей желтых муравьев туркестанских кампонотусов. Иногда я теряю ориентир и оглядываюсь — где мой велосипед? Он едва виден среди кустиков терескена.

Но вот глаза подмечают необычное. Проходят секунды, пока доходит до сознания: степной удавчик! Я рад встрече. Он удивительно покладист, лежит спокойно на руках, и его желтые глаза невозмутимо смотрят на окружающее. Удавчика я обязательно возьму с собой, мы теперь будем до самого города вместе путешествовать. Я спешу к велосипеду и, едва сделав несколько шагов, натываюсь на степную гадюку. Она шипит, извивается, раскрыв пасть, делает резкий бросок вперед — пугает меня. Гадюку тоже надо бы привезти в город, в Институт зоологии, герпетологам. Удавчика я кладу в карман, а гадюку, схватив за шею пинцетом, несу к велосипеду и вдруг, вот случайность, натываюсь на другую. Придавив ее ногой, думаю, что с нею делать. В это мгновение вижу всадника с большим лохматым псом. Он держит его, наверное очень злого, на веревке, с испугом смотрит на гадюку в пинцете, переводит взгляд на вторую под ногой и замечает удавчика, выглядывающего из кармана. В стороне медленно плывет отара овец. Вот как я увлекся! В глухой пустыне не заметил ни собаки, ни всадника, ни овец. Пастух резко отворачивает коня в сторону. На его лице написан страх и удивление.

В это время удавчик выбирается из кармана. Приходится его брать в левую руку, в правой, в пинцете, — гадюка.

— Зачем змею держишь руками, почему не кусает?

— Эта змея добрая, — поясняя я. — Вот видишь, голова у нее узкая, хвост толстый, зрачок круглый. А эта змея, — показываю я на гадюку, — злая, голова широкая, хвост тонкий, зрачок, как у кошки. На, возьми, поддержи в руках добрую.

Пастух в ужасе пятится от змеи.

— Нет, нет, пожалуйста, не надо, — умоляет он. — Твоя змея все равно страшная. Твоя змея, как беркут. Она тебе ищет другую змею.

Лохматый пес смотрит на удавчика, устрещающе ворчит и скалит зубы.

Гадюк я заталкиваю в мешочек, а удавчика — в карман. Теперь я не один, нас четверо. Ну что же, продолжим путь дальше! Нелегко ехать на велосипеде по полевой дороге с грузом. Со мною спальный мешок, запас еды и воды.

Через несколько часов пути далеко над горизонтом заметил белое зарево. Уж не там ли Сорбулак? Свернув с дороги, иду целиной по направлению к нему, лавируя между кустиками терескена и верблюжьей колочки. Еще час пути — и открылась обширная впадина километров десять в диаметре, искрящаяся белой солью. Испокон веков сюда, в эту громадную чашу, стекались талые и дождевые воды. И грунтовые воды залегают недалеко. Земля, нагреваемая и подсушиваемая солнцем, как фитиль, впитывает влагу. Вода, испаряясь, оставляет на поверхности соли. За многие тысячелетия здесь скопилась масса солей. Так и возникает то, что казахи называют «сор». Кое-где по впадине разгуливали легкие смерчи, поднимая в воздух белую пыль. Впадину пересекала казавшаяся на

Обширные солончаки, поросшие солянками, окружают урочище Сорбулак



- 32 белом фоне черной узенькая полоска воды, окаймленная реденькими тростниками.

Вода в ручье соленая. У его истока виднелось маленькое болотце, с краю которого из-под земли выбивались струйки почти пресной воды. Здесь я и остановился.

Обширная площадь топкой грязи, прикрытая белым налетом, кое-где сверкала длинными причудливыми кристаллами соли. Полнейшее безлюдье и тишина создавали своеобразное настроение. Здесь оказалось много разнообразных насекомых. Пресное болотце, судя по следам, посещалось многими жителями пустыни. Тут были отпечатки лап и барсука, и лисицы, и даже нескольких волков. Пить воду сырой невозможно: она сильно пахла сероводородом. По опыту я знал, что запах этого газа легко исчезает при кипячении.

Среди солянок оказалось множество нор тарантулов, которыми я тогда особенно интересовался.

Наступил вечер. Высоко над землей стали быстро проноситься какие-то бабочки. При полном безветрии они все летели в одном направлении — почти на запад. Но ни одной из них мне не удалось поймать. Массовые перелеты бабочек известны издавна. Некоторые бабочки летят осенью на юг, где зимуют, а весной, подобно птицам, возвращаются на северную родину. Но о бабочках пустыни, совершающих перекочевки, никто ничего не знал.

Потом раздались легкие пощелкивания о брезентовый верх спального мешка: что-то почти отвесно, подобно дождю, падало сверху. Вот пощелкивания стали учащаться, и вокруг на земле закопошились маленькие жужелицы-омары. Жуки, видимо, тоже летели на большой высоте. Неужели и они затеяли массовое переселение и, пролетая над пустыней, внезапно снизились? Как будто подобные вещи не известны для жужелиц! Дождь из жужелиц продолжался недолго.

Еще более сгустились сумерки. Начала гаснуть вечерняя зорька, и, как бывает на юге, быстро наступила ночь, загорелись звезды. День закончил-



По тонкому вду
наследил барсук

Жук-навозник,
бронированный
красавец

ся, пора бы вскипятить чай и вдоволь напиться после жаркого дня и тяжелого путешествия: Топлива не было. Все же из мелких стеблей растений я разложил маленький костер и повесил над ним котелок с водой.

Стояла удивительная тишина — было слышно тиканье карманных часов и биение крови в висках. Иногда раздавалось гудение, отдаленно похожее на звук мотора самолета. Потом гудение стало громче. Совсем рядом пролетело что-то большое, черное и шлепнулось у костра. Это был самый крупный из наших жуков-навозников — гомалокопр, бронированный красавец, с широкими передними ногами — лопатами, лакированным черным костюмом. Вслед за ним второй жук, покружившись в воздухе, упал прямо в костер, разбросав его маленькое пламя. Третий стукнулся о дужку котелка. Воздух наполнился жужжанием крыльев, а сухая трава зашелестела от множества жуков. Вскоре костер был разбросан, а красавцы навозники ползли и летели со всех сторон. О чае не приходилось и думать... Попил тепловатой, пахнущей сероводородом воды, залез в спальный мешок. Лет жуков постепенно затих, а те, что приземлились возле меня, расплозились или улетели.

Ночью с холмов раздался заунывный вой волков. Хищники были явно недовольны, что я занял место водопоя. Потом что-то крупное застучало лапами по спальному мешку. Я пригляделся. По брезенту бродила большая фаланга. Размахивая ногами в мешке, попытался ее сбросить. Но она, такая наглая, промчалась к голове, по пути схватила меня за палец и скрылась в темноте.

На соленой впадине я провел еще один день. Царапина от укуса фаланги в сухом и солнечном климате пустыни быстро присохла. Впрочем, о ней я не беспокоился: фаланги не имеют ядовитых желез, и слухи об опасности этих паукообразных вымышлены. Но на следующий день уже не было больших навозников, и никто не мешал кипятить чай, совсем не летели бабочки, не падали сверху жужелицы-омары, исчезли и волки, и вечер казался обыденным...

Фаланга — ночное животное, и увидеть ее при дневном свете можно только рано утром

Шнабелювки и кулики-ходулочки — очень эlegantные птицы



34 Прошло много лет. Теперь обстановка изменилась, изменился и характер путешествий. Не на велосипеде и не по пыльной проселочной дороге, а на машине и по асфальту быстро промчались мы до станции Чемолган, заправили бакн газа горючим и, не съезжая с асфальта, направились к Сорбулаку. Дорога вела к недавно созданному Куртинскому водохранилищу. По сторонам ее на холмах, когда-то покрытых степными травами, колосились хлеба. Кое-где виднелись белые домики отделений зерносовхоза. Иногда рядом тянулись молодые придорожные насаждения из карагача. Ранее дикая и безлюдная пустыня преобразилась... Но вот поля отступили, и вновь, как и тогда, много лет назад, я увидел роскошные синие дали. Весна обильными осадками напоила землю влагой, и она покрылась густыми травами.

Вот вдали виден и Сорбулак. Я сразу узнал его. Он оказался все тем же в обширных просторах бескрайней пустыни: зеленым, пышным, украшенным красными маками. Только теперь на месте солончака блестело, отливая синевой неба, озеро: многоснежная зима да обильные весенние дожди наполнили почти до края эту бессточную впадину. Голые белые берега да редкие шапки солянок отличали его от настоящего озера. На этот раз над ним не сверкала светлым заревом небо.

Вблизи Сорбулака на холмах на месте зимовок скота кое-где виднелись домики чабанов. Но степь была безлюдна, тиха, и природа казалась задумчивой. Далеко на горизонте в прозрачном воздухе, промытом недавними дождями, продутым ночными ветрами, синей полосой виднелся хребет Заилийского Алатау.

Я съехал с асфальта на проселочную дорогу, миновал несколько домиков с загонами для скота, попал на старую дорогу, похожую на неглубокий с пологими стенками канал. Сотни лет по этой дороге шли караваны, мчались всадники, перегоняли стада животных, а потом, до того как провели асфальт, основательно поездили и машины (и пыль, поднимаемая ими, относилась ветрами в сторону, углубляя дорогу). Теперь дорога заброшена и постепенно зарастает травами. Вдоль дороги тянутся заросли

брунца, или, как называют ботаники это растение, софоры лисохвостной. Оно удивительно стойко. Можно без конца вырывать его из земли, и глубокие корни без усталы будут посылать новые ростки, отстаивая свое право на жизнь. Софора — бич пастбищ. Там, где много скота и пастбищные растения угнетены, не испытывая конкуренции с другими растениями, софора пышно разрастается, а скотина обходит стороной это несъедобное и ядовитое растение. Ботаники утверждают, что родина софоры — юг Средней Азии. Ныне она победоносно шествует к северу, завоевывая все новые и новые пространства.

Недругов у софоры немного, один из них — крошечный, видимый только под сильным увеличением, клещик-эриофид. Эта крошечка проникает в цветки растения и, поселившись в них, устраивает их необыкновенное превращение. Каждая зачаточная тычинка и пестик соцветия усиленно растут, превращаются в тонкий, сантиметров десять длиной, гибкий цилиндрок с продольной тесной сомкнутой трещинкой. Все, вместе взятые, измененные тычинки соцветия образуют густую волосатую фиолетовую или, реже, зеленую метелку. От цветка софоры не остается и следа. Растение обеспложивается, не дает семян.

Еще ранее я просмотрел всю литературу по цецидологии — есть такая наука о галлах растений — и не нашел упоминания про такой галл. Никто ничего не знал и о его возбудителе. В каждой волосинке галла оказалось множество этих удивительных созданий. Малыши, прицепившись к взрослым, переезжали с места на место, и вся эта каша беловатых точек представляла собой хотя и примитивное, но вполне слаженное общество, наверное, со своими неизвестными нам законами.

К осени, когда галлы подсыхали, многочисленные его жители бесследно исчезали. Где они зимуют, как расселяются, как весной находят свое растение-прокормителя, какими силами преобразуют его природу, заставляя расти несуразную мохнатую метелку вместо белых душистых цветков, как живут, размножаются — все это было очень интересно узнать.

Свернув с дороги и проехав по целине, я остановился недалеко от кромки озера, поросшей редкими кочками солянок. Вокруг расстиралась серопольная пустыня. Тронутая колесами машины, она источала терпкий и приятный запах. Едва только был расстелен на земле тент, как на него со всех сторон тотчас же забрались кобылки, мелкие цикадки, разные клопики. Не спеша на него уместился и зеленый богомол, а за ним прошагал, покачиваясь из стороны в сторону, палочник.

Появление машины у Сорбулака было встречено тревожными криками шилоклювок. Черно-белые, длинноногие, с клювом, слегка изогнутым вверх, они в довольно резкой форме заявили протест вселению в их гнездовые владения. К шилоклювкам вскоре с еще большим рвением примкнули несколько куличков-ходулочников. Эти элегантные птицы с очень длинными, похожими на ходули, ярко-красными ногами с настойчивостью преследуют человека своими бесконечными и тоскливыми криками. К счастью, рвение шилоклювок было не особенно велико. Ходулочники прилетели с другой стороны озера, где виднелись тростники и где когда-то я ночевал у ручья, пытаюсь вскипятить пахнущую сероводородом воду. Протест этих птиц носил скорее символический характер, так как

У мухи-жужжала
длинный хоботок,
с помощью которого
она на лету насы-
щается нектаром
цветков



36 наше присутствие не представляло никакой опасности для их потомства.

В одном месте пышно разрослись и зацвели солянки. Цветочки — крохотные, едва заметные белые точки. Без лупы их не рассмотреть. Но скольким насекомым они дают жизнь! Возле них вьются серые пчелки, на лету засовывают хоботки в кладовые нектара. Мухи-жужжало, бабочки-белянки и желтушки тоже ухитряются добыть пропитание из миниатюрных нектарников. Еще сидят на цветках муравьи-бегунки и муравьи-тапиномы.

Издалека заметна над цветущими солянками большая оранжевая оса-калигург, истребительница крупных кузнечиков и кобылок. Она обладает отличным жалом, никого не боится, ни на кого не обращает внимания, спокойная и независимая. Столь же неосторожны черные с желтой перевязью осы-сколии, охотницы за личинками хрущей. Местами очень много жуков-коровок Лихачева и их личинок.

Но особенно богат мир мух-жужжал, этих неутомимых и виртуозных пилотов. Их несколько видов: одни совсем маленькие, светло-желтые, другие чуть побольше, размером с домашнюю муху, и темнее. И еще несколько крупных, элегантных, пушистых, бархатисто-черных, с ярко-белыми перевязями. Больше и резвее всех тех, кто размером с домашнюю муху. Звон крыльев их громкий, высокий. Судя по тону, крылья в полете делают не менее трехсот взмахов в секунду! Полет их характерен. Жужжало застынет на месте, ринется в сторону, возвратится обратно и снова повиснет в воздухе. Я пытаюсь изловить неутомимых жужжал. Но никакой самый быстрый и точный взмах сачком не помогает. Сачок пуст, а муха висит снова в стороне как ни в чем не бывало и слегка покачивается на своих изумительных крыльях.

На чистую от растений площадку садится оса-бембекс — охотник за слепнями и, как всегда после усиленного полета, энергично втягивает и вытягивает брюшко, дышит, засасывая в трахеи воздух. Потом бросается на жужжало. В воздухе клубок неразличимых тел. Нет, оса не угнаться за жужжалой, и она садится на землю. Жужжало, будто сознавая свою

неуязвимость, реет почти над самой охотницей. Та не выдерживает — и вновь в воздухе погоня. И так несколько раз. Оса и муха явно играют от избытка здоровья и сил.

В Сорбулаке плодится множество ветвистоусых комариков. Справив свои брачные дела, они, умирая, падают на землю. И уж тогда над ними пируют многочисленные муравьи бегунки, тетрамериумы, проформики и кардиокондилы. Еды всем хватает, все оживлены, деятельны, сыты. Даже муравьи-жнецы — вегетарианцы, питающиеся зернами растений, и те волокут в свои жилища трупы звонцов. Но больше всех, пожалуй, объедаются паучки-тенетники. На сочных зеленых солянках возле их тенет развешано много белых кокончиков с яичками и маленькими паучками.

Над Сорбулаком стонут ходулочки, кричат чайки, иногда просвистит крыльями стайка уток. Низко-низко, над самыми солянками, летают ласточки. Жарко, сухо, и мелкие насекомые не желают подниматься в воздух. Но на солнце находит облачко, на землю падает несколько капель дождя, и ласточки, вопреки народной примете о погоде, сразу же взмывают кверху: их добыча рискнула теперь расстаться со спасительными зарослями трав.

Вот случайно кем-то оброненная большая из синей пластмассы пробка. Предмет заметный, и лиса на нем обозначила свою метку, свой охотничий участок. Еще я вижу кучку мелко раздробленных панцирей черепах. Это работа орлов! Птицам приходится высоко поднимать в воздух свою добычу, чтобы разбить такую мощную броню о сухую землю.

Кромка солончака у воды изборождена длинными извилинами-валиками. Это, не смея показаться на поверхность, поднимая над собой корочку земли, пробирались медведки. Что они там разыскивали, чем питались — трудно сказать. Осторожность медведок не напрасна. Кое-где виднелись следы охоты барсука. Узкой лапой зверь легко выцарапывал из норки эту в общем крупную добычу. Здесь было немало этих насекомых. В сторону тростничков все время пролетали озерные чайки, и в их клювах болтались медведки. Как они их находили и вытаскивали из-под земли — уму непостижимо!

На берегах Сорбулака отличные следовые страницы. Поэтому, повесив на себя полевую сумку, несколько фотоаппаратов, а также захватив баночку с гипсом и фляжку с водой для того, чтобы снять отпечатки понравившихся следов, я отправляюсь бродить по гладкой солончаковой земле.

Что за узкая черная полоска, протянувшаяся по недавней линии береговой кромки воды? Она, оказывается, состоит из маленьких погибших синих листогрызов. Их здесь множество. Как жуки попали в воду? Вероятно, перелетая Сорбулак, сбитые ветром, они падали в воду и уже не могли выбраться из нее. По гладкой земле носились светлые жуки-скакуны. Их личинки всюду наделали норки с аккуратным круглым входом.

Как я и ожидал, здесь оказалось немало следов. Больше всего натоптала маленькая лисичка-корсак, и, хотя ей здесь, казалось, делать было нечего, отпечатки ее лап виднелись всюду. Впрочем, может быть, она, хитрая,

Бронзовки поедают
цветы солодки

Жуки-нарывники —
обычайные обита-
тели пустыни

Страшный бич пус-
тынь и оазисов —
азиатская саранча
в нашей стране
побеждена



38 промышляла птенчиков шилоклювок, а обездоленные родители не зря проявляли сейчас столь истерический характер.

Не ждал я увидеть здесь на открытой пустыне следы семейки косуй. Осторожные животные бродили по простору солончака, потом собрались кучкой, потоптались на месте и вновь разошлись. Там, где почва плотная, животные отпечатывали копыта красивым «сердечком». Но едва только ступали на топкую почву, как след преображался, копытца для большой опоры сильно расходились в стороны, оставив еще и отпечатки «коготков».

Мне понравилось несколько следов барсука и корсака. Но я не стал пользоваться гипсом, а взял и вырезал кусочки почвы вместе со следами. Потом, когда они высохли и затвердели, экспонат для коллекции следов получился отличный.

На вязкую почву солончака забредали черепахи. Их следов (закорючек) было немало. У большинства черепах все же хватало сообразительности повернуть обратно. Прочная броня и недоступность врагам не способствовали развитию психической способности у этого животного, и одна не пожелала свернуть с заранее намеченного пути и безнадежно застряла в жидком иле недалеко от кромки воды.

С высоких холмов на голые солончаки, как на дачу, переселились муравьи-бегунки. Аккуратные холмики их гнезд виднелись во многих местах. Неутомимые землекопы, они из выносимой наверх земли быстро возвели идеально круглые курганчики, похожие на миниатюрные кратеры. Курганчики, быстро высохнув, стали крепкими. Они — отличная защита подземных жилищ на случай проливного дождя и возможного наводнения. В жаркой сухой пустыне бегунки никогда не делают таких курганчиков. Там они ни к чему. Сухая мелкая земля, вынесенная наверх, разбрасывается в стороны и развеивается ветрами. Под курганчиком располагались широкие и обширные залы. Никогда, даже у самых крупных муравьев, не приходилось встречать таких просторных помещений, как здесь. Ради пристрастия к излишкам жилплощади муравьям приходится



трудиться едва ли не в несколько раз больше обычного. Очевидно, чем крупнее камеры, тем сильнее обмен воздуха и меньше влажность. Этот своеобразный дренаж сушит почву. Так, муравьи устраивают помещения не только с неодинаковой температурой, размещая камеры на различной глубине от поверхности земли, но и с определенной влажностью.

Но почему бегункам нравятся голые, открытые площадки пустынь? Казалось бы, на бесплодной земле им нечего делать. Эта загадка долго меня занимала. Оказалось, что на землю постоянно падают летящие насекомые, одни — случайно, другие — погибая. Неутомимому бегунку легко разыскивать такую добычу, легко по гладкой поверхности и дотащить ее до своего жилища с большого расстояния.

В одном месте я увидел старательно работающую самочку бегунка. После брачного полета она обосновалась на голом берегу вдали от опасности. Здесь, вырыв норку, заботливая мать вырастит своих первых дочерей-помощниц и, возможно, если судьба ей будет благоприятствовать, положит начало новому муравейнику.

Как и прежде, поразило на Сорбулаке обилие трупиков навозников громадных гамалокопров, скарабеев и других, поменьше размерами. Жуки гибли, влипая в жидкий солончак. Что влекло сюда этих крупных и сильных насекомых?

Вдали от Сорбулака в степи среди яркой зелени виднелась красная полоска цветущего мака. А далее за ней сверкал большой ярко-голубой залив или озеро. Я уже целых полчаса бреду к голубой полоске по степи (пустыней сейчас нельзя назвать эту землю), а она все еще далеко.

Кое-где шевелится трава. Среди растений неторопливо ковыляют степные черепахи. Они подолгу всматриваются в меня, моргая маленькими подслеповатыми глазками, затем втягивают голову и ноги под панцирь, пряча свое тело под надежную защиту прочного бункера.

Среди сизой полыни видны скопления больших серо-голубых, в изящных полосочках и пятнышках гусениц походного шелкопряда. Их дружные семейки, братья и сестры, вышедшие из яйцекладки матери, все

Вблизи Сорбулака
растет обильно пло-
доносящая селит-
рянка; ее ягоды
съедобны

Гусеницы походного
шелкопряда живут
семьями, но, преж-
де чем окуклиться,
распадаются в раз-
ные стороны

Хищный ктырь пой-
мал муху-жужжало



40 еще не расстались друг с другом, путешествуют походным строем. На ночлег и на время линьки гусеницы собираются плотным клубком. Но вскоре они разбредутся и превратятся в куколок, из которых через несколько дней вылетят бабочки.

Возле небольшой татарской лебеды три муравья-бегунка деловито роют землю вокруг стебля. Осторожно я отгоняю одного за другим, но они с завидным упорством возвращаются обратно и вновь принимаются за прерванную работу. Может быть, в этом месте случайно завалило землей их товарища, и он, оказавшись в беспомощном положении, подает сигналы, просит их о помощи? Такое у бегунков я наблюдал не раз. Но земля в этом месте чиста, плотна и крепка. Тогда принимаюсь за раскопку и я. Вскоре добираюсь до корня и вижу на нем маленьких розовых личинок червеца. Так вот почему муравьи копали землю! Они пробивались к дойным коровушкам. Но как они почуяли их через слой земли толщиной в несколько сантиметров? Или, может быть, червецы сами подали сигнал: мол, мы здесь, ждем вас, вашей защиты и очень давно приготовили сладкое угощение!

Голубая полоска уже близка, и я начинаю догадываться, что это такое, но мое внимание неожиданно отвлекает изрытая ямами земля. Тут дикие свиньи основательно взрыхлили землю в поисках корней. Две крупные свиньи и пять подсвинков оставили на солончаке отпечатки крупных копыт и «коготков». Где же такие большие и заметные звери скрываются на день? Вокруг гладкая, слегка всхолмленная пустыня, и нет на ней ни зарослей густых высоких трав, ни кустов, ни деревьев.

Голубая полоска встретила меня густым ароматом нектара. Это цвели изящные и скромные незабудки, и было их так много, будто кусочек неба опустился на землю.

Незаметно пролетел день. Солнце уходит за холмы, розовое небо постепенно темнеет. Еще гуще синеет далекий хребет Заилийского Алатау. Теперь его белые вершины, покрытые ледниками, стали розовыми, потом побавровели и внезапно потухли.



Пробудились жнецы, вышли из гнезда и полились черными ручейками по тропиночке за поспевшими зернами трав. В то время, когда сборщики урожая трудятся наверху, в темных камерах работают луцильщики зерна, освобождая их от оболочки. Носильщики отбросов выволакивают длинные чешуйки зерен пустынного злака и бросают их тут же на холмике вокруг входа. Некоторые из них волокут чешуйки далеко от гнезда по тропинке сборщиков до самой плантации, где происходит жатва, и там, покрутившись, бросают ношу. Кто они, такие несмышленные, и зачем так далеко несут на себе никчемный груз? Сборщики урожая, намерившись выбросить наружу шелуху зерна, понесли ее по привычному и изведанному пути на место жатвы. Привычка, говорят, вторая натура, и отказаться от нее нелегко не только муравьям.

41

В наступивших сумерках раздались далекие трубные крики журавлей. Ночью меня разбудил хриплый крик лисицы. Очевидно, животное выражало таким образом свое недовольство появлением человека. Восточный ветер принес со стороны Сорбулака густой запах сероводорода. Дышать стало тяжело и неприятно. К счастью, восточный ветер вскоре пересилил западный — чистый, свежий, ароматный, пахнущий полынью. Запах сероводорода навел меня на мысль о том, что, может быть, обманутые им, и летели к Сорбулаку гамалокопры, скарабеи и другие навозники. Когда под знойным солнцем выгорает пустыня, а скот угоняют на летние пастбища далеко в горы, они, бедные, голодая, летели сюда, уловив этот предательский запах, отдаленно напоминавший их исконную добычу — навоз.

Рассвет совпал с далеким и многоголосым криком чаек. Где-то на другом берегу была их колония. Потом с неба полились трели жаворонков и зазвенел от их песен воздух. Чайки неожиданно полетели одна за другой с озера в степь, все в одном направлении — на запад, к далеким синим холмам. Вскоре чаек не осталось ни одной. Далеко на горизонте на холмах, будто букашки, медленно ползают тракторы. А за тракторами выются белые точки. Становится понятным: едва только трактористы приступили

к работе, как чайки примчались на пахоту. Здесь отличная пожива — масса почвенных насекомых. Не там ли птицы добывают медведок?

Захотелось побывать у полоски тростников на противоположном берегу Сорбулака. По целине, раскачиваясь на ложбинах, направляюсь туда на газике. Вот наконец и попутная дорога. Полоска тростничков отсюда недалеко, до нее каких-нибудь двести-триста метров. Она тянется вдоль родничка. По нему и дано название этого своеобразного уголка пустыни: ручеек — по-казахски «булак», солончаковая впадина — «сор». В бинокль я вижу за тростниками обширное поле черной грязи, едва прикрытой водой, и на ней множество птиц. Стоят серые журавли, повернули в мою сторону головы. Торчат головки каких-то уток. Их там очень много.

42 Я поспешно вытаскиваю фоторужье и медленно приближаюсь к этому царству пернатых. Птицы застыли, насторожились. У них нет доверия к человеку, и мне не удастся подойти на верный фотовыстрел. Вскоре в воздух поднимается стая журавлей и, слегка покруглившись, усаживается у того берега Сорбулака, который я недавно покинул. За ними взлетает табун гусей, выстраивается прямой линией и тянется далеко за горизонт пустыни. Я успеваю их подсчитать: в табуне около сотни птиц! За гусями взлетает стайка уток-отаек и с громкими воплями уносится в сторону. Потом, сверкая большими крыльями, поднимаются крупные пегие утки. Последней покидает место птичьего сборища стайка шустрых чирков.

Мне жаль потревоженных птиц и в то же время радостно, что вот здесь они нашли приют, и никто не тревожит их покой. Идеи охраны природы постепенно проникают в сознание людей, а слово «браконьер» становится бранным.

Но откуда сейчас, в середине июня, в разгар гнездового периода, когда птицы давно уже живут только парами, занятые заботами о потомстве, могли оказаться стаи журавлей, гусей и уток? Кто они — холостяки, отказавшиеся от семейных забот, или, может быть, молодежь, которой полагалось еще год похолоствовать, набраться птичьей мудрости, подготовиться к исполнению родительских обязанностей?

Потом я брожу вдоль ручья, натякаюсь на колонию барсучьих нор. Ночной и домовитый житель сейчас мирно спит в тишине в своих просторных подземных апартаментах, и нет ему никакого дела до жаркого солнца, повиснувшего над заснувшим Сорбулаком. Потом нахожу небольшую кочку из сухой земли вблизи тростников, усаживаюсь на нее, вынимаю тетрадь и принимаюсь за записи. Строчки одна за другой ложатся на бумагу, я забываюсь, отключился от окружающего меня мира, и до моего сознания не сразу доходит странный и очень знакомый звук: из тростников раздается негромкое хрюканье диких свиней. Побродив ночью по голой пустыне, животные нашли это единственное убежище, небольшой клочок тростниковых зарослей среди заболоченного ручейка, в жидкой, пахнущей сероводородом грязи.

Надо поскорее убираться отсюда.

Дальше путь продолжается по восточной стороне озера. Впереди бугор. Он возвышается над берегом. Что там? А на бугре бьет прекрасный и чистый родничок. Рядом с ним и чуть выше его остатки сакской могилы,



Прошел дождь,
и исчезла белизна
соли

выложенной привезенными издалека каменными плитами. Видимо, над могилой когда-то был курган, но постепенно его разрушило водой и ветрами.

Продолжаю путь дальше по восточной стороне Сорбулака. Скоро он кончится, а там уже асфальт.

Стала меняться погода, сначала подул ветер, озеро покрылось рябью, посинело. Потом по небу пошли кучевые облака, за ними потянулись большие, высокие и темные. На горизонте появились вихри темной пыли. Длинными космами они поднимались вверх, переплетаясь друг с другом, сливались в сплошные серые громады. Это ветер поднял с пахоты почву. Надвигался ураган. Вскоре подул сильный ветер, пошел крупный дождь, и сразу же ослепительно белый солончак потемнел и преобразился. Затем на небе засияла яркая и пологая радуга. Ее середину заволокла черная туча пыли, идущей впереди дождя.

Дождь был недолгим, и, когда он закончился, в воздухе стало прохладно и свежо. К тому же солнце клонилось к горизонту. Мгновенно оживились муравьи-жнецы—любители прохлады, выползли из своих подземных убежищ, потянулись во все стороны искать поживу. В страшной суете затеяли переселение муравейника муравьи-тапиномы. Выбрались наружу муравьи-тетрамориумы. Лишь бегункам—любителям зноя не по себе, они спрятались в свои хоромы.

Среди оживленной процессии красногрудых жнецов я вижу сутулую черную самку. Если из гнезда уходит на прогулку единственная самка, что случается очень редко, муравьи поднимают тревогу, опасаясь за судьбу своей родительницы. А здесь—хоть бы кто-нибудь обратил на нее внимание, будто так и надо. Я наблюдаю за ее прогулкой и вдруг замечаю другую такую же самку, за ней—еще, а потом—удивлению моему нет конца—десять самок прогуливаются вокруг муравейника вместе с рабочими, а одна, самая деятельная, подтащила к входу большую палочку и уложила ее над ним сверху. Он, кстати, слишком велик, его следует уменьшить, и палочек над ним наложено уже немало трудолюбивой

родительницей. Все палочки большие, такие даже крупный солдат не принесет.

Долго продолжалась прогулка самок. Но ветер подсушивал землю, солончак постепенно стал белеть. И это быстрое превращение пейзажа казалось таким необычным! Многие самки стали скрываться в подземелье. Меня удивляло, что в одном муравейнике их столько оказалось.

Впрочем, в жизни муравьев нет трафарета, и постепенно из-за стечения различных обстоятельств могут складываться самые различные ситуации. Обычно, когда самка одна, ее берегут, она занята, кладет яички. Когда же самок много, пищи мало, делать нечего, почему бы не участвовать в общем труде?

Вот и конец Сорбулака.

С асфальтового шоссе, оборачиваясь назад, я гляжу на обширную впадину, созданную многими тысячелетиями жизни пустыни.

Прощай, Сорбулак! А может быть, и до следующего свидания.



Там, где кончается Джунгарский Алатау



Наш путь лежит из
Алма-Аты на хребет
Малайсары, на север,
по благоустроенной
и широкой автостраде
в город Капчагай, рас-
положенный близ водо-
хранилища, питаемого
рекой пустыни — Или.
За этим городом до-
рога, петляя, пересе-
кает реку Или.



Она взбирается на обширное и пустынное плоскогорье Карой и идет вновь на север к низовьям реки. Здесь высотомер показывает около тысячи метров над уровнем моря, хотя вокруг настоящая пустыня, поросшая серой полынью. Однообразие этого плоскогорья угнетает.

Вскоре плоскогорье понижается, и на горизонте показывается голубовато-сиреневый пологий и невысокий хребет Малайсары. Он — самый западный отрог Джунгарского Алатау. Узким длинным языком он вдается в прибалхашскую пустыню, покрыт серой полыньей или солянкой — баяльцем. В понижениях, возле крохотных ручьев, кое-где сбегающих с хребта, растительность богаче. Здесь появляются чингиль, таволга, курчавка. Во многих местах горы прорезают пологие распадки. Там же, где показываются коренные породы, распадки переходят в неглубокие ущелья. Западным концом хребет упирается в реку Или. Здесь кончается величественный хребет Джунгарский Алатау.

46 Хребет и пустыни, его окружающие, используются только как зимние пастбища. В ущельях располагаются домики пастухов и загоны для скота. Кое-где на плоскогорьях иногда сеют хлеб, но он вызревает только в годы, богатые осадками.

Я давно собирался проехать хребет Малайсары от начала до конца на автомобиле. Вдоль его подножия есть проселочные дороги. Впрочем, в сентябре скот еще не пригнали на зимовки, за весну и лето природа восстановилась, земля покрылась растительностью, а звери и птицы отвыкли от человека. Сейчас все живое уже закончило свои дела, и природа, тихая, спокойная, медленно угасала в ожидании самого скучного времени жизни пустыни — долгой зимы.

Спуск с плоскогорья Карой закончился — и перед нами ровная около десяти километров шириной долина Кербулак (Сухой ключ). По ней тянется слегка извилистое с отвесными стенками сухое русло. Пустыня бедна водой, и там, где, казалось, судя по местности, должна быть река, сухо, и лишь ранней весной за несколько дней промчатся потоки талой воды, да иногда от внезапного летнего ливня пронесутся воды, смешанные с землей, щебнем и вымытыми растениями. Потоки эти быстро исчезают, оставляя после себя следы короткой и бурной деятельности. Тот, кто впервые попадает в пустыню, увидев сухие русла, невольно думает о том, что когда-то здесь текли полноводные реки.

С асфальтового шоссе вдали видна тоненькая светлая ниточка проселочной дороги, ведущей на запад, к далеким тугаям реки Или, и я сворачиваю на нее. Песчаная почва не пылит, ехать по ней не трудно, и вскоре мы возле тихой реки Или, среди зарослей ив, колючего лоха, чингиля, высокого злака чия, зеленой солодки и софоры. Деревья еще не оделись в осенний наряд. Светло-зеленые ивы оттеняют сизовато-зеленую листву лоха, всюду на деревьях видны лианы ломоноса с почти белыми пушистыми подушками семян, охристо-желтые головки молодых тростничков собрались группками, а склоны обрывов пестреют лимонно-желтыми и бордово-красными солянками. Золотая пора пустыни, когда ночи свежи и прохладны, днем солнце греет ласково и не такое ослепительное и знойное, как летом.

Над высокими крутыми обрывами — когда-то и возле них текла



Ветка цветущей
таволги

Паук-аргипа
брюенхи на тенетах

река — носятся шумные галки и присаживаются в ниши, где были их гнезда; в зарослях чингиля цокают фазаны. В воздухе носятся стремительные стайки скворцов, дружно и слаженно совершают головокружные пируэты, строго соблюдая дистанцию между собой в соответствии со сложными правилами высшего птичьего пилотажа. Прожужжит куда-то торопящаяся муха, нудно прозвенит над ухом редкий комар, почувывший добычу. Звуки природы подчеркивают ее удивительную тишину. Я люблю эту тишину и готов бесконечно ею наслаждаться, отдыхая от городского шума.

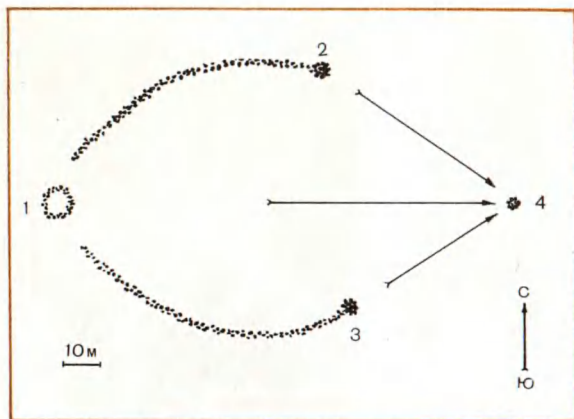
— Да, тишина чудесная! — соглашается мой спутник Николай. Но вскоре добавляет: — А знаете, в этой тишине не хватает чего-то!

И включает радио. Типичный житель города, воспитанный в нем с пеленок, он не способен жить без привычных звуков, пусть совершенно бесполезных и ненужных для восприятия окружающего. Не без труда мне удается уговорить выключить радио, попытаться привыкнуть к тишине природы.

Иногда к нам прилетают яркие, шумные и стремительные осы-бембеки — истребительницы слепней, которыми они кормят своих находящихся в норках личинок. С громким жужжанием они крутятся, ищут, есть ли возле нас эти гнусные кровопийцы. Иногда к такой осе, нарушая неприкосновенность чужого охотничьего участка, подлетает другая оса. Тогда между соперницами разгорается вражда, одна прогоняет другую. Несмотря на подчас довольно ожесточенное сражение, разыгрывающееся между дуэлянтками, они никогда не применяют свое смертоносное оружие — жало.

Тот, кто не знает доброй миссии этих ос, предначертанной природой (а большинство людей очень плохо представляют жизнь насекомых и незнакомы с их многоликим миром), принимает визит бембеков за акт недоброжелательства и, отбиваясь от своих защитников, по незнанию своему лишает жизни этих совершенно безвредных и безопасных для человека созданий. Зато коровы и лошади, обладая безошибочным

Курган с грядами урочища Малайсары. Левая стрелка указывает направление восхода солнца в день зимнего солнцестояния, средняя — в дни весеннего и осеннего равноденствия, правая — день летнего солнцестояния



48 инстинктом — этой мудрой памятью, оставляемой далекими предками, очевидно, по звуку полета прекрасно различают друзей от врагов и никогда (никогда!) не отмахиваются от бембесов.

Мы не спеша едем вдоль поймы реки Или, минуем красный глинистый откос с двумя кем-то издавна вырытыми неглубокими пещерами, направляемся к западной оконечности Малайсары и к вечеру поднимаемся на плоскогорье: вдоль реки дальше ехать нельзя, к воде подступают утесы.

Крутой подъем выводит нас в лёссовую пустыню, сухую и пыльную. Здесь неторные дороги разбегаются в стороны. Отсюда мы видим заманчивую излучину реки и направляемся по ведущей к ней дороге. С высокого холма очень хорошая видимость. С севера совсем рядом — пологие горки хребта Малайсары, с востока проглядывают далекие снеговые вершины Джунгарского Алатау, с севера — обширная в зеленых тугаях долина реки Или. Она здесь круто заворачивает сперва на запад, а затем к северу. За долиной на юге виден заснеженный Заилийский Алатау.

Мы стоим на вершине кургана. Топографы соорудили на нем временный ориентир, вкопали длинную жердь. К западу от кургана я заметил что-то необычное. Надо подъехать, разглядеть поближе, узнать, что там такое!

Да, так и есть! Я впервые вижу так называемый курган с грядами, или, как их еще называют, с «усами», о которых прежде читал в археологической литературе. Центр сооружения занимает небольшой курган (1) диаметром около четырех метров. Собственно, это даже не курган, а колыцо из камней, внутри которого гладкая площадка. От этого кургана справа и слева, направляясь на восток, идут две гряды камней. Каждая гряда заканчивается маленьким холмиком (2,3). Между ними еще едва заметен один крошечный холмик (4). Кое-где на грядах среди обычных камней сохранились камни больших размеров, стоящие торчком. Не представляют ли все сооружения какие-то ориентиры?

Курган с грядами очень старый. Камни почти занесены почвой, а многие целиком ею погребены. После того как весь этот своеобразный

комплекс был построен, ветры отложили здесь не менее чем полуметровый слой почвы.

Такие курганы издавна привлекали внимание археологов. Первое описание аналогичного кургана было сделано еще в 1927 г. А. Ф. Семеновым в бывшей Акмолинской области. Затем, в 1932 г., один из курганов был открыт и обследован в Калмыкии И. С. Рыковым совместно с И. В. Синициным. Год спустя еще один курган с грядками был раскопан в Центральном Казахстане экспедицией Государственной академии истории материальной культуры и, наконец, в 1946 г. А. Х. Маргулан также в Центральном Казахстане раскопал серию таких курганов.

Сейчас известно довольно много курганов с грядками, и о них казахстанским археологом М. К. Кадырбаевым составлена весьма обстоятельная сводка. Как оказалось, курганов с грядками больше всего в Центральном Казахстане, в так называемом Казахском мелкосопочнике. Их распространение довольно четко ограничено с запада Улутаускими горами и верховьями реки Ишим, с севера — южными районами Кокчетавской области до Щучинска и озера Боровое, с востока — зоной плоских увалов и низкого мелкосопочника Калбинского хребта. Южная граница простирается до северных районов Прибалхашья и Бетпак-Далы. Одиночные курганы с грядками найдены на территории южного Казахстана, в Семиречье, а также, как уже упоминалось, в Калмыкии.

49

М. К. Кадырбаев различает четыре варианта таких курганов. В первом варианте — курган с захоронением человека в погребальной камере ниже поверхности земли. К кургану примыкает с востока маленький курган с костями лошади и одним-двумя глиняными сосудами. В маленьком кургане нет погребальной камеры, а насыпь сделана на поверхности земли. Во втором варианте — два кургана, расположенных рядом с севера на юг, из которых в северном находится захоронение человека, а в южном — кости лошади и один глиняный сосуд. В кургане с костями лошади также нет погребальной камеры. Третий вариант уникален: на большом кургане с захоронением человека расположен курган маленький с костями лошади и сосудами. В четвертом варианте тоже один большой курган, но только с захоронением человека, с сосудами, без костей лошади. Теперь следовало бы признать и пятый вариант курганов — без следов захоронения человека.

Варьируют также и сами грядки. Чаще всего они сложены из прилегающих друг к другу и наложенных один на другой небольших камней. Но в некоторых сооружениях гряды состоят из отдельных маленьких курганчиков, сложенных из камней. Был найден курган, грядки которого построены из каменных плит с промежутками между ними, а также курган с грядками из двух рядов каменных плит, перегороженных поперек торцовыми плитами.

По предметам, обнаруженным при раскопках курганов, удалось довольно точно датировать эти своеобразные сооружения. Курганы с грядками характеризуют собой этап самобытной культуры, связанной с культурой эпохи поздней бронзы — примерно VIII — VI веков до нашей эры, т. е. около 2500 — 3000-летней давности. Самые поздние из них датируются V веком нашей эры. Курганы принадлежали местным племе-

нам преемников и прямых наследников сибирских племен андроновской культуры. К этому времени на территории современного Центрального Казахстана зародилась, по существовавшему тогда уровню, довольно высокая культура, оставившая следы поселений, рудников, поминальных сооружений и надгробных памятников. Это был центр ранних кочевников, скотоводов и древней металлургии.

Курганы с грядками всегда отличались богатством находящегося в погребениях инвентаря и представляли собой особый тип сооружения, являясь внешним выражением культуры скифско-сакского типа. Богатство и пышность инвентаря послужили поводом отнести курганы с грядками к погребениям родо-племенной знати.

50 Уже упоминавшиеся первые исследователи высказали предположение, что курганы с грядками имели всецело ритуальное значение, так как, кроме следов кострищ, они не нашли ничего, в том числе и захоронений человека. В дальнейшем многочисленные раскопки поколебали это предположение, однако пристройки к курганам были признаны отражением солярного культа, так как всегда направлены на восток. Итак, курганы с грядками, по заключению исследователей, представляют собой памятники родо-племенной знати с пристройками, имеющими какое-то ритуальное и культовое значение.

Чем же интересна наша находка?

Примечательная и уникальная ее особенность в том, что там, где полагалось быть кургану с захоронением, на поверхности земли выложено только одно кольцо из камней, т.е. как бы нанесен контур будущего кургана. Не может быть захоронения и на холмиках, расположенных на концах грядок, так как они слишком малы.

Я проверяю расположение сооружения по компасу и замечаю, что линия, идущая от центрального круга на маленький срединный холмик, направлена строго на восток. И тогда у меня зарождается предположение... Но, впрочем, надо сперва тщательно нанести на план нашу находку. Сегодня 22 сентября, день осеннего равноденствия, когда солнце точно восходит на востоке; интересно, как будет завтра утром?

Мы спускаемся к реке, к потемневшему тугаю. В вечерней тишине со всех сторон слышался тонкий и нежный звон: в воздух поднялись в брачной пляске миллиарды мелких ветвистоусых комариков. Потом на сухое дерево прилетела стая галок. Когда к ним присоединилась вторая стая, птицы поднялись в воздух, покружились и уселись на косе посредине реки, напротив нашего бивака, да так и остались на ночь. Будто сговорившись, все сразу закричали фазаны, потом неожиданно замолкли.

Ночью сквозь тонкую ткань палатки светила луна, и спалось от этого тревожно. Вот как будто еще больше посветело, чуть-чуть зарозовел восток. Я выбрался из постели. Стая галок все еще мирно спала на косе. Как свеж и чист утренний воздух!

Я выбрался на холмы. Вот и курганы. Разгорелась заря. Далеко над рекой протянула стая уток. Я встал посредине центрального кургана и смотрю на дальний, который на горизонте с топографической вешкой. Наконец показалась часть диска красного солнца. Но оно начало всходить не над курганом с топографической вешкой, а правее его, как раз над



Хребет Малайсары.
Его растительность
выгорела под зной-
ным солнцем пу-
стыни

маленьким холмиком, расположенным между курганчиками, венчающими каменные грядки. Ну что же! Значит, этот холмик здесь неспроста. Он, если его можно так назвать, смотровой, если смотреть на него с обоих концевых курганчиков. Предположение начинало оправдываться. Курганы явно имели астрономическое значение. Если так, то все сооружение представляет собой не что иное, как обсерваторию древних, своеобразный астрономический прибор, может быть, кроме того, еще использовавшийся и для ритуальных целей. Здесь, на этих пустынных холмиках, наверное, не раз происходили шумные празднования, разыгрывались ритуальные церемонии, совершались акты правосудия, торжественные обряды. Мне живо представилось, как несколько тысяч лет назад тут, осматривая голубые дали, реку и тугаи, стоял мудрый старец и, прикрыв глаза рукой, всматривался в горизонт, ожидая восхода солнца. Только он один был посвящен в тайну использования «обсерватории» и, предчувствуя свой близкий конец, поведал о ее значении из уст в уста своему преемнику. Но завоеватели были безразличны к этому чуду древней науки, а древние астрономы погибли и унесли тайну обсерватории с собой в могилу. Сейчас лежит здесь безликая молчаливая пустыня. Лишь изредка пропылит по неторной дороге грузовик да прогонит отару овец пастух.

Попрощаемся с курганами и поедем дальше. Мне придется еще немало над этим поработать, познакомиться с литературой по астрономии и археологии, да и сюда наведаться не раз, чтобы доказать значение находки.

Мы поворачиваем обратно, к востоку, по долине Кербулак добираемся до асфальтовой дороги, пересекаем ее и находим путь вдоль подножия гор. С холма на холм мчит нас машина рядом с пологими горами Малайсары. Временами на нашем пути — небольшие долины, в некоторых из них струятся ручейки.

В одном месте ландшафт неожиданно изменился — и перед нами раскинулась каменистая пустыня. Поверхность земли плотно прикрыта мелкими камешками, и она ровная, как асфальт. Кустики солянок растут

друг от друга в отдалении, будто ради того, чтобы не мешать добывать из этой обиженной природой земли воду и скудные питательные вещества. Кое-где высятся небольшие горки. Иногда на вершине одной из них маячит одинокий пастушеский столб, сложенный из камней. Здесь царят тишина и покой. Лишь изредка торопливо пробежит ящерица-круглоголовка да крикнет тоскливо одинокая птица, случайно залетев сюда. Даже вездесущие муравьи избегают эту мертвую пустыню.

Мы остановились на ровной и чистой площадке, покрытой мелким черным щебнем, вблизи крохотного ручейка. Солнце клонилось к горизонту. С окружающих гор среди тишины неожиданно раздались своеобразные крики горных куропаток-кекликов. напуганные нашим появлением, пригнувшись к земле, они один за другим помчались по склонам горы. Сейчас же над птицами закружилась пустельга. Она долго трепетала в воздухе на одном месте, потом ринулась вниз. Раздался громкий крик, куропатка подпрыгнула навстречу опасности, намереваясь отразить нападение ударом клюва.

Атака хищника не удалась.

52 Вновь пустельга зависла над добычей, опять бросилась вниз и снова получила решительный отпор. И так несколько раз.

Пустельга — небольшая хищная птица. Она обычно питается крупными насекомыми, иногда пробавляется мышами, мелкими птицами. А тут кеклики... Наверное, когда кеклики были совсем крошечными, пернатый разбойник не раз нападал на них, беззащитных. А теперь вспомнил старое.

Рядом с нашим биваком — большая коричневая гора, и я решил забраться на нее. Солнце садилось за горизонт, закат был удивительно чистым, его золотистые тона постепенно переходили в нежно-зеленые, затем слились с темной синевой неба. Заходящие лучи солнца скользнули по камням и отразились на них, покрытых загаром пустыни. красными бликами. Такие скалы — излюбленное место для древних наскальных изображений. На хребте Малайсары мне пока не приходилось их видеть.

Едва я начал карабкаться на гору, как с обрывистого выступа слетел канюк и, покружившись надо мной, исчез. Там, откуда он снялся, оказалось гнездо: большая куча сухих веток боялыша едва ли не в метр высотой, увенчанная тремя крупными, почти как куриные, яйцами, белыми, с легкими коричневыми крапинками. Но какой необычный материал для подстилки гнезда использовали канюки! Здесь была едва ли не целая кипа газетной бумаги, напластованной друг на друга, пустая пачка из-под папирос, обрывки веревок. Все это птица подобрала на обширнейших просторах когда-то безлюдного хребта. Человек, засоряющий природу различным хламом, явился поставщиком материала для постройки гнезда. Пройдут годы, и хищные птицы начнут таскать в гнезда обрывки тканей и упаковки из синтетических материалов, в которых не будет недостатка.

Наскальных рисунков на горе не оказалось. На следующий день мы, поднимаясь кверху, едем мимо больших черных скалистых гор. Отсюда открываются обширные дали пустыни, и, наверное, здесь должны быть наскальные рисунки. Чутье меня не обмануло. Вот козел с очень длинными рогами (1); два козла, из которых передний очень похож на антилопу-сайгу



(2); козлы с каким-то странным знаком-трезубцем (3); козел и рядом что-то похожее на скорпиона (4). Грубо, но выразительно высечена фигура волка с толстым длинным хвостом (5). Волк преследует целое стадо козлов (6). Двух козлов гонит собака, хвост у нее закручен кренделем (7). На камне старательно выписана фигура оленя, а ниже — козлы (8). Кто-то другой дополнительной линией округлил фигуру оленя, сделал толще, мясистее. Рисунки очень старые, и безыскусные изображения козла и лошади начали разрушаться (9). Нашлись и рисунки корабля пустыни — верблюда (10). И снова здесь загадочные рисунки лабиринтов (11). Будет ли когда-нибудь известно, что они означают, или тайный смысл их безвозвратно утерян? Вижу я и знакомый рисунок стреноженного козла (12). Он был воспитан в неволе, и на него охотники приманивали диких козлов. Стреножена и лошадь (13). Рядом с этим рисунком — животное с короткими ушами и длинным хвостом. Это барс (14). Два рисунка с изображением человека. На одном — он рядом с волком или собакой (15); на другом — между лошастью и козлами что-то несет, подняв руки кверху (16). В общем все рисунки обыденны, мало отличаются от великого множества их, встреченных мною в горах Семиречья (17). Но один из них я вижу впервые. Это изображение птицы (17), скорее всего дрофы, только с очень странной головой. А может быть, это грифон. Птицы в наскальных рисунках необыкновенно редки.

На высокой скалистой горе мы устраиваем наш последний бивак. Днем солнце печет, как летом, а ночью уже прохладно и в черном небе ярко мерцают звезды. Но всю ночь еще поют сверчки-трубачики, и от их песен звенят горы пустыни...

Прошли годы со времени путешествия по хребту Малайсары, а мысль о том, что курганы с грядками — это астрономическое вычислительное сооружение, казалась и фантастической и правдоподобной. Когда я поделился своими догадками с одним из археологов, он в резкой форме выразил несогласие со мной. В какой-то мере его скептицизм оказал на



54 меня влияние, охладил интерес к находке, и я постепенно забыл о ней. В это же время на другом континенте, в Англии, рождалась разгадка сооружения, носившего название Стоунхедж, расположенного в Солзберийской равнине, а также похожего на него сооружения Каллениж. Эта разгадка поразила мир. Узнал о ней я совсем недавно, в 1973 г., и тотчас же вспомнил курганы с грядками.

Наши рассуждения о прошлом часто преломляются через призму современной действительности. Да, было трудно представить, чтобы саки и усунь — племена, населявшие территорию современного Семиречья, где многу был найден курган с грядками, не знавшие письменности, не умевшие возделывать землю, кочевники, пастухи и охотники были знакомы с основами астрономии. Теперь становится ясным, что человек каменного и бронзового века был нами оклеветан и изображен дикарем. В действительности и он обладал немалой культурой и знаниями, утерянными потом вследствие каких-то потрясений.

Но астрономия — древняя наука. Интерес к Вселенной, надо полагать, появился у человека вместе с первыми проблесками разума. Небесные тела считались богами или убежищами богов. Они блуждали по небесному своду, оказывая таинственное влияние на судьбы людей и народов. Со времен глубокой древности человеку уже были известны законы видимого движения Солнца, Луны и планет. Эти законы казались одним из проявлений высшего начала, управляющим окружающим миром и повелевающим судьбами человека. Об этом говорят астрономические познания древних египтян, астрономические трактаты Вавилонии, зафиксированные клинописью на глиняных табличках, астрономические наблюдательные площадки у холма Метсамор близ Еревана — древние «угломерные инструменты» предков урартов и, наконец, древнейшее астрономическое сооружение Стоунхедж, воздвигнутое на рубеже каменного и бронзового веков, примерно 1850 лет до нашей эры.

Раскрытие тайны Стоунхеджа английским астрономом Дж. Хокинсом было настоящей сенсацией. По величественным камням, расположенным



Солончаки поймы реки Или заросли гребенником, саксаулом, солянкой-анабисом. На переднем плане лебеда

в определенном порядке, оказалось возможным с погрешностью менее чем в один градус определять не только восходы и заходы Солнца и Луны в дни равноденствий и солнцестояний, но также, что удивительнее всего, предсказывать предстоящие лунные и солнечные затмения. Исследования Хокинса, по образному выражению англичан, заставили говорить молчаливые камни.

Грандиозный лунно-солнечный календарь Стоунхедж строили триста лет, и начали его сооружать бикеты, а закончили уэсекцы. Он стоил колоссального человеческого труда. Гигантские линии и рисунки пустыни Наска в Перу для их нанесения требовали сложных расчетов и также поглотили немало сил и энергии. Для того чтобы уложить большие камни на высоте 3 тыс. м в горах Биг-Хорн, также было затрачено много усилий. Только наше сооружение по гениальной простоте могло быть построено в течение одного месяца одним или двумя человеками. Но еще следовало доказать, относятся ли и курганы с грядками к подобным сооружениям?

Для проверки нашего предположения следовало, — прибегнув к существующим таблицам и с помощью астрономов, — узнать азимуты направления восхода и захода Солнца в дни солнцестояния и равноденствия для широты найденного нами загадочного сооружения. Необходимые справки для Солнца мне любезно были быстро выданы астрономами. Вооружившись bussолью, я помчался к Малайсары. Да! Линия, проведенная от центрального кургана на маленький, смотровой, как я убедился еще ранее, точно соответствовала востоку с учетом поправки на магнитное склонение, а линии от концевых курганчиков через курганчик срединный, ориентирный на восходы Солнца точно указывали дни летнего и зимнего солнцестояния.

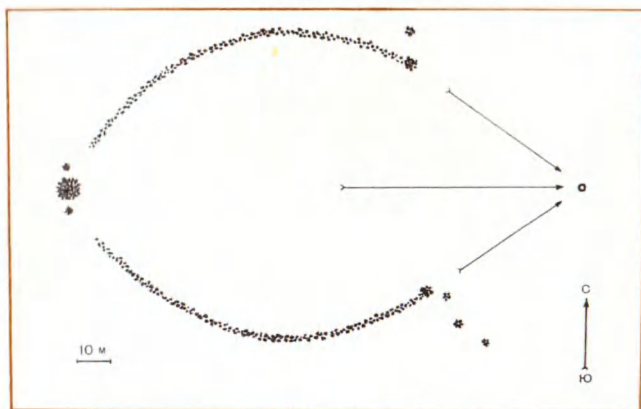
Но этого было мало. Следовало убедиться на практике в возможности применения этого «прибора». И я побывал на Малайсары не раз в день осеннего и весеннего равноденствия, летнего и зимнего солнцестояния. В памяти особенно запечатлелось 22 декабря 1973 г. Над долиной незамерзшей реки поднялся густой туман. Он казался оледеневшим океаном с



56 застывшими буграми торосов. Туман окутал все, и только плоскогорье с курганом было от него свободно и казалось небольшим островком среди океана белого безмолвия. Мороз крепчал, и столбик термометра упал до 23 градусов ниже нуля. Пальцы плохо слушались, и буссоль, казалось, обжигала руки. Но горизонт на востоке был чист, и вскоре над ним точно по намеченной ранее линии появилось большое красное солнце. Оно мне казалось особенно величественным и торжественным.

Можно ли было на этом закончить исследование нашей находки! Один курган с грядками—еще не доказательство. Следовало разыскать и посмотреть другие курганы с грядками. Приходилось ждать случая и попутных маршрутов экспедиций. Но неудачи одна за другой преследовали меня. От кургана, ранее расположенного в 20 км к северу от поселка Чулактау, близ реки Каратал, в южном Казахстане, не осталось следов. Его давно поглотил поселок Каратал. Такая же судьба постигла и его соседа—курган в урочище Акшикур. Бесследно исчез курган с грядками под строениями и возле станции Отар железной дороги, связывающей Алма-Ату с Ташкентом, а также в урочище Ашису Чу-Илийских гор.

Наконец, в 1976 г. представилась возможность побывать в Центральном Казахстане, в Карагандинской области. Поиски курганов нелегки. Места находок, указанные археологами, неточны, названия поселений изменились. Ищу курган возле селения Кашкарбай, потом—возле совхоза имени Орджоникидзе. Оба кургана исчезли под пахотой. Осталась надежда на курган возле горы Толагай. Она одинока, величественна и далеко видна среди холмистой местности. Здесь глухая каменная пустыня не тронута человеком, и курган цел, хотя и носит следы основательной раскопки. У главного кургана оказались рядом два крохотных курганчика. Они имели какое-то явно ориентирное значение. Но вместо ориентирного курганчика, который должен быть между концами грядок и впереди них, оказался большой ярко-белый камень кварца, наполовину скрытый землей и вросший в нее. На этом кургане основные ориентиры удивительно точно совпали с ориентирами первой находки.



Курган с грядами
урочища Толгай

Загадочна одна деталь: ориентирный курганчик Малайсары и кварцевый камень Толагая немного отклонены от средней линии между концами грядок к югу. С чем это связано — предстоит решить астрономам.

Все ли курганы с грядами имеют однозначную ориентацию своих элементов? Судя по картам могильников, опубликованным казахскими археологами, на которых курганы с грядами нанесены среди других обычных курганов, эта ориентация слегка варьирует. Возможно, конструкция таких курганов с грядами связана с другими небесными телами.

Итак, в сооружениях Малайсары и горы Толагай оказались четыре ключевые точки для определения положения Солнца. Теперь стало ясно, что эти сооружения представляют собой, несмотря на свою невзрачность, храм Солнца, вероятно, также Луны и других небесных тел и отражают миропонимание древнейших жителей Азии. Они, так же как и прославленные Стоунхедж, Каллениж, линии пустыни Наска и многие другие сооружения, — обсерватории племен бронзового века.

Ограничивается ли назначение курганов с грядами только определением равноденствия и солнцестояния? Нам думается, что нет. Без сомнения, многие их ориентиры направлены на созвездия, но, для того чтобы это доказать, требуются сложные расчеты, так как за тысячелетия произошло перемещение (явление прецессии) небесных тел по небосводу. Вот почему расшифровка сооружения Стоунхедж потребовала использования электронно-вычислительной машины.

В противоположность Стоунхеджу главная ось курганов с грядами направлена на восход Солнца в день равноденствия, тогда как в Стоунхедже эта ось направлена на восход Солнца в день летнего солнцестояния.

Удивительны некоторые совпадения Малайсары со Стоунхеджем. Оба они расположены на ровном, слегка пологом склоне холма. Бикеты, строившие Стоунхедж, так же как и древние саки и усунь, хоронили усопших в курганах, окруженных кольцом из камней, и рядом с головой погребенного ставили глиняный сосуд, т. е. обычай этих столь разрознен-

ных территориально друг от друга народов оказались сходными.

Стоунхедж, Малайсары и Толагай почти современники. Они говорят о связях разрозненных, разноязычных и разнокультурных племен. Эти связи — свидетельство гигантского взаимного обмена идеями и культурой древнейших народов, несмотря на дикость, громадные просторы и примитивные средства сообщения.

Нет сомнения в том, что среди древних народов, населявших великие степи от Монголии до Заволжья, существовал культ поклонения Солнцу, Луне и звездам. Античные авторы оставили довольно точные данные об этом. В частности, Геродот сообщил о распространении в сакско-сегетском мире культа небесных светил и, описывая обычаи массагетов — южных соседей сакских племен, сообщает, что из богов они чтут только Солнце, которому приносят в жертву лошадей. Астрономические познания эпохи неолита отражены в наскальных рисунках урочища Тамгалытас (Семиречье, Казахстан) и Саймалатас (Киргизия), где изображено солнце с двенадцатью лучами.

58

Знаменитым комплексом Стоунхедж пользовались по меньшей мере в течение одного тысячелетия. Курганы с грядками датированы, как уже говорилось, VIII—VI веками до нашей эры и V веком нашей эры, т. е. их культ существовал около 1200 лет. Устойчивость культа курганов с грядками в течение столь длительного времени археологи объясняют существованием прочного экономического и политического объединения племен. Это заключение нам представляется ошибочным. Жизнь древних народов сопровождалась частыми потрясениями, постоянным зарождением одних союзов и распадом других. Устойчивость же культа курганов с грядками, как нам кажется, объясняется тем, что они принадлежали к внеплеменной касте или династии жрецов, замкнутой в особые кланы, в которые был затруднен доступ посторонним. Таковы были жрецы друиды, чести которых и приписывается создание комплекса Стоунхедж на территории современной Англии, таковы же были и волхвы в Древней Руси. Жрецы представляли собой как бы межплеменной совещательный и консультативный орган, столь необходимый правителям различных народов. Особой касте жрецов и принадлежали курганы с грядками. Они строились при жизни одного из них, служили местом ритуальных и культовых обрядов и использовались как простейший календарь, имевший к тому же и значение в хозяйственной деятельности человека. Жрецы эти жили среди различных народов, почему и курганы с грядками оказались распространенными не только в Центральном Казахстане, но и далеко за его пределами — в Семиречье, в Южном Казахстане, в Калмыкии. Возможно, они будут найдены и в еще более отдаленных районах. Династия жрецов, строявшая курганы с грядками, существовала до тех пор, пока какие-то потрясения в истории степных народов не стерли ее с лица земли.

Жреческие курганы, будем их еще и так называть, строились в местах заметных. Таковы оба кургана, найденные нами.

В противоположность Стоунхеджу, по поводу которого было написано столько книг, порождено множество теорий и с которым связана масса легенд и сказаний, курганы с грядками не привлекли особого внимания и

находится в безвестности. Приходится сожалеть, что перипетии жизни предали забвению это настолько простое и вместе с тем гениальное сооружение, что теперь мы с трудом начинаем верить в его назначение.

Создатели храма Малайсары и Толагай—этих солнечных календарей—давно уже ушли из жизни, и имя их навсегда исчезло. Но забытые сооружения, будем надеяться, должны начать вторую жизнь. Может стать прискорбным, если в наш прославленный век небывалого расцвета астрономии и науки о Вселенной эти памятники будут преданы забвению.

Дальнейшее изучение курганов с грядками археологами в содружестве с астрономами и математиками, как нам кажется, откроет еще более удивительные особенности этих древних сооружений.



В каньонах Темирлика

Наш путь долог. Вначале проехали горы Чулак, побывали на Поющей горе, потом в Борохудзире переправились паромом через реку Или и, минуя села Чарын и Чунджу, направились по асфальтовой дороге домой в Алма-Ату. До города более двухсот километров.



День кончался, и раскаленное солнце садилось за далекие горы Заилийского Алатау. Пора было думать о ночлеге. Вокруг простиралась обширная и ровная каменистая пустыня, выжженная солнцем, бесплодная, покрытая мелким черным щебнем да разноцветной галькой. Со всех сторон на ее горизонте виднелись далекие горы. С юга тянулся самый близкий к нам хребет Кетмень, зеленый, приветливый, кое-где покрытый темными пятнами еловых лесов, с севера — голубые далекие горы Богуты и Торайгыр.

Жара спала, и мучения знойного дня кончались.

Я свернул с асфальтового шоссе вправо и повел машину по ровной пустыне. Недалеко от дороги виднелись небольшие холмики, и там между ними, вероятно, удобно будет поставить бивак. Но вскоре я увидел слабо наезженную дорогу и направился по ней, раздумывая, куда поведет неожиданный путь в этой совершенно безлюдной местности. И вдруг будто подняли перед нами занавес: за округлыми холмиками поперек нашего пути — большое глубокое ущелье с обрывистыми красными склонами, и на дне его — ярко-зеленая полоска тугая. Ущелье тянулось с юга на север издалека, с гор Кетмень, и направлялось, очевидно, к каньонам реки Чарын. Оно было широкое. Его противоположный склон находился от нас километрах в двух, а до дна — около 500 м. Мы выскочили из машины и, удивленные, стали рассматривать неожиданно раскрывшуюся перед нами панораму. Не было видно никаких признаков деятельности человека на дне ущелья, кроме едва заметной дороги, на которой стояла наша машина.

61

Мы были поражены: среди голой, выжженной солнцем земли — и вдруг ущелье, да еще и с деревьями, и, наверное, с прохладным ручейком. Все это казалось нам, измученным долгим путешествием по пустыне, невероятным.

Дорога, давно заброшенная, очень крутая и скверная, покрытая большими камнями, петляя, направлялась в ущелье к зеленой полоске. Спускаясь по ней вниз, я не без опасения думал о том, как мы будем по ней выбираться обратно. Иногда спуск оказывался особенно крутым, камни слишком крупными, а мелкий гравий очень сыпучим. Тогда я начинал раскаиваться в своем легкомысленном выборе без необходимой в таких случаях предварительной разведки, опасаясь, как бы привлекательное ущелье не оказалось ловушкой. Мои же спутники были веселы и беспечны.

Но вот спуск стал положе, вокруг появились зеленые деревца саксаула, за ними густая поросль высоких деревьев, приятная тень, влажный воздух, чудесный запах леса. Дорога уперлась в большой ручей, совершенно прозрачный и стремительный.

Как только смолк мотор, сразу же послышалось со всех сторон множество звуков: распевали соловьи, нежно ворковали горлицы, беспечными голосками звенели овсянки, ласково журчала вода. Между деревьями носились большие стрекозы, жужжали пчелы, мухи, порхали бабочки. Быстрый переход от бесплодной пустыни к царству буйной зелени и бьющей ключом жизни действовал ошеломляюще.

У самого ручья рос чудесный реликтовый ясень, остаток произраставших многие столетия назад в этих местах лиственных лесов, клен

Семенова, покрытый зелеными семенами, лавролиственный тополь, множество ив. Кое-где серебрился листвою лох. Лесные полянки покрывали густые травы. Подальше от ручья и ближе к жарким и пустынным склонам росли барбарис, карагана, чингиль, тамариск. Еще дальше царство сухости и зноя занимали саксаул и какие-то крупные солянки. Здесь на коротком пространстве был богатый набор растений, сочетавший в себе горный тугай и пустыню. Знойное лето уже вступило в свои права, но еще цвели лиловый чингиль, аромат цветущего лоха струился по лесу.

Самым интересным и ценным растением ущелья был, безусловно, ясень. Это редкое дерево ныне сохранилось только по реке Чарын да вот еще здесь. В этом ущелье ясень процветал.

Мы разыскали превосходную тенистую поляну у ручья и, наслаждаясь обилием воды, принялись за бивачные дела. О поездке домой никто не заводил речи. Не беда, что у нас кончился хлеб и другие продукты были на исходе. В таком месте надо пожить несколько дней, познакомиться с его обитателями.

62 Как же называется это место и что за прозрачный ручей, дающий жизнь ущелью? Из карты было ясно, что это приток реки Чарын, называется он Темирлик, берет начало в вершинах хребта Кетмень, пробегает в горном каменистом ущелье, минуя поселок Туюк, пересекает асфальтовую дорогу, с которой мы свернули.

Рано утром я и Саша отправляемся в поход, оставив Ирину возле машины. Наш путь идет вниз по реке. Когда-то здесь, как и на месте Белых гор, плескалось громадное озеро, оставив после себя красные отложения глин, перемешанные с мелким щебнем. Вся подгорная равнина хребта Кетмень сложена ими, а здесь ручей Темирлик обнажил их. Всюду по склонам ущелья красивые столбы, навесы, узкие щели, коридоры, ниши. Они очень живописны и придают местности особенный облик, а зеленая полоса тугая в обрамлении красной рамки кажется необыкновенно яркой, даже изумрудной.

Я поглядываю по сторонам и вижу гнездо прыткого формика-куникулярия. Большинство его жителей заняты строительством, выносят землю наружу. Видимо, срочно понадобились прогревочные камеры для куколок и личинок. Иногда появляются охотники, волокущие добычу. У меня в коробке лежит толстая белая личинка хруща. Вот отличное приношение для муравьев! Появление добычи вызывает оживление и суматоху. Большинство муравьев, покругившись у личинки, мчатся вниз в муравейник искать охотников-умельцев. Другие мечутся в возбуждении и постукивают встречных мелкими ударами по голове головой. Этот сигнал подается, когда в муравейнике что-то произошло и необходимо мобилизовать силы. Из отверстия все больше и больше выскакивает муравьев, и некоторые из них смело бросаются на личинку, рвут ее челюстями. Но таких мало. Остальные мечутся, суетятся возле личинки, хватают кусочки земли, палочки и оттаскивают их в стороны.

Личинка сопротивляется, извивается, рывками переползает с места на место. Количество охотников на ней увеличивается. Все они уже обсели ее целой оравой. Предстоит долгая и упорная борьба. Но зато добыча богата, и муравейник будет сыт.



Склоны каньона причудливо изрезаны водой и петрами

Некоторое время мы идем вдоль реки, потом попадаем в непроходимые заросли колючей караганы, барбариса и чингиля, безуспешно пытаемся пробраться через них, изрядно исцарапавшись, отступаем и, не снимая обуви, бредем по воде. Мне нравится этот путь. И по-видимому, проще всего и легче так добраться до устья Темирлика. Над нами в зеленом тенистом коридоре воркуют горлицы, поют соловьи! За пологом леса не видно неба. Местами ручей глубок, очень быстр, а берега слишком круты, и взбираться на них почти невозможно. Нет, надо переходить на склоны ущелья, из тени — на яркий свет, из прохлады — в жару.

Все же хотя и трудно идти по склонам ущелья над рекой, зато шире обзор. Едва заметная тропа проходит по карнизам над обрывами, по крутым склонам желтых и красных горок, огибая многочисленные сухие отщелки. Кое-где из-под кустов выскакивают зайцы и поспешно прячутся среди нагромождения многочисленных обвалившихся глыб красного песчаника. Иногда взлетают кеклики и, усевшись на вершинах горок, перскликаются между собой. Юркие ящерицы скользят из-под ног. Грaciousная каменка раскланивается перед нами, как бы приглашая следовать дальше, в неведомое.

Звуки хорошо распространяются кверху, и нам хорошо слышно пение соловьев, доносящееся из тугаев, и понятно, что вся полоска леса поделена птицами на почти равные участки. Каждый соловей поет на своей территории.

Ущелье постепенно суживается, и вскоре река течет в глубоком скалистом каньоне, окруженном красными изваяниями. Над каньоном парят орлы, а вблизи нас кружится коршун, будто патрулирует. Что ему надо? Может быть, его привлекает собака. Вдруг выгонит ящерицу, пичужку или мышку.

Хорошо бы нам добраться до каньонов Чарына, принимающих воды Темирлика, посмотреть на слияние двух рек. На северном горизонте видны голубые горы Богуты, левее них — горы Торайгыр с многочисленными и острыми вершинами и восточная часть равнины Сюгаты с

Наш бивак в глубокой тени тугайных зарослей

На нашем пути неожиданно оказалась пропасть с зеленой полоской леса на дне

Каменка-паясунья заготавливает впрок насекомых



64 небольшими горками. По очертанию знакомых гор можно догадаться, что каньоны Чарына должны быть где-то близко, почти рядом. Но каньоны прорезают ровную пустыню глубокими расщелинами, и увидеть их можно, только подойдя вплотную.

На противоположном склоне ущелья видна глубокая ниша или пещера с большим входом. Интересно бы ее осмотреть. Может быть, там была стоянка древнего человека. Саше почудилось, будто в нишу кто-то быстро скользнул и притаился там.

На живописном выступе над рекой мы наталкиваемся на группу могил. Судя по всему, захоронение здесь было одновременным и носило следы поспешности. Для погибших были вырыты неглубокие ямы, прикрытые сверху стволами саксаула и присыпанные землей. Сейчас могилки обвалились, насыпи обрушились. Судя по тому, как изменилась древесина саксаула, очень стойкая к гниению, могилам лет сто-двести. Кто здесь похоронен, последствием какой трагедии оставлены ее следы?

Пока мы рассматриваем могилки, из глубокого каньона вылетает большая черная птица с красными ногами и клювом, описывает широкие круги над ущельем, летит за красные изваяния и скрывается за одной из вершинок пустынного холма. Я узнал черного аиста — эту очень редкую птицу, хотя видел ее всего лишь на картинках. Черный аист — лесная птица, он очень осторожен, необыкновенно редок.

Хорошо, что кое-где еще сохранились глухие уголки природы, в которых находит убежище эта ныне исчезающая птица. Почему ее так мало на земле, отчего она скрывается в глухих дебрях леса, какая причина делает ее такой скрытной — никто не знает. Ныне она нуждается в охране. А ведь в нее может легкомысленно пальнуть из ружья охотник.

Кто бы мог подумать, что небольшая элегантная птичка каменка-паясунья, презабавно приседающая, будто в пляске, заготавливает впрок насекомых? Я собрал уже добрый десяток муравьев самок желтых кампонотусов, наколотых на шипы кустарников. Это один из самых крупных муравьев — обитателей пустыни. Сейчас происходит полет



крылатых самок. После оплодотворения самки сбрасывают крылья и бродят по земле в поисках уютного местечка для обоснования муравейника. Но каменка, чтобы она вела себя, как сорокопут! С этим я встретился впервые.

Я продолжаю обыскивать кусты и снимаю наколотых муравьев. Многие из них мертвы, успели подсохнуть, некоторые же, недавно наколотые, размахивая ногами, безуспешно пытаются освободиться из неожиданного плена. А вокруг нас, тревожно попискивая, раскланиваясь, расправляя в стороны крылья и распуская веером хвостик, летает самочка каменки. То ли здесь поблизости, как обычно в норе песчанки, расположено ее гнездо, то ли птицу смущает вторжение человека на территорию собственных запасов.

Хорошо бы найти гнездо кампонутоусов и наблюдать за ним. Поиски продолжаются недолго. Вот под кустом тамариска небольшой конический холмик из светлой земли. Муравьев не видно. Но под холмиком открывается большая камера и в ней изрядная кучка светло-желтых муравьев-рабочих. В невероятной панике они прячутся в различные укромные местечки. В камере есть еще интересные вещи! На корнях тамариска — большущая тля. Она воспитанница муравьев, ее выделения — основная пища робких подземных жителей. А чуть глубже расположились слабоподвижные и толстые личинки какой-то мухи. Насекомые — квартиранты муравьев — прихотливы и без ухода своих хозяев не выживут.

Теперь, если бы мы и пожелали, к реке не спуститься — так обрывисты и круты склоны ущелья. Вскоре мы забираемся еще выше, в каменистую пустыню. Она почти голая, гладкая, редкие кустики солянок на ней виднеются вдали друг от друга, и также покрыта щебнем и превосходно окатанной галькой. Она — остаток деятельности озера, и мы фактически шагаем по его бывшему дну.

Каменистая пустыня кажется совершенно безжизненной. Но в одном месте кто-то выглядывает из маленькой норки. Я склоняюсь и вижу

небольшую жабу. Она заметила меня, приняла мое любопытство по-своему, быстро бросилась вперед, как собака из-под ворот, и спряталась обратно. От неожиданности я отпрянул назад. Какая забавная! Добилась своего, напугала. Тогда я засовываю в норку травинку, а смелая жаба совершает еще несколько притворных молниеносных бросков. Никогда не встречал я таких жаб. Какая-то особенная! Далеко она ушла в пустыню. Живет здесь, наверное, несколько лет. Так уж водится в этом племени. Молодые и крошечные жабята, едва расставшись со своими хвостиками, ночью покидают лужи, в которых протекало их младенчество, и отправляются в сухую пустыню. Около воды делать нечего, там тесно. В пустыне же хватает добычи. Здесь жабы и растут, пережидая жару в глубоких норках. В них же они проводят и холодную зиму. Хозяева нор с терпением относятся к непрошеным гостям. Иначе нельзя! Чуть что — и нахальный лицец покрывается капельками ядовитой и дурно пахнущей жидкости. Лучше их не трогать. Уж не из-за борьбы ли за норы у жаб выработались ядовитые кожные железы?*

66 Параллельно с Темирликом появляется широкая тропа. Она очень стара, заметно углублена, хотя ею давным-давно не пользовались. Странная старинная тропа! Кем и зачем она проторена в этом безлюдном и диком месте пустыни? Может быть, она и приведет нас к пологому спуску к реке Чарын, старой переправе через нее или еще к чему-либо особенному. Я вспоминаю, что в этих краях очень давно проходил путь из Китая в Семиречье. По нему шли торговые караваны с товарами. Они везли шелка, фаянсовые изделия, безделушки. Обратно по ней увозили шерсть.

Наконец перед нами хорошо знакомые каньоны Чарына. Несколько лет назад я прошел их пешком вместе со своим верным и давно погибшим другом — спаниелем Зорькой. Над каньонами древняя тропа неожиданно кончается, и перед нами по крутым и сыпучим склонам лишь несколько слабо проторенных тропинок, идущих в разные стороны.

В узкой каемке зеленых деревьев мчится зеленовато-белый Чарын. Сверху виден и Темирлик. Он впадает прозрачной струей и сразу же теряется в мутноватом потоке Чарына. Здесь река сравнительно широка, мелководна, спокойна, и место для переправы, видимо, было неплохим. Возможно, в этом месте был и мост, от которого ныне не осталось и следа. Вспоминаются встреченные нами могилки. Не похоронены ли там участники каравана, погибшие во время налета разбойников?

Спускаемся вниз к реке по скалам, каменистым осыпям где ползком, где бегом с лавиной камней и щебня. Наконец мы у воды, потные, запыхавшиеся, с наслаждением разваливаемся на густой и мягкой траве. Телом мгновенно овладевает усталость, ноги будто налиты свинцом.

В общем от дороги, по которой мы спускались в каньон, до устья, по приблизительным подсчетам, по прямой линии около восьми километров, но наш путь раза в два длиннее. К тому же он проходил по горным склонам, по камням, по рыхлой и пухлой глине крутых откосов. Если бы здесь прошло несколько групп туристов, то получилась бы прекрасная тропа, по которой преодолеть это пространство можно было бы с гораздо меньшей затратой сил. А вообще-то красота ущелья Темирлик стоит того, чтобы им любовались. Но об этом живописном месте пока никто не знает,

и сколько пройдет времени, когда Темирлик будет достоянием любителей природы и путешественников? Здесь растет ясень. У него такая замечательная древесина, прямослойная, легко поддающаяся обработке, красивая, прочная. Растет это дерево медленно, живет несколько сот лет. В начале пути, когда мы брели по тугаю, нам встретилось несколько пней от деревьев-великанов. По годовым кольцам я сосчитал возраст. Пню оказалось 250 лет. Вообще это дерево жило еще в доледниковую эпоху. Оно — редчайший представитель растительного мира Земного шара.

На обратном пути мы основательно устали и кое-как дотащились до бивака. Но купание в прохладном ручье быстро восстанавливает силы.

Возле нашего бивака на голой площадке вблизи реки муравьи-бегунки затеяли переселение. Солнце нещадно нагрело землю, она раскалилась, и рука долго не выдерживает прикосновения к ней. Но для бегунков жара привычна. Один за другим мчатся носильщики со своими собратьями, свернувшимися тучками, удобными для переноски. Путь муравьев прямолинейен, и каждый из них не раз уже промчался по нему. Наверное, еще и поэтому переселение проходит в общем спокойно и без излишней суеты. Но один муравей мечется в страшной панике и волнении. Он занят большим коричневым коконом. В нем нежная белая куколка крылатой самки. Впереди себя кокон нести нельзя, он цепляется за камешки, песчинки, доставляя массу хлопот. И не только в этом беда. Драгоценную ношу приходится тащить по-особенному. Промчится муравей над горячей землей и заскочит на травинку с теневой стороны. Промедлит на ней несколько секунд, остынет, примеряется к очередной перебежке — и снова в путь до следующей спасительной вышки над горячей землей. И так всю дорогу. Иначе нельзя, от перегрева погибнет в коконе нежная крылатая сестрица. Но вот конец пути. Впереди — голая площадка и сбоку нее норка — вход в муравейник. С лихорадочной поспешностью проскакивает муравей последний участок пути и скрывается в темнице.

Умелый носильщик напомнил мне жаркое лето в Узбекистане, полуденные часы в замершем под ослепительно ярким солнцем кишлаке. В тени кибитки стоит собака, всматривается в пустынную и пыльную улицу и наконец решается, галопом проскакивает по раскаленной солнцем земле и шлепается в спасительную тень под дувалом. Она тоже, как муравей, преодолевала свой путь перебежками.

В ущелье легла тень. Повяло приятной прохладой. Муравьи-жнецы открыли двери своих подземных дворцов, повалили толпами наверх, растеклись ручейками по тропинкам во все стороны. Я иду рядом с ними вдоль самой оживленной их дороги, минуя полянку, заросшую солянками. Далеко они забралась! Вот цепочка муравьев ныряет под кучу сухих веток саксаула, лежащих на земле. За нею видны скудные заросли пустынного злака. Там, наверное, идет заготовка провианта. Неожиданно краешек глаза замечает что-то необычное: серый комочек выскакивает из кустиков, прячется обратно, снова выскакивает и прячется, и так ритмично, будто молоточек постукивает по тропиночке трудолюбивых муравьев. Вот серый комочек выскакивает дальше обычного, подпрыгивает, падает на землю, переворачивается, показывая белую сторону, и, вновь перевернувшись, снова становится серым. Я узнал жабенка. Животик его раздулся,

бока выдались в стороны. Успел набить свой желудок!

Какой все же хитрый, забрался под хворост, заглянул возле муравьиной дорожки. Добычи сколько угодно, успевай заглатывать! Если гоняться по пустыне за каждым муравьем, много сил потеряешь. Возле входа в муравейник бдительные сторожа поднимут тревогу, пойдут в атаку. А тут раздолье, никто не замечает хитрой проделки. Ловко устроилась изворотливая хищница!

К вечеру набежали облака, застыл воздух, даже в лесу у ручья царил духота. Замолкли соловьи. В наступившей тишине жужжали какие-то крупные насекомые. Иногда ныли редкие комары, и звон их крыльев был слышен издали в глубокой тишине.

Вспоминая наше дневное путешествие, я пытаюсь расшифровать слово «темирлик». В какой-то мере оно связано со словом «темир» — железо. Не нашли ли здесь давние жители этих мест железную руду? Или они ее привозили и здесь плавил? Отличное топливо — саксаул и ягель росли в изобилии. Не случайно я нашел рядом с палаткой среди крупной гальки кусок шлака. «Доменная печь», очевидно, располагалась где-то выше, а шлак принесло паводковыми водами. Над каньонами Темирлика немало курганов. Не принадлежат ли они прославленным мастерам железодельного ремесла?

68

На следующий день мы решили обследовать пещеру-нишу, в которой Саше кто-то почудился. Ирина всячески отговаривала нас от этого, как ей казалось, рискованного предприятия. Саша, хотя и побаивался, перед Ириной храбрился. Кроме того, его разбирали любопытство и свойственная его возрасту страсть к приключениям. Я тоже был убежден, что все ему почудилось. Сейчас здесь никого не могло быть. Все же, как я успел заметить, Саша, собираясь в дорогу, сунул в рюкзак походный топик — единственное наше оружие, достойное мало-мальского доверия.

Но, прежде чем отправиться в путь, я вспомнил о морилке. Из нее надо вытряхнуть на ватный слой ранее собранных насекомых. Вот вчерашняя находка, добыча каменки-плясуньи, желтые кампонотусы. Один муравей каким-то чудом ожил, на него не подействовал яд старой морилки. Он будто в недоумении поводит в стороны усами. Оказавшись на свободе, он не убежал с ватного слоя, а стал крутиться среди своих погибших товарищей, не думая расставаться с ними... Я осторожно отталкиваю муравья в сторону, но он настойчиво возвращается назад, и так до бесконечности. Каково ему одному среди трупов товарищей! Уж не кажется ли ему, что и они должны проснуться от* тяжелого сна?

Как и вчера, мы снова пошли по тугаям. Хорошо брести в тени деревьев, когда вокруг сияет жаркое солнце! По лесу летают пушинки семян тополей, цепляются за лицо. Прогудит большущий слепень, покружится, но не сядет. Разборчивый. Видимо, недалеко отсюда есть коровы и лошади. Человек в сравнении с ними — какая еда! Да и опасен.

На лесных полянах — заросли цветущей софоры, и на ней скопище разнообразных ос, пчел, голубянок. Восседают медлительные жуки-нарывники. Громко гудят деловитые синие пчелы-килокопы. Они — великаны среди пчел, да и живут в древесине, прогрызая в ней цилиндрические ходы для ячеек с детками. Софоре привольно. Скот ее не ест, и она



На цветах брунса
большая синяя
пчела-клокоча

У гусеницы двузубо-
ного шелкопряда
красивый наряд

процветает. Всюду в траве скачут кобылки. Они еще малы, и пора их неугомонных переключек не пришла. Зато в кустах караганы звонко и пронзительно закричала одинокая цикада. Ей никто не отвечает. Сегодня шестое июня, она первая появилась на свет.

Листья тополей разукрасились светло-зелеными круглыми, как шарики, галлами. Пока что они закрыты, но в их полости уже выросли тли. Скоро дверки галлов раскроются и выпустят пленниц наружу. Тополям основательно достается от прожорливых черных личинок жуков-листогрызов. Тесным рядком, прижавшись друг к другу, армия прожор дружно скребет нижнюю поверхность листочков, оставляя нетронутой верхнюю прозрачную кожицу. Ползают немногочисленные и, как всегда, сильно занятые муравьи. Великое множество насекомых населяет Темирлик, и на них невольно задерживается взгляд.

Вот наконец неожиданно на нас глянула из-за поворота большим черным провалом ниша. Саша хватается за рюкзак и торопливо в нее рвется. Ниша метров тридцать шириной, десять глубиной и высотой около пятнадцати. В ней глубокая тень, прохлада. Сверху из многочисленных щелей потолка доносится тонкий скрежет летучих мышей. Вылетают с шумом встревоженные сизые голуби. Мечутся скальные ласточки. На полу — слой гуано. Ниже ниши, на склоне ущелья, крупные камни. Рядом мокрая земля. Еще недавно здесь была лужица воды, сохранившаяся от потоков дождевых и талых вод, лившихся сверху, и... никаких следов ни человека, ни крупных животных.

— Ну, Саша! — не без иронии говорю я. — Ты, оказывается, способен к самовнушению.

Саша молчит, краснеет, топорик уже спрятал в рюкзак.

Рядом с нишей несколько причудливых красных столбов из песчаника, высоких, тонких, метров по десять — пятнадцать высотой. Вершину одного из них венчает будто гигантская голова, удивительно похожая на изваяние в картине Н. Рериха «Дух Гималаев». Вершина другого столба

похожа на голову безобразного старика. Хорошо, что в пещере никого не оказалось, что в ущелье мы одни, и от этого природа кажется девственной, и мы будто ее первооткрыватели.

За пещерой — большая колония песчанок. После обычного концерта все ее жители попрятались в норы. Ноги проваливаются по колено там, где почва изрешечена норами. Рядом роскошный зеленый тугай. Туда не проберешься. Слишком густы заросли и много колючек.

Вечереет. Легкий ветер гонит след за нами облако москитов. Они вылетали из нор песчанок и не прочь полакомиться кровью. Белесые и почти невидимые кровопийцы нападают почему-то только на наши уши. Мы трем ушные раковины, и они постепенно краснеют, горят. Проклятые москиты, испортили очарование прогулки!

Солнце садится за горы. Темнеет. Мы поворачиваем обратно к биваку, навстречу ветру, и москиты сразу же отстают от нас.

— Не кажется ли тебе странным, — спрашиваю я Сашу, — почему москиты кусают только за уши?

70 — Да, действительно странно! — говорит он. — Наверное, на ушах тонкая кожа.

Но за ушами и на внутренней поверхности предплечий кожа еще тоньше.

Предчувствуя окончание знойного дня, на камень выбрался ночной житель пустыни — маленькая ящерица пискливый геккончик. У него забавные глаза — желтые, в мелких узорах и с узким щелевидным зрачком. Если снять его голову крупным планом, выйдет на фотографии морда настоящего крокодила. Геккончик замер, уставив на меня желтый глаз. Пока я прилаживаюсь к съемке, на него садится большой коричневый комар-аэдез флавесценс, быстро шагает по спине и, угнездившись на самом затылке, деловито вонзает свой длинный хоботок. Вскоре тощее брюшко комара толстеет, наливается кровью. Ловко он выбрал место на теле геккончика. На затылке он неуязвим. Тоже, наверное, обладает опытом предков и кусает с расчетом!

Саша не верит в столь строгую рациональность поведения кровососов. Я же вспоминаю, что и клещи ловко выбирают место на теле животных и присасываются там, где достать их трудно или невозможно. Так же поступают слепни. А тот, кто не постиг этого искусства, остается голодным и не дает потомства.

Возвращаемся к биваку в сумерках. Вот наконец и дорога, по которой мы спустились в ущелье. На большой голой площадке, покрытой щебнем и галькой, нет ни одного растения. Казалось, не жить бы в этом месте жнецам. Но посредине площадки вижу светлое пятно. Подхожу ближе. Понятно — скопление семян ясеня. Каждое семя с летучкой в длину около пяти сантиметров, в десять — пятнадцать раз длиннее муравья-носильщика. Бедные труженики, оказывается, ходят за семенами в тугай. А там сейчас как раз дерево роняет на землю свой урожай. Представляю, с каким трудом доставлялось каждое семечко. Жнецы не умеют сообщать нести груз. Культура труда у них не достигла совершенства. Каждый тащит сам и, как бы ни было трудно, не воспользуется помощью.

Здесь же несколько холмиков муравьев-бегунков. Они уже угомони-

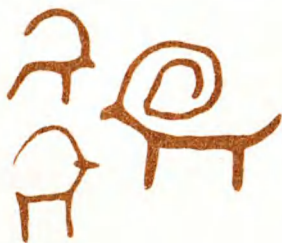
лись, ушли спать, но, оказывается, жилища свои на ночь подготовили по-разному. Обитатели малых гнезд заложили выход частицами земли, наглухо закрылись, в больших же гнездах с крупным кольцевым валом земли выставили у своих входов сторожей. Размахивая длинными усиками, они внимательно следят за всем окружающим. Почему такая разница в поведении? Возможно, в большом обществе выгоднее выставлять сторожей, чем заделывать большую дверь.

Темирлик можно было бы еще назвать соловьиным ущельем. Соловьев много, а их пение — главная симфония этого урочища. Вначале мы с удовольствием слушали соловья у нашего бивака. Потом его неумолчный, громкий и довольно однообразный местный темирликский пересвист надоел. Затем привыкли, перестали обращать внимание, как в городе на шум автомобилей, на звуки радио. Но сегодня ночью все соловьи, будто сговорившись, объявили перерыв и замолкли. В какое время произошел этот антракт музыкальных соревнований, я не мог сказать, опасаясь разбудить своих товарищей поисками фонарика и часов. Зато кукушку мы слышали только одну. Почему-то им здесь не живется.

Рано утром раздался громкий топот. Из пустыни в каньон галопом проскакали лошади и с шумом влетели в речку. Жадно напились и обратно ускакали. Чьи они, вольные красавцы?

Мы пробыли в Темирлике только три дня, и запомнилось нам это на долгое время. Интересно побывать здесь еще, подробнее изучить мир живых существ, населяющих этот древний оазис, пока что мало тронутый человеком.

Покидали мы ущелье под дружное пение цикад. Та одиночная, самая первая цикадка, видимо, неспроста так рьяно распевала свои призывные песни.



Лес среди пустыни



Если после маленького поселка Кокпек свернуть с асфальтового шоссе, ведущего из Алма-Аты в Чунджу и в Нарынкол, и поехать на запад по обширной Сюгатинской равнине, пустынной, желтой и сухой, изнывающей от летнего зноя, то вскоре вдали покажется лес.



На светлом фоне пустыни полоска леса выглядит необыкновенно яркой и зеленой. Это урочище Бартугай.

Перевод названия этого урочища трактуют по-разному. Как-то в местной газете один из филологов привел множество вариантов происхождения этого слова. Когда же я спросил старика чабана, что означает бартугай, он, удивившись, ответил:

— А ты разве не знаешь? Очень понятное слово! «Бар» — это по-русски «есть», а «тугай» — лес. Бартугай — «есть лес».

Да, действительно там «есть лес», и скорее бы до него добраться, так надоедает яркое солнце пустыни и жаркий ветер, врывающийся в окна машины.

Сюгатинская равнина шириной около двадцати и длиной более шестидесяти километров видна как на ладони, ровная, гладкая, окруженная горами. С севера к ней примыкают пологие горы Сюгаты, с юга — хребтик со странным названием Торайгыр, что в переводе означает «Пестрый жеребец» и, наверное, связано с какой-то очень длинной и теперь всеми забытой легендой. Торайгыр немного выше и круче своего собрата — гор Сюгаты, и в одном месте на его скалистой вершине виднеется синее пятнышко елового леса. Только одно-единственное! Позади и севернее сияют горы Богуты, а южнее их едва просматриваются в жарком мареве пустыни снежные вершины хребта Кетмень. Впереди же над зеленой полоской Бартугая на западе высится восточная оконечность Заилийского Алатау — большие горы, синие, увенчанные снеговыми вершинами и темными полосками еловых лесов.

И все же, несмотря на полуденный зной, духоту и пыль, тянущуюся белым шлейфом за машиной, сознание того, что наконец населенные места позади, а вокруг безлюдная пустыня, приподнимает настроение.

Бартугай — мое любимое место, и я часто его посещаю. И все же каждый раз, приближаясь к нему, я испытывал радостное чувство встречи с девственной природой.

Вот и сейчас зеленая полоска тугаев все ближе и ближе. Наконец перед нами и Бартугай весь на виду. Он тянется в длину километров на пятнадцать и в ширину около десяти. Расположен он в среднем течении горной реки Чилик. Она берет начало высоко в ледниках гор Заилийского Алатау, направляется к востоку, затем, обогнув хребет, круто заворачивает на север. Петляя по ущельям, река стремительно несется вниз, пересекает узким и скалистым ущельем горы Торайгыр, и тогда попадает в Бартугай — долину, поросшую лесом. Затем вновь устремляется в узкое ущелье, прорезая горы Сюгаты, минуя его, она течет уже спокойно по равнине к реке пустыни Или, вливая в нее свои воды. Реке Чилик и обязан своей жизнью Бартугай.

Перед урочищем дорога резко спускается, сворачивает к югу. Здесь мост через реку Чилик. Выше него по реке в ущелье видны большие камни, скатившиеся с гор. Такой же обвал, только еще более старый, виден и за мостом. Здесь, очевидно, не раз были землетрясения, и под Бартугаем проходят два крупных разлома земной коры. На древней террасе реки виднеются полузанесенные почвой черные от загара и лака пустыни порфиритовые скалы. На них хорошо видны глубокие царапины. Это

Удод несет корм
птэнцам

Заяц спокойно раз-
глядывает охотника
с фоторужьем



74 следы когда-то здесь проходившего в далекие времена ледника, спустившегося с гор. Царапинам несколько десятков тысяч лет!

За мостом дорога направляется круто на север, затем на запад и идет к высокогорному летнему пастбищу Ассы. Мы же сворачиваем с нее и по едва заметному пути спускаемся в лес. И тогда открывается совсем другой мир: влажный и прохладный воздух с чудесными запахами леса, деревья-великаны с могучими стволами, коржистыми, распростертыми в стороны ветвями, высокая трава, аромат нагретых солнцем тальников и... пение множества птиц. Неожиданный переход от жаркой и сухой пустыни в царство буйной зелени ошеломляет. Я останавливаю машину.

Рядом с дорогой заливается соловей, ему отвечает другой, со всех сторон доносятся соловьиные трели. Звенят веселые синички, глухо и монотонно поет удод. Сорока уселась на сухую вершину тополя и громко стрекочет на весь лес: мол, вижу людей и маленькую собаку с ними. Потом все на короткое время затихло, прислушалось. Что за человек появился в Бартугае, не с ружьем ли, не надо ли замолчать, схорониться подальше от опасности?

Я делаю шаг в сторону от дороги — и вдруг рядом будто взрывается мина: громко хлопая крыльями, огненно-синей ракетой взлетает фазан. Я оглушен, почти ошарашен, хотя ранее не раз сам спугивал эту красивую птицу юга. Едва опомнился от этого фазана, как вокруг, взрывая воздух, одна за другой поднялось еще несколько птиц. Фазаны разлетелись в стороны, и сразу стало необычно тихо. Тут настоящее царство фазанов. Слышны их мелодичные короткие переключки, и на дороге всюду крестики их следов.

Впереди выскочил заяц. Встал столбиком, выпучил карие глаза и застыл на мгновение. Другой шустро перескочил открытое пространство. Зайцев здесь тоже немало, и следами их также истоптана дорога. Слегка задевая машину за ветви деревьев, медленно едем дальше, сопровождаемые фазанами и зайцами.

Бартугай — охотничье воспроизводственное хозяйство. Строгие пра-

вила охраны зверей, птиц и растительности сделали его замечательным уголком природы.

Среди деревьев мелькнули два небольших белых домика. В одном из них живет с семьей егеря, другой предоставлен в наше распоряжение. Мы располагаемся в домике, заносим в него вещи. Но в это время из зарослей травы возле егерского дома раздаются громкие крики кур. Мне из окна домика не разглядеть, в чем дело. Надо пойти узнать.

Рябая курица с ожесточением на кого-то набрасывается и клюет. Другие куры, подбегая, тоже отвешивают удары и отскакивают в сторону. Поодаль, соблюдая важность и достоинство, бегают петух и, шаркая ногами о землю, кричит громче всех. Я подхожу поближе. Куры расступаются и убегают. На земле лежит растрепанная степная гадюка. Голова ее расклевана. Из многочисленных ран сочится кровь. Тонкий хвост змеи еще нервно вздрагивает.

— Они уже не первую гадюку приканчивают,— рассказывает не без гордости жена егеря. — Защищают участок. Убьют, а сами не едят. Брезгуют. И рябая курица самая первая зачинщица. Лена! — спохватившись кричит женщина маленькой дочери.— Ты почему туда пошла? Сколько раз говорила: ходи только с курами. Укусит гадюка!

75

Бартугай— древнее урочище. Со всех сторон оно окружено горами, защищено от ветров. Летом здесь прохладно от горной реки, нет ни комаров, ни слепней, ни мошек. Зимой же тепло, хотя ночью температура сильно падает. Посредине урочища располагается обширная поляна. Когда-то на ней была пашня, и сохранились следы старинных арыков. В лесу кроме фазанов и зайцев живут живут кабаны, олени. Изредка сюда забредают волки, рыси, дикие коты. Наведывается с гор и барс.

Наш домик расположен на берегу тихой протоки в обрамлении высоких тополей, колючей облепихи, ив, шиповника и чингиля. На другой ее стороне начинаются пустынные горы. Над протокой сверкает изумрудным оперением зимородок, ныряет в воду суетливая оляпка, над самой водой на тонких веточках повесили свои оригинальные, свитые из пуха растений гнезда, похожие на рукавичку, ткачики-ремезы.

Я тихо шагаю по неторной дороге. За мною семенит молодой фокстерьер. Иногда он уносится вперед или скрывается в густой чаще. По ней не пройти человеку, такая она густая, зато внизу все пронизано многочисленными тропинками, по которым ходят зайцы и фазаны.

В одном месте, где к дороге под прямым углом подходит просека, навстречу мчит заяц и буквально нос к носу сталкивается с собакой. На какое-то короткое мгновение оба от неожиданности застыли. Потом заяц отчаянно отпрыгивает в сторону, а собака, взвизгнув, бежит, но не за зайцем, а по его следу вспать и скрывается в зарослях.

Заяц не такой уж и трус, каким его привыкли считать; все услышал, все понял и, такой любопытный, возвращается обратно на просеку. Я застыл. Вот он почти у моих ног, выпучил глаза, смотрит в ту сторону, где шумит сухими листьями собака: надо же узнать, что за новый зверь появился в его родном Бартугае. На меня— никакого внимания, как будто и не видит. Щенок наконец-то разобрался в следах, вылетает на просеку и вновь встречается с зайцем, и оба они уносятся в заросли.



Проходят томительные минуты. Наконец раздается громкий шорох — и на дорогу выскакивает мой страшно взбудораженный маленький друг с безумными и блуждающими глазами и вываленным изо рта языком.

Рано утром, сжимая приклад ружья, я тороплюсь на охоту. Всего лишь несколько шагов — и дорогу перебегают перепуганный зайчонок. Другой развесил уши, мчится наискосок, остановился на секунду, посмотрел на меня и нырнул в кусты. И всюду зайцы, зайцы... Мне нелегко охотиться. У меня ведь не обычное ружье. Убийство зверей и птиц я давно оставил, считая жестоким да и расточительным развлечением в наше время усиленного освоения природы, а моя старинная двустволка Зауэра уже двадцать лет висит без дела на стене. И хотя то ружье, что сейчас со мной, с самым настоящим прикладом и погоном, вместо ствола к нему прикреплен фотоаппарат «Зенит» с телеобъективом. Из такого ружья труднее «убить» зайца; чтобы сделать снимок, надо и подойти значительно ближе, и нацелиться лучше, и, кроме того, успеть навести на резкость и подобрать диафрагму. И все же я рад положению бескровного охотника, хотя удачи не так часто радуют. Вот и сейчас все утро ношусь по зарослям серой полыни, терескена и тамариска, вспугиваю множество зайцев, но ни к одному не могу подобраться близко, все снимки издалека.

Но вот наконец повезло. У кустика застыл доверчивый и неопытный глупышка. Осторожно, стараясь не шуметь, приближаюсь к нему. Вот он совсем близко. Заяц усиленно шевелит ушами, ему чудится опасность совсем с другой стороны, и он повертывается ко мне спиной. Хотя бы и такой сделать снимок. Несколько раз щелкает затвор. Но вот заяц повернулся, выскочил на чистое место.

«Какой будет отличный снимок», — радуюсь я, но рукоятка затвора останавливается, кончилась пленка!

Поднимается солнце и начинает нещадно греть землю. Жарко. Тугай погружается в дневную дремоту. Зайцы прячутся в непролазные заросли. Теперь только надежда на вечер.



Берега реки Чилик поросли лавролистным тополем, ивой и облепихой

В Сюгатинской долине

Я применяю другую тактику. Облюбовав кустик, устраиваюсь в его тени, у края большой поляны на краю леса. Жара начинает спадать. Замолкли несносные цикады. Перекликнулись фазаны. Мелодично запела крошечная совка-сплюшка. Один за другим на поляну выходят зайцы и не спеша ковыляют.

Томительно тянется время. Зайцы всюду, только не рядом. Но один вдруг совсем близко. Не спеша я делаю снимок за снимком и вдруг краем глаза рядом замечаю что-то похожее на камень. Будто здесь не было никакого камня. Да это заяц! Совсем близко, в двух метрах. Вот удача! Не упустить бы. Медленно-медленно передвигаю ружье, навожу на резкость. Но заяц не входит в кадр. Он с удивлением вытаращил глаза и смотрит на меня. Но недолго. Понял. Ринулся со всех ног, пугая остальных. Вся поляна мгновенно пустеет. Впрочем, не надолго. Один за другим они выбираются из зарослей, подходят ко мне, останавливаются, таращат глаза, шевелят ноздрями, топорщат усы, спокойно позируют и не спеша уходят. Заячья фотография работает вовсю. А когда солнце садится за скалистые красные горы и глубокая тень закрывает Бартугай, число визитеров становится еще больше. Но я не сожалею, что уже нельзя фотографировать. И без того я обладатель многих снимков.

В следующий поход я отправляюсь со своим спутником — фокстерьером. Надоели глухие заросли, выбрался на свободный простор русла реки, покрытый галькой, уселся на громадный полупогруженный в землю ствол ели. Его принесло сюда издалека, с высоких гор. Отсюда видны и Сюгатинская равнина, и горы, и стена леса рядом. Из леса доносятся шорохи. Громко хрустели ветки. Наверное, почуяв человека, пронеслись по лесу кабаны. На вершине дерева каркает черная ворона. Мой пес беспрестанно слушает, шевелит ушами, крутит головой, вытягивая морду, принюхивается. Вдруг из леса доносятся какие-то громкие, странные, тревожные крики: то ли человек стонет, то ли зверь. Фокстерьер напрягся стрункой, заворчал, но вновь стало тихо. Ворона на дереве тоже, наверное, прислушивалась. Но вот она, поблескивая черными глазами,

изогнулась дугой, опустила книзу клюв, и тогда вновь раздалась странные тревожные крики. Так вот, оказывается, кто нарушитель лесной тишины!

Я раздумываю над странным поведением вороны и не могу найти ответа. Зачем ей так кричать, и что все это значит?

В одном месте голубой, шумливый и холодный Чилик намыл широкую косу, а сам отошел в сторону, под скалы. На косе среди темных коричнево-красных скал и зеленых тугаев яркое солнце. Крохотная мелкая протока бежит узкой ленточкой через всю косу. Туда, где она впадает опять в Чилик, с флейтовыми криками упали с неба пустынные вороны, уселись на песке и долго на нем топтались. К проточке подплыла стайка маленьких рыб. Повернувшись головками против течения, они застыли темными палочками. Лишь иногда, изогнувшись, одна из рыбок сверкала серебром чешуи под лучами солнца. Здесь все было истоптано воронами, сороками и большими отпечатками ног черного журавля. Так вот зачем сюда прилетали пустынные вороны! Они охотились. А зачем же сюда стремились рыбки?

78 Я опустил руку в протоку. Вода в ней заметно теплее, чем в реке. Пробегая по косе, она нагревалась на солнце. Сюда к теплу и собирались маленькие рыбки.

С утра я отправился бродить по Бартугаю и попал в непроходимые тугайные дебри. Колючая облепиха, чингиль, ивы так тесно переплелись, что заслонили небо. Ветви цепляются за одежду, ноги путаются в ползучих растениях. И всюду колючки, ни к чему не притронуться. Хорошая и притоптанная тропинка же ведет куда-то вперед. Она не для человека, а, наверное, для оленей, кабанов да зайцев. Вскоре колючие заросли заставляют меня ползти на четвереньках. Невольно приходит мысль о том, что далекий предок человека стал ходить прямо, только когда вышел из густых лесов на степные просторы.

И вдруг все внезапно кончилось. Впереди много солнечного света, протока и большая галечниковая коса. Не спеша струится прозрачная зеленоватая вода, над ней застыли густые ивы. Причудливой расцветкой сверкают камни. По самой кромке песка отпечатал когтистые лапы барсук, прошлась парочка оленей, и всюду крестики следов фазанов — тут их давнишний водопой. Между камнями бегают серые бродячие пауки — ликовы. За ними охотятся черные подвижные осы. Все крупные пауки давно перебиты ими. Остались только малыши. Ими не выкормить личинку осы. И все же одна охотница парализовала паука-недоросля и волочит его по камням. Иногда, будто спохватившись, бросает добычу, отбегает, возвращается. Потом все же совсем бросила паука.

От камешка к камешку перебегают боязливые черные жужелицы. Всюду масса крошечных элегантных триперсток. А что это за странный камешек? Будто большая бабочка застыла как изваяние. Может быть, действительно бабочка с большими черными глазами? Да, это бабочка, чудесный светло-желтый с коричневыми полосками бражник! Он недвижим и позволяет к себе слегка притронуться. Спит или притворился, надеясь на свою обманчивую внешность? Но вдруг он ожил, внезапно сверкнул ранее спрятанными задними красными крыльшками, взлетел, пронесся через протоку и скрылся в лесу. И еще такой же приютился среди

камней. Неспроста прилетают сюда на день бражники. Попробуй-ка найти их среди разноцветных камешков!

По косе мчится черная с красной перевязью оса и встряхивает на ходу темными крыльями. Что она здесь собирается делать, и почему у осы вместо длинных усов торчат коротышки? Да оса ли это? Конечно, не оса, а муха-обманщица!

Не сразу я заметил муравьев — формика куникулярия. Они — всюду. Только очень крохотные и темные. Что им здесь нужно, где их муравейник? Вот дырочка, вход ведет под камешек. Под ним — несколько куколок, около десятка таких же темных малышек рабочих и большая грузная самка. Странный муравейник! Конечно, зачаточный. Да таких муравейников немало! Везде, едва ли не через каждый метр крохотный муравейничек. Сколько же их всего здесь на галечниковой косе? Наверное, несколько сот! Кое-где две самки объединились вместе, чтобы сообща положить начало будущему обществу.

Муравьи настроены миролюбиво, заглядывают друг к другу. Иногда сами самки, перебегая по косе, прячутся в ближайшие муравейнички. Я не могу понять, почему молодые самки обосновались на этой галечниковой косе. Здесь на глубине полуметра — вода, и не построишь постоянного жилища. Этот отчужденный уголок изолирован от территории, где среди муравьев кипит неугасимая вражда. После брачного полета на этой косе самки замуровываются под камнями и выводят крошек-дочерей, первых разведчиков, охотников и строителей. Не служит ли галечниковая коса издавна традиционным местом поселения самок после вылета из родительского муравейника и не стало ли у них обычаем поселяться на ней? Что будет с молодыми семьями? Придет осень, коса промерзнет, ее зальет водой, покроет льдом. По-видимому, к концу лета, окрепнув, муравьи уйдут в лес и там устроят свою новую совместную колонию. Хорошо бы проследить судьбу матерей-странниц, пионеров галечниковой косы*.

Возле нашей избушки всю ночь мелодично и ласково пела сплюшка:
— Сплю, сплю!

Но я переутомился и долго не мог заснуть, несмотря на уговоры маленькой совки. Рано утром я пошел туда, где она пела, и испугнул ее. Сплюшка села высоко на дерево, посмотрела на меня круглыми кошачьими глазами, подняла уши, потом спрятала их, ускоилаась и отвернулась. Я свистел, кашлял, цокал языком, хрустел ветками, но сплюшка ни на что не обращала внимания. Она была занята. Внимательно слушала звуки родного леса. А звуков всюду было много.

Цокнул фазан, и совка повернула в его сторону голову. Пробежал заяц, она проводила его глазами. Взлетел сизый голубь, хлопая крыльями, тревожно закричали галки — и во все стороны поворачивалась головка с желтыми кошачьими глазами. И так все время. Все нужно знать крошечной совке, все, что происходит в лесу, ее интересует.

Неделю назад егерь Бартугая возле своего кордона срубил большой тополь. Слишком большую тень бросало могучее дерево на молодой

* Поздно осенью я снова побывал на этой косе. Но никого уже на ней не было. Все молодые муравьи переселились с нее на «Большую землю».

же у меня кончалось терпение и я подкрадывался к другой в надежде, что она не окажется такой же упрямой, то и та прекращала петь. Зато та, возле которой я попусту провел томительные и долгие минуты ожидания, снова заводила свои песенки. Так и бродил я без толку от одной совки к другой в темноте по лесу, натываясь на кусты и деревья.

Песен совок я не записал, но зато отгадал небольшой секрет их разговора. Каждая сплюшка, оказывается, обладала своей территорией, на которой распевала свои несложные песенки, и весь лес был поделен между ними на участки. Как я об этом догадался? Очень просто! Певуны старательно выводила мотив песенки обязательно выше или ниже тоном своих соседок, с которыми происходила переключка, у каждой был свой особенный звуковой паспорт...

По Бартугаю можно ходить бесконечно, слушать лесные звуки, наблюдать за жизнью зверей, птиц, насекомых и изучать их. На каждом шагу здесь что-либо интересное, будто мудрая книга природы с многочисленными страницами природной летописи. Вот и сейчас у тихой протоки рядом со старым лавролистным тополем видна норка диаметром почти в два сантиметра. У входа в нее уселись муравьи черные лазисусы. Они поводят во все стороны усиками, ударяют брюшками о землю, постукивают друг друга головками. Какое-то событие встревожило маленький муравейник. Надо узнать, в чем дело. Вот в глубине хода мелькнула большая черная голова, блеснули прозрачные крылья. Все стало понятным. Муравьи сегодня намерены распространиться со своими воспитанниками — крылатыми самками и самцами. Поэтому и вход в муравейник такой большой; дверь, через которую провозжат крылатых братьев и сестер, должна быть широко раскрыта, хотя бы ради того, чтобы обладатели нежных, прозрачных крыльев их не помяли. Действительно, событие важное! Оно происходит только раз в году, обязательно в ясный, погожий день. Крылатым муравьям предстоит брачный полет, и масса врагов и неожиданностей ожидают их в пути.

82

Муравьи-охранники будто в раздумье: выпускать ли братьев и сестер на свободу? А в глубине темной норы сверкают прозрачные крылья. По небу же плывут облака.

Несколько неугомонных и суетливых муравьев продолжают расширять вход, отламывают кусочки земли, относят их в сторону. Но откуда-то появляются три деловитых муравья. Один хватается палочку, другой — соринку и волокут ко входу. А третий завладел кусочком легкого листочка и сразу закрыл им двери жилища. Еще несколько соринок — и входа не видно. Те, кто расширял вход, в смятении. Но что делать, коли сегодня нелетная погода и молодым «авиаторам» полагается сидеть дома.

На небе же облака все гуще и темнее. Вскоре они закрывают солнце. На тихий лес налетает ветер, старый лавролистный тополь раскачивает ветвями и шумит листьями. Холодает. Потом вяло моросит мелкий дождик. Нет, не летать сегодня крылатым муравьям.

У фазанов сейчас трудное время: появились выводки, и у курочек много забот. Хрустнула ветка под чьими-то тяжелыми шагами, вкочнула курочка, спрятались фазанята, прижалась к земле, затаились. Но шаги ближе, совсем рядом, и, может быть, все обошлось бы благополучно, но птицы не



Певчая цикадка
только что вышла
из личинки и возбу-
длась на растение

На татарнике лако-
мится нектаром
бабочка-аполлон

выдержали, шумно взлетели и рассыпались во все стороны. А тяжелые шаги направились своим путем и вскоре затихли. Теперь обеспокоенная мать, описывая круги, тихо цокает, созывает молодежь и, собрав всех до одного, осторожно ведет на кормные места, где много кобылок и кузнечиков.

Как и всегда, среди фазанов немало курочек-неудачниц. Кто-то разорил их гнезда. Но кто?

Со скалистых гор весь зеленый тугай как на ладони. Видна узенькая полоска реки, величавые лавролистные тополя, заросли тальника, непроходимые дебри облепихи, полянки, покрытые серой полынькой и чингилем. На горах голый красный камень, редкие кустики растений да маленькие холмики светлой земли. Кто их понаделал? Уж не цикады ли? Да, конечно, они. Вот у свежего холмика несуразная личинка с цепкими ногами — ножницами. Она только что выползла наружу и сейчас будет лиять. Взрослые цикады засели на кустиках солянок, на богородской травке, на эфедре, на барбарисе и громко распевают. Иногда из-под ног взлетит перепуганная цикада, закричит тревожно, и тогда все прерывают оглушительные песни, и сразу становится как-то необычно тихо. Но молчание продолжается недолго. Наиболее ретивые тотчас же, запевая по-особенному, настойчиво приглашают на спевку. Призыв быстро действует, и вновь над горами несется шумная тысячеголосая песня.

Вечерет. Склоняется к зубчатым вершинам солнце. Тени ложатся на мрачные горы и открывают многочисленные ложбинки и хребтики. Спадает жара. Чуть веет прохладой. Цикады перестали петь, замерли, повисли на кустах. В это время что-то мелькнуло на сером склоне гор, покрытом мелкими кустиками. Нет, наверное, показалось! Там одни красные и желтые камни. Но один красный камень шевельнулся, и желтый тоже. И еще несколько камней ожило. Да это фазаны пришли из тугаев прогуляться в горы! Не спеша птицы склевают с кустиков цикад. Так вот ради кого прогулка! Цикады — отличная еда. Крупные, мясистые.

Вблизи фазанов на скалах молчаливо крутятся сороки. Что им тут надо?

Фазаны выходят из гуден на охоту за насекомыми. Воле их суетятся сороки



84 Как будто сорока — друг фазанов. Она первая приметит дикого кота, лису, охотника, на весь лес поднимет тревогу о грозящей опасности.

Петухи не спешат. Поглядывают по сторонам, некоторые, прижавшись к земле, отдыхают. Только курочка торопится, чем-то озабочена. Быстро наклевалась и, не мешкая, бросилась вниз по пологому склону, потом по зарослям чингиля, через поляну, прямо, будто по линейке, никуда не сворачивая. Но зачем за нею полетели сороки? Одна, не отставая, скользит в воздухе над фазанкой, другая — сзади и в стороне. Может быть, случайность? Курочка скрылась в зарослях кустарников и показалась вновь. Сороки упрямо следуют за ней все так же, как и раньше, в том же строгом порядке. Видимо, неспроста летят они за фазанкой. Им что-то надо, что-то затеяли и, судя по слаженности движений, не впервые этим занимаются. На краю зарослей облепихи курочка исчезла. А сороки взмыли вверх, сели на дерево, поглядели вниз, попрыгали по веткам, помахали хвостами и не спеша полетели одна за другой в тополевыи лес. Только тогда я догадался: сороки затеяли недоброе. Впрочем, следует убедиться.

Рано утром я спешу к зарослям облепихи, где скрылась озабоченная курочка. Вот и та полянка, и большой тополь, на котором сидели сороки, да вот и они сами, завидев меня, взлетели с земли и закричали на весь лес скрипучими голосами.

Я долго ишу и, кажется, попусту. Нет, не попусту! Вот гнездо серой курочки: небольшая ямка, прикрытая несколькими соломинками. Курочка отлучилась, наверно, опять в горы за цикадами, и этим воспользовались ее недруги. Вокруг гнезда расклеваные и насиженные яйца. Два только что разбиты. Пиршество сорок почти закончено. Догадка подтвердилась. Так вот кто разоряет гнезда фазанов, вот почему немало курочек бродит без приплода! Гнусные воровки! Мало им в лесу пищи. Сколько всюду лягушек, ящериц, разных насекомых. Так нужно еще лакомство — насиженные яйца фазанов. И как они научились такому ремеслу? Ведь для этого надо знать, что фазаны ходят в горы за цикадами, нужно уметь

отличить курочку от петуха, ловко преследуя, добраться до ее гнезда, долго караулить возле него, потом, улучив момент, приняться за разбой. Сейчас пара сорок уничтожила восемь яиц, восемь будущих фазанов — чудесных птиц. Сколько же ими уничтожено раньше?

Я с сожалением разглядываю разоренное гнездо. В нескольких шагах от меня среди невысоких кустиков терескена сперва что-то мелькнуло, потом выглянула серая головка курочки и взглянула на меня немигающими глазами. Мне показалось, будто во взгляде птицы застыло горестное отчаяние обездоленной матери. Бедная курочка!

Моего неразлучного спутника — молодого фокстерьера фазаны и зайцы совсем сбили с толку. Птицы, будто насмехаясь над маленькой собачкой, поднимаясь с земли, садятся на дерево. Щенок изнемогает от лая, фазан же, опустив голову книзу, спокойно разглядывает беснующуюся собаку. А зайцы — те отлично знают возможности преследователя и, не торопясь, мелькая хвостиком, убегают, поддразнивая собаку. Бедный пес заливается жалостным лаем. Каково ему выносить столь унижительное оскорбление! К концу дня мой маленький друг валился с ног.

В тишине леса взлет фазанов и громок, и неожидан. Если бы знать, где они таятся, можно было бы обойти их стороной. Бывает и так, что остановишься над чем-нибудь да еще сядешь на походный стульчик. А в это время рядом притаился фазан, и кажется ему, что человек увидел его, затеял недоброе, замер, вот-вот бросится. Крепится птица, терпит, но не выдержит, взлетит с криком, хлопаньем крыльев, дико тараша испуганные глаза.

Но сегодня произошло совсем забавное. Из-под куста тамариска с треском взорвалось облако пыли. Потом из облака показалась курочка и унеслась в заросли. Оказывается, курочка принимала пылевую ванну, очень увлеклась этим занятием, взбила изрядную кучку мельчайшей лёссовой пыли — и вот неожиданно пришлось ей прервать свое занятие.

Зачем птицы купаются в пыли? Предполагают, что так делается ради того, чтобы избавиться от паразитов — различных пухоедов, мелких клещей, птичьих блох; мелкая лёссовая пыль в какой-то степени их губит. Но так ли это, никто как следует не знает. Кроме птиц, конечно...

Вечер. В тугай опустилась тень от красных гор. Поют соловьи, цокают фазаны. Эти звуки не нарушают тишины, а лишь подчеркивают ее. Я сижу на пеньке возле домика, привожу в порядок записи. У ног спит усталый щенок. Журчание воды в проточке успокаивает. Неожиданно сверху доносится незнакомый крик. Высоко в небе, выше тени от гор, парит коршун и в солнечных лучах золотится, как жар-птица. Над ним крутится и кричит маленькая пустельга. Вот она сжалась в комок и кинулась стрелой на коршуна. Но ловкий хищник легко ускользнул в сторону. И так много раз.

Тактика пустельги одна и та же: забраться выше коршуна, сложить крылья и спикировать. А коршун — виртуоз. То упадет бочком, то перевернется, как голубь-турман, то взмлет резко кверху, и каждый раз все по-новому. Настоящий акробат! Птицы не дерутся и не преследуют друг друга. Они просто играют от избытка здоровья, играют с удовольствием. Потом мирно разлетаются в разные стороны.

Заросли элака чия,
обленихи, лавро-
листного тополя
и голые горы окру-
жают Баргугай



86 На краю большой полянки видна группа старых-старых тополей. Я тихо иду по тропинке, проложенной оленями к самому крупному тополю. Мой пес беспечно бежит впереди, но вдруг резко останавливается. Высоко поднял голову, расставил в стороны задние ноги, выпятил кпереди грудь, усиленно водит из стороны в сторону черным носиком, ворчит. Собака что-то почуяла и, наверное, не зря встревожена. Мы стоим оба несколько минут в ожидании. Но вот под деревом раздается громкий вздох, потом фыркание и шумный треск ломаемых сучьев. Я подхожу ближе. Под старым тополем, оказывается, лежка большого кабана секача. Судя по всему, здесь для него, удалившегося от шумного общества себе подобных, привычное место отдыха. Старик основательно разрыхлил и распушил для своей постели землю.

В Баргугае живет небольшое стадо кабанов. Свиньи во многих местах изрыли почву в поисках съедобных кореньев, личинок хрущей, медведок. Рыхление почвы способствует ее плодородию, не говоря уже о том, что кабаны уничтожают почвенных вредителей, поедателей корней — личинок насекомых.

Потом егерь мне рассказал, что кабан этот очень опытный и осторожный, а под старым тополем у него давнишняя «опочивальня». Он все еще водит за собой стадо. Приходит на место прикормки всегда первый, сперва становится вдалеке, долго прислушивается, принюхивается и если на засидке почувствует охотника, то ухнет, да так громко, что весь лес встревожится. Тогда, считай, охота пропала.

Здесьние свиньи, когда приходит время пороситься, удаляются в густые тростники и там выбирают место посуше. Маленькие поросятки темные, а вдоль спинки светлые полосы — настоящие полосатики. Они, как все дети, не всегда слушаются родителей, шумят, и мать на них сердито похрюкивает. Это хрюканье очень разное, им кабаны многое объясняют друг другу и этому искусству учатся с детства. В тростниках хорошо, в них никто не пройдет бесшумно, всегда шорох выдает. А если опасность — светлые полосы на спинке притаившегося поросенка, как тро-

стинки, ни за что не разглядеть, сколько ни всматриваясь...

Ночью мне приснилось, будто я еду в поезде и вагон подо мною грохочет и подпрыгивает. Потом сквозь сон дошло до сознания: землетрясение! Собака завyla по-странному, будто волк, протяжно и низко. Во всем урочище истошно вопили перепуганные фазаны. Слышался отдаленный шум. С гор катились камни. Шум постепенно затих. Лишь кое-где раздавались отдаленные шорохи. Домик еще раз слегка вздрогнул, и вновь горы повторили шум камней.

Рано утром я переправился через проточку и пошел осматривать горы. Следы землетрясения были незначительны. Лишь кое-где были видны небольшие отколовшиеся и скатившиеся вниз камни. Видимо, эпицентр землетрясения был далеко. Потом я узнал: землетрясение произошло километрах в шестидесяти от урочища.

Я прожил несколько дней в домике и решил переселиться на другую сторону реки в густой тугай рядом с пустынной Сюгатинской равниной. Здесь почти полумрак от густых зарослей и рядом тихая проточка.

На берегу реки среди зарослей серой полыни я замечаю притаившуюся змею. Она удивительно красива: светлая, в затейливых коричневых пятнах и с совершенно черной головой, сильно контрастирующей с цветом туловища. Это довольно редкая разновидность узорчатого полоза. Вначале змея меня пугает, делая резкие выпады и как бы стараясь укусить, но потом, оказавшись в руках, быстро успокаивается и позирует перед фотоаппаратом. Меня всегда удивляет эта особенность неядовитых змей: быстро успокаиваются в руках человека после поимки.

Всюду по отмелям небольшие, около пяти-шести миллиметров, триперстки. Такое название они получили за три длинных щетинки на лапках задних ног. Они похожи и на кобылок, и на медведок. У них продолговатое тело, округлая головка, короткие усики, мощные прыгательные ноги. В нашей стране известен только один род с несколькими видами. Все они живут по берегам водоемов, хорошо прыгают, плавают, роются в земле, питаются растениями. Образ их жизни плохо изучен.

Едва я постелил на землю тент, как добрый десяток этих грациозных насекомых уселись на него и застыли, будто ожидая дальнейших событий. Они были очень зоркими, эти малышки. Стоило только приблизиться к одной из них, протянуть руку, карандаш, как мгновенно срабатывали мощные задние ножки и триперстка пулей уносилась в неизлечимом направлении. В среднем триперстка прыгала в высоту около полуметра, а, описав траекторию, опускалась примерно в метре от прежнего места. Выходит, что она прыгала в высоту в сто раз длиннее своего тела, в длину же — около двухсот раз. Если бы человек обладал такими же способностями, то ему не стоило бы труда перепрыгивать небоскребы высотой в двести метров, а для того чтобы преодолеть расстояние в один километр, понадобились бы всего два прыжка. Одна триперстка случайно забралась в эмалированную миску и, пытаясь выбраться, безнадежно скользила ножками и скатывалась обратно. Терпение у триперстки оказалось отменным. Попытки вызволения из заколдованного места следовали одна за другой. Но почему же она, такая прыгучая, не могла воспользоваться своими чудесными задними ножками? Я поднес к триперстке палец.



Осторожная и бдительная, она мгновенно спружинила тельце, щелкнула безотказным приборчиком, легко и грациозно поднялась в воздух и исчезла. Вот какая забавная! Неужели сразу не могла догадаться? Или, может быть, следовала строгой традиции, принятой в ее племени: прыгать полагалось, когда грозила опасность. Все остальное время надо терпеливо ползать. Всегда не напрыгаешься! Для этого нужно немало энергии, а попусту кто же будет ее расходовать. Жизнь животных строго подчинена закону всяческой экономии.

Возле проточки оказалось много кобылок-летуний. Впервые я встретился с ними едва ли не двадцать лет назад, в счастливую пору смелых и далеких путешествий по пустыням на мотоцикле. Счастливую потому, что после велосипеда моторизованный транспорт казался верхом совершенства.

Тогда из множества кобылок хорошо запомнилась летунья. Она была не такая, как все,— потревоженная, легко взлетала кверху и, грациозно лавируя в воздухе, уносилась далеко от опасности. Очень часто, и это казалось необычным, срываясь с земли при моем приближении, она садилась на деревья, исчезая среди их листвы.

— Почему кобылки-летунии садятся на деревья?— спрашивал я специалистов по прямокрылым.

— Не знаем!— отвечали мне.— Далеко не все в природе должно иметь свою причину и объяснение.

— Отчего же летунии, как пишется в руководствах, обитают по берегам рек и озер?— допытывался я.

— Тоже не знаем! Очевидно, такая исторически обусловленная привязанность ее к этой обстановке жизни.

В общем маленькая кобылка-летунья не желала раскрывать свои секреты и вскоре была забыта.

Зима 1969 г. выдалась богатой снегами, а лето— дождями. В это время, проезжая через Сюгатинскую равнину, я заглянул в урочище Бартугай, но пробраться к излюбленному месту не смог. Здесь все преобразилось до

Черноголовая разно-
видность узорча-
того полоза встре-
чается редко



Всюду по отмелям
крошечные три-
перстки

неузнаваемости: река изменила русло, бросилась на тугаи и, разлившись по ним, понеслась многочисленными проточками. Странно выглядели погруженные в воду великаны тополя, ивовые и облепиховые рощицы.

Выбираясь на сухие каменистые склоны, я неожиданно увидел мою старую знакомую — кобылку-летунью. Она беспечно слетела с задетой мною ветки дерева, ловко спланировала над водой среди зарослей и снова уселась на дерево. Этот короткий перелет сразу открыл секреты кобылки, и невольно подумалось: куда же делись все остальные кобылки, которые скрипели на своих музыкальных инструментах в этих местах до паводка, верещали на разные голоса, прыгали и разлетались во все стороны из-под ног? Их всех смыли бурные потоки, они или погибли, или расселились в другие места, и только одна скромно окрашенная летунья осталась на своем месте, жива, весела, энергична. Ей хоть бы что, она отлично живет на деревьях и на них пережидает губительные для других наводнения.

Через месяц я снова встретился с кобылкой-летуньей, но уже в тугаях реки Или. Здесь недавно спал паводок, поднялись над водой косы. Освободились заросли трав и кустарников. В тугаях всюду встречались только одни кобылки-летунии. Нигде не было слышно стрекотания столь обычных кобылок-хортиппусов, скаларисов и многих других. Потревоженные летунии свободно и легко перелетали на другой берег широкой мелководной протоки. Поэтому кобылки-летунии и живут возле ручьев, озер и рек и садятся на деревья — они приспособились к такому образу жизни, хотя сильные и губительные паводки здесь редки.

Вечером наступила необыкновенно чуткая лесная тишина. Слабые лесные шорохи, далекий гул горной реки Чилик создавали особенное настроение обостренного внимания к окружающему. Оно, по-видимому, передалось собаке. Она водила ушами, вслушивалась, принимаивалась. Я быстро разостлал тент, надул резиновый матрац, расстелил постель, натянул марлевый полог, уложил в порядок вещи, привязал рядом к колышку собаку и раскинулся на постели. После долгого дня так приятен был отдых. Рядом, почти над самой головой, и в отдалении распевали

соловьи, ворковала малая горлица. Над полянкой, шурша крыльями, носились стрекозы.

На небе стали загораться звезды. Лежа я вслушивался в симфонию леса. Без десяти минут десять раздалась мелодичные крики сплюшек. Еще через пять минут затокал козодой, бесшумно закружился над полянкой, сверкая белыми пятнами на крыльях. Прошло еще пять минут, и зашуршала трава, раздалось жужжание крыльев, и в воздух поднялись хрущи. Грузные и неловкие, они натыкались на полог, падая рядом с постелью. Сразу замолкли сплюшки. Видимо, не до песен, коль пришла пора охоты на крупных жуков. Всмотриваясь в темнеющее небо и мелькающих на его фоне жуков, я увидел, как за одним из них погналась муха. Потом у другого тоже появилась преследовательница. Мухи, летающие в глубоких сумерках, меня поразили. Любители тепла, солнца и света, они тотчас же укладываются спать, как только на землю опускаются сумерки. Другое дело — комары!

90

Но то, что я увидел, не было иллюзией. Неужели это были тахины? Они откладывают яички на тело жуков, и прожорливые личинки въедаются в тело, принимаясь лакомиться сочными тканями хозяина. Но жуки живут недолго, всего неделю или немного больше. Дела их коротки: после брачного полета остается только отложить яички. Может быть, личинки мух соскальзывают с тела жуков в тот момент, когда заботливая мать, зарываясь в землю, принимается откладывать яички? На яичках или личинках хрущей и происходит развитие мух.

В десять часов десять минут смолкло гудение хрущей. Брачный лет их закончился. Внезапно, будто по уговору, замолчали соловьи. Иногда кто-либо из них, неугомонный, начинал песню, но тотчас же прерывал ее на полустрофе. Затих ветер, воздух потяжелел, стал влажнее, и сразу громко зашумела река.

Ночью сквозь сон я слышал, как снова стали перекликаться сплюшки. Иногда из пустыни налетал сухой и жаркий ветер, и тогда стихала река. Во сне чудились сумеречные мухи, я бегал за ними по полянке, натываясь на кусты и валежины, но мой сачок после каждого взмаха был пуст. Удастся ли кому-нибудь поймать загадочных сумеречных мух?

К вечеру следующего дня ко мне пришел егерь.

— Посмотрите, какого я принес вам жука,— сказал он, развязывая мокрую тряпочку.

Мне не особенно хотелось разглядывать находку. После изнурительного, жаркого дня в тугаях запели соловьи, один устроился рядом с биваком, и я только что собрался записать его пение на магнитофон. К тому же скоро зайдет солнце, станет влажнее воздух, громко зашумит река Чилик и охота за голосами станет невозможной.

— И что, вы думаете, он делал? — продолжает егерь, — Полз по дну проточки. Я сперва решил — водолюб. Теперь вижу — чернотелка.

Чернотелка, завязанный обитатель пустыни, — и в воде! Что-то необычное! Надо взглянуть. В мокрой тряпочке действительно самый обыкновенный жук-бляпс, размахивая усиками, потревоженный, приподнялся на ногах, задрал кверху брюшко, застыл в угрожающей позе, как будто намереваясь выпустить каплю дурно пахнущей жидкости.

Странно! — замечаю я. — Что в воде делать этому пустынноку? Он и плавать не умеет. А впрочем, если бы и попал в воду, то его понесло бы течением по верху. Вы же говорите, что он был на дне. Уж не случилась ли с ним какая-то история? Пойдем посмотрим, что он будет делать в проточке.

Полянка, на которой расположен бивак, со всех сторон заросла густыми ивами, облепихой и лохом. Одним краем она подходит к тихой проточке. Ее прозрачная вода идет из родника, не то что в реке Чилик. Я кладу жука в воду. Он не тонет, плавает, его вот-вот унесет в непроходимые заросли водных растений. Тогда я устраиваю его на едва выступающий из воды камешек, Жук цепляется за него ногами, потом (вот диво!) опускает голову в воду, ползет по камешку вниз и вскоре — в воде, будто подошел. Я вытаскиваю жука обратно.

Посмотрим еще раз, что жук будет делать в воде.

Ему будто только и надо окунуться в проточку. Снова залез в воду, подобрал по дну, цепляясь за подводные предметы, и тихо вышагивает. Подобное купание странного жука затягивается на неопределенное время. И тогда я замечаю, что с жуком происходят странные вещи. Вначале он испражняется мелкой кашицей, легко уносимой водой. Потом из его кишечника показывается темный и слегка блестящий цилиндр. Он растет с каждой секундой, и вот торчит кусок червя около двух сантиметров. Я заинтригован, склонился над проточкой, загляделся. Проходит еще несколько секунд, червь высунулся на несколько сантиметров, срывает во все стороны, зацепился концом за подводную палочку и ловко закрутился за нее несколькими колечками.

Так вот откуда странная любовь нашей чернотелки к водным процедурам! В ее теле обосновался враг, круглый червь. Он забрался в него или личком, или крохотной личинкой, вырос, стал взрослым и теперь извратил инстинкты своего прокормителя, заставил его отправиться из пустыни в гущу на поиски воды, в которую он обязательно должен попасть.

Подобных червей нередко можно увидеть в пресной проточной воде. В природе их за сходство с волосом называют «волосатиком». Такое же название дали и ученые. Когда-то в народе верили, будто это конский волос попал в воду, ожил и превратился в такого червя. Червь относится к семейству гордиacea. Представители семейства паразитируют в насекомых. Для дальнейшего развития выросший и ставший взрослым червь должен попасть в воду. Здесь он откладывает яички. Личинки, выйдя из илчск, внедряются в тело водных насекомых. Затем развитие происходит лишь в том случае, если это насекомое будет съедено каким-либо сухопутным насекомым.

Наша чернотелка могла заразиться, съев поденку или ветвистоусого комарика. После брачного лета их занесло в пустыню из поймы реки. Но это только одни предположения. У многих паразитических червей очень сложный круг развития, со сменой хозяев, порядок которого всегда строго однообразен. К своим жертвам паразит приспособился в течение многих тысячелетий, и всякое отступление от принятых традиций грозит гибелью. Ученым нелегко распутывать секреты подобных паразитических червей, у многих из них не раскрыт этот заколдованный круг.

Интересно, что будет дальше с нашим пленником, послушно исполняющим волю и незримые приказы червя. Я боюсь потерять и червя, и чернотелку — их легко может унести течение — и поэтому сажаю обоих в кастрюлю с водой. Теперь на биваке можно спокойно наблюдать за ходом трагедии. Но с червем происходит что-то неладное. Может быть, алюминиевая кастрюлька ему не по душе — в ней нет течения воды, или еще чего-либо не хватает до естественной обстановки, запрограммированной предками в его примитивных нервных клетках. Он не желает выползти из тела жука. Чернотелка же не намерена прощаться с водой. Нарушив золотое правило нейтралитета натуралиста-наблюдателя, осторожно, схватив пальцами жука, я другой рукой пытаюсь извлечь глисту. Ее холодное извивающееся тело внушает отвращение. Но она держится на редкость прочно. Придется оставить попытки оказания помощи страдающему насекомому и посмотреть, что будет дальше.

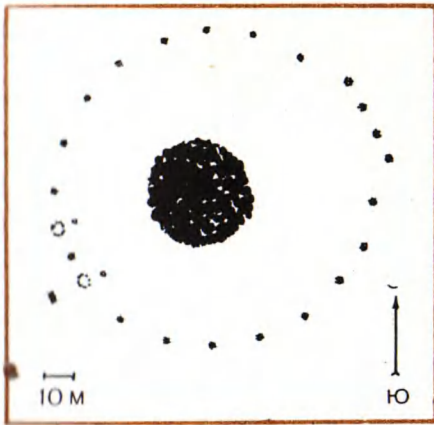
Проходит полчаса. Надоело сидеть возле кастрюльки, но я жду конца, он должен наступить. И, будто вознаграждая мое терпение, извиваясь во все стороны, червь начинает энергично выбираться из своего живого домика. Давно пора! Вот он уже стал около десяти сантиметров длины, набрал и все двадцать. Да какой же он длинный: показалось еще пять сантиметров. Наконец круглый червь отцепился, плавает в воде, как пружина, сворачивается спиралью, разворачивается, энергично, быстро, будто куда-то страшно торопится. Ему, видимо, полагается поскорее уйти с места трагедии, оставить одного своего хозяина. Вдруг он или кто-нибудь другой вздумает с ним расквитаться!

Но бедная чернотелка! Она лежит в воде кверху ногами, недвижима, беспомощна, может быть, даже мертва. Я вытаскиваю ее из кастрюльки, кладу на пенек. Едва заметное дрожание усиков говорит о том, что жизнь еще теплится в ее теле. Вскоре жук начинает размахивать ногами, затем движения его становятся еще более быстрыми. Но стоять на ногах не может. Еще бы! Вон какая махина вышла из его тела. Проходит еще немного времени, и жук, хотя и шатаясь, но уже стоит на ногах, чистит усики и слабой походкой пытается уползти от страшного места.

Глисту я запихал в пробирку со спиртом, а жука устроил в просторную баночку. Он энергичен, и будто ничто не говорит о прошедшей с ним трагедии. Но на следующий день жук мертв. Едва я призрагиваю к нему, как от его тела отваливаются голова, усики, ноги. Служение врагу не прошло даром!

Вечером я выбираюсь из тугаев на равнину. С нее видна вся большая Сюгатинская равнина. Солнце быстро клонилось к горизонту, косые его лучи четко обрисовали ложбинки и холмики. Пустыня, вначале желтая, стала оранжевой, потом посинела. Ветер затих, и тишина повисла над землей. В это время с гор надо мной пролетел орел-могильник. Он круто снизился, сел на вершину горы над самой равниной и застыл как изваяние, как будто он смотрел на равнину, на солнце, постепенно уходящее за горы, на большую пустыню, а меня не замечал, ни разу не обернулся в мою сторону.

Солнце скрылось. Потемнела равнина. Только вершины далеких гор еще золотились от его лучей. Но вот и они погасли. Загорелась первая



шеда. И тогда орел взмахнул крыльями, тяжело поднялся в воздух и полетел обратно.

Прибираясь через заросли к биваку, я думал о том, почему мы считаем, что ощущение красоты свойственно только человеку, и тем самым ставим между ним и животным миром планеты преграду. Некоторые птицы украшают свои гнезда яркими и блестящими предметами, звери, птицы, насекомые часто очень ярко и красиво окрашены для того, чтобы привлекать друг друга. Почему орел-могильник не мог прилететь на эту сторону пядлака только ради того, чтобы полюбоваться картиной обширной равнины, погружающейся в сумерки.

Перед тем как покинуть Бартугай, этот гостеприимный уголок природы, я обращаю внимание на то, что здесь много курганов. Они очень древние, камни, из которых они сложены, занесены почвой и едва из нее видны. Многие курганы невелики, но, как правило, окружены камнями, или же камни расположены вокруг кургана четырехугольником. Есть и несколько больших курганов. Особенно интересны и многочисленны курганы, расположенные на правом берегу Чилика километрах в трех от урочища и примерно напротив его средней части. Один такой курган диаметром около двадцати метров. Он окружен кольцом из кружочков, выложенных каждый строго на восьми камнях. Кольцо слегка эллиптическое. С западной стороны оно прервано двумя большими тоже восьмикаменными кругами. Против одного из них еще более к западу находится прямоугольная площадка, выложенная камнями. С восточной стороны кургана в ряд выложены четыре больших восьмикаменных кружка. По структуре курганы типично сакские и относятся примерно к нескольким векам до нашей эры. Аналогичные курганы есть во многих местах Самарчьи.

Что означает строгое соблюдение числа камней в кругах, число этих кружков, их расположение, форма эллипса? Для чего служила прямоугольная площадка? Без сомнения, все сооружение отражает какое-то мировоззрение, обычай, сложный ритуал, возможно, математическую закономер-

ность, астрономические значения. Будет ли когда-нибудь раскрыта загадка сакских курганов? Отсюда, из этого древнего некрополя, среди глухой пустыни, где стоит вечная тишина, видны просторы и долины, и окружающие горы, и само урочище все на виду — величественное, прекрасное и зеленое.

Обилие курганов вокруг Бартугая не случайно. Испокон веков Бартугай привлекал человека, кроме того, он считался священным, в нем совершались обряды, справлялись праздники. Ведь здесь так хорошо и отраднo после жаркой пустыни, раскаленного на солнце щебня, песка, пыльной глины да жалких растений!

Кончилась поездка. Пора в обратный путь. Я бросаю взгляд на красные горы, на зеленую полосу урочища Бартугай, на желтую Сюгатинскую равнину с надеждой еще раз побывать в этом чудесном уголке природы.



Некрополь племени саков



Давно я не был в Чулакских горах и, вспомнив о них, почувствовал, что соскучился по этому живописному уголку пустыни, и заторопился в дорогу. Чулакские горы большие, временем же я располагал немногим и на этот раз решил побывать в дикой каменной пустыне.



Добрался до знаменитых «царских курганов», или, как их еще называют местные жители, Бешатыра — «Пяти шатров». Случилось так, что со мною в этот раз не было попутчиков. Но я не унывал, иногда интересно побывать в природе и одному. Одиночество обостряет наблюдательность, усиливает восприятие окружающего, может быть, потому, что мы, сами того не замечая, тратим массу энергии, мыслей и чувств на общение друг с другом.

Впрочем, я был не один. Со мною в машине ехал фокстерьер Кирюшка. Необычно любопытный, он не отрывал глаз от окна и усиленно обнюхивал бьющий навстречу ветер, дополняя зрительные впечатления обонятельными. Временами, когда на пути встречалось стадо овец, коров, табуны лошадей или собаки, Кирюшка страшно волновался, принимаясь гарцевать по вещам, для того чтобы разглядеть увиденное в одно из маленьких окон брезентового кузова.

В небольшом поселке Ченгильды, название которого говорило о том, что здесь когда-то были ныне исчезнувшие заросли колючего кустарника чингиля, я простился с асфальтом и покатил по пыльной дороге на восток к Чулакским горам. До них оставалось не более тридцати километров.

За то время, пока я здесь не бывал, появилось много новых проселочных дорог. В пустыне они легко возникают. Одни из них вели к горам, другие — к синешемому вдали Капчагайскому водохранилищу, разлившееся на месте реки пустыни — Или. Выбирать дороги приходилось больше по направлению: подходили те, которые шли вдали и от гор, и от водохранилища.

Вокруг раскинулась лёссовая пустыня. На ней кое-где свечками стояли отцветшие эремурусы да желтеющие кустики ядовитого растения адраспана. Весна и лето в этом году выдались сухие и жаркие, серую пахучую полыньку всю съели зимовавшие здесь отары овец, остались одни ядовитые растения.

Горы Чулак видны уже хорошо, на горизонте заметной голубой каемкой показались горы Калканы. Вот на светлой дороге видно темное пятно. Наверное, камень. Но пятно сдвинулось с места, остановилось, вновь пошло. Передо мной черепаха. Увидела машину, спряталась в свой походный домик, замерла. Она давно ползает по дороге, протянула по пыли след.

Черепахи проводят зиму в норах. Вся их активная жизнь протекает весной. Обычно в апреле — мае — начале июня, пока не выгорит пустыня, черепахи отъедаются сочной зеленью, кладут яички и, как только наступают засуха и жара, зарываются в норы. Бодрствуют черепахи два-три месяца в году, остальные беспробудно спят. Такова их доля — обитательниц пустынь. И вдруг черепаха — на дороге, в пустыне, в конце августа. Даже фокстерьер, знакомый с черепахами, и тот опешил и, прежде чем ее схватить, с подозрением и тщательно обнюхал со всех сторон: мол, нет ли тут подвоха? Не встречал я никогда в жизни так поздно бодрствующих черепах. Бедняжка, страдающая бессонницей, даже не смогла выбрызнуть из кишечника защитную жидкую массу — прием, к которому обязательно прибегает ее племя в случае опасности. Обезводилась! Наверное, голодала весной, не запаслась на долгий сон влагой и



Горная курочка кеклик направилась на водопой

На цветках цикория пчелки-дазиподы

теперь отправилась на поиски несуществующего земного рая. Черепаха послала с нами. Попробуем найти для нее хорошее местечко. 97

Промелькнуло мимо самое первое ущелье гор — Караспа. Там, я знаю, есть ручеек, небольшие заросли чингиля и караганы. За ним — несколько бесплодных и пологих ущелий Иргизень. Ущелье Караспа по пути. Пожалуй, стоит туда захватить отдохнуть, поесть. В ущелье тишина, покой, одиночество, крошечный тугайчик у ручья. Здесь же и наш первый ночлег.

Ночью Кирюшка мешал мне спать, ворочался, сопел, ворчал — учуял голод. Может быть, вблизи бродил еж, лисица или тушканчик. Утром я проснулась. Желтая, с сухими растениями полянка вся голубела от цветов неяркого днем цикория. Дунул легкий ветер, заколыхал растения — и будто по синему озеру пробежали волны. Вокруг царил глубокая тишина. Ночью слышалось квохтанье горных куропадок. Собака насторожилась, вставила уши. Птицы показались на гребне скал, остановились, поквохтали и, не заметив ничего подозрительного, направились в нашу ложбинку. Четыре кеклика шли прямо на нас, перебежками обгоняя друг друга. Путь остальных прошел стороной. Ни машина, ни лежащий на земле человек, ни собака, застывшая в напряжении, их не смущали. Глупые скамьи приняли нас за камни.

Вот они приблизились на три метра. Я с интересом разглядываю чудесный наряд птиц, красные лапки, пепельную спинку, яркие поперечные полосы по бокам. Один кеклик немного заволновался. Остановился, посмотрел одним глазом, потом, повернув голову, взглянул другим. Не знаю, что было бы дальше, но собака не выдержала и, едва не оборвав поводок, бросилась на птиц. Испуганные кеклики даже не взлетели, а расбежались в разные стороны. В ущелье снова стало тихо.

Солнце еще не показалось из-за горы. Иногда слышался звон крыльев: на цветках цикория работали удивительные пчелки-дазиподы. Их задние ноги были покрыты настолько густыми и большими белыми волосками, что показались издали флажками. Раньше я видел только изображения этих пчелок в книгах, теперь же встретил наяву. Пчелки собирали пыльцу на

свои волосатые «штанишки», а рано работали потому, что цветки цикория днем закрываются.

И вот опять мчится наш газик. Горы в стороне. Издалека видно, как вершины гор ущелий Иргизень пересекают несколько черных полос, и одна из них особенно большая и темная. Это так называемые дайки из порфирита. Они будто каменные ограды. На самой большой я давно открыл целую картинную галерею древнейших наскальных рисунков. Они настолько поразили меня, что с тех пор я стал их поклонником и за долгие годы путешествий по Семиречью нашел несколько десятков тысяч наскальных изображений на скалах.

Потом дорога пересекла широкое сухое русло. Оно шло из ущелья Чулак-Джигде. Через это ущелье идет проходная дорога кверху на плоскогорье к поселку Карачок, а затем на асфальтовый тракт в город Талды-Курган. В этом ущелье есть хороший ручеек и на совершенно сухом склоне горы, выжженном солнцем, забавный ярко-зеленый бугор, поросший густой травой и деревьями.

98 Окружающий ландшафт постепенно меняется. Светлая лёссовая пустыня, поросшая серой полынью, переходит в темную каменистую, покрытую мелким черным щебнем. На ней растут редкие солянки — боялыч. Хорошо видно и следующее за Чулак-Джигде ущелье Тайгак, обрывистое, глухое, живописное. За ним далее к востоку — ущелье Теректы с многочисленными наскальными рисунками. Напротив этого ущелья дорога пошла вниз, у берега водохранилища разошлась, потерялась. Я не стал облуждать и поднялся кверху, к следующему ущелью Кызыл-Аус, что означало в переводе на русский язык «красный рот», к старой дороге, идущей под самыми горами. Красные скалы открыли узкий проход в большое ущелье с хорошим ручьем, поросшим по берегам деревьями. Проход в скалах действительно походил на красный рот гигантского чудовища.

Теперь мой газик, как корабль на море, ныряет то вверх, то вниз по застывшим волнам-холмам. Кое-где между холмами у самых гор прилепились белые домики зимовок скотоводов. Они пустуют. Овец угнали на летние пастбища. Дорога круто спускается в сухое русло ущелья Талды-Сай, делает зигзаги и поднимается вновь на обширные просторы каменистой пустыни. На западе уже хорошо видны синие горы — Большой и Малый Калканы. Там между ними чудо природы — Поющая гора.

Дорога продолжает опускаться вниз. Мотор выключен. Машина катится по инерции вниз к Капчагайскому водохранилищу. Вдоль него недавно проторенная дорога. С нее хорошо видно замечательное сооружение — древняя каменная ограда, сложенная не менее двух тысяч лет назад племенем саков. Эту ограду я впервые нашел более двадцати лет назад, путешествуя еще на мотоцикле, затем потерял ее, несколько раз пытался найти, но безуспешно. Сооружение, хотя и расположено по хребтику холма, скрыто со всех сторон. Теперь оно снова передо мной.

Подобная же гряда, но из четырех ячеек находится и у самой дороги, идущей из ущелья Талды-Сай вниз к востоку, к водохранилищу. Она древнее, камни крупнее, все повалены.

Оставив гряды, спускаюсь ниже. Пора становиться на бивак. Я выбираю место, где можно поближе подъехать к берегу, и останавливаю



Обширное Капчагайское водохранилище разлилось на месте пустыни Или. На горизонте — Заилийский Алатау

машину. Здесь надо быть осторожным. В почве, промоченной наступающей водой, местами легко увязнуть. Здесь безлюдно, и, если застрянет машина, ждать помощи не от кого. До вечера еще далеко. Иду по берегу Капчагайского водохранилища, посматриваю по сторонам на узкую полоску зелени прибрежных растений. Вокруг до самых Чулакских гор выгоревшая на солнце серая пустыня.

Кирюшка страшно занят, кого-то вынюхивает, выслеживает, подкарауливает. Нашел ящерицу. Та, несчастная, желая избавиться от опасности, оторвала хвост, который заметался, сворачиваясь и разворачиваясь, будто пружина! Знал я об этой уловке едва ли не с раннего детства, наблюдал не раз, но такую пляску увидел впервые.

Охотник склонил голову набок, загляделся на представление. Но вот умница, не погнался за хвостом, не позарился на него, видимо, понял, в чем дело, оставил хвостик-автомат и стал раскапывать камни. Нашел же таки несчастную ящерицу и чуть было ее не задавил, да я спас. И без того осталась без хвоста.

Раньше было много ящериц в пустыне: малых доверчивых головастых круглоблудков, быстрых, как молнии, линейчатых, больших, с тупым выражением агам. За два года засухи ящериц стало мало. Исчезли пискомыс, нечем кормиться. Кто погиб от недоедания, кто от старости. Молодь же не народилась. Оставшиеся в живых сильно изменили повадки, стали осторожными. Иначе нельзя. В оскудевшей пустыне и на ящериц много охотников: ежи, змеи, хищные птицы. Волки и лисы при случае тоже не прочь позавтракать маленькой добычей.

Хожу по пустыне и удивляюсь: ящерицы встречаются только очагами. Потом догадываюсь, в чем дело. Оказывается, они держатся около норок грызунов или возле очень густых кустов. Чуть что — и шмыг в укрытие. А там их не достанешь.

В одном месте волны намыли ровную песчаную площадку, а в центре ее — квадратная круглая ямка с почти отвесными стенками. На дне ямки — маленькие пузыри, будто вода бурлит, как кратер маленького вулкана.

Поднес спичку — вспыхнуло голубое пламя. Понюхал — запаха будто никакого. Огляделся — вокруг еще такие же кратеры. Что бы это могло быть такое? Просачивание газа из глубоких пластов земли или выход самого обыкновенного болотного газа — метана, образующегося от гниения растений? Сюда могло нанести много органического мусора и прикрыть песком. Солнце за лето обильно прогрело землю, и началось разложение.

Пока я раздумываю о находке, сзади в воде раздался шум и заставил меня резко обернуться. В нескольких метрах от кромки берега в воде бурлил и кипел бугор воды размером с крупный таз. Из него вырывались пузыри газа. Водяной бугор так поразил меня своей неожиданностью, что я чуть не бросился в воду. Но он так же внезапно исчез, как и появился. Потом еще появился такой же бугор, закипел и исчез. Я забрался на высокую кромку берега, стал ожидать. Пузыри газа вырывались на ограниченном участке примерно в диаметре двадцать квадратных метров.

100 Потом на обрывистом берегу водохранилища увидел черную полосу. Трогаю лопаткой — сыплется уголь, в нем черные, обугленные веточки. Под черной полоской — слой красной прокаленной огнем земли. Над остатками костра два метра земли каменистой пустыни с мелким щебнем. Сколько тысячелетий прошло с тех пор, когда здесь горел костер? Лежащие недалеко камни древней ограды, сооруженной около двух тысяч лет назад, ушли в землю только на 20—30 сантиметров. А тут два метра! Кострище — следы древнейшей стоянки человека.

Каменистая пустыня, покрытая мелким щебнем и редкими приземистыми кустиками боялыча, от гор Чулак постепенно понижается к реке Или. У самой реки в начале Капчагайского водохранилища она переходит в кромку солончака, покрытого тонкой, но твердой хрустящей коркой засоленной почвы. Берег в этом районе пустынен. Зато всюду корочка солончака проломлена копытцами джейранов. Осторожные газели, столь нещадно преследуемые человеком, приходили сюда на водопой.

Маленькое сетчатокрылое насекомое — муравьиный лев, прозванный так за то, что личинки, строящие в земле воронки, охотятся главным образом за муравьями, — оказалось зависимым от элегантной газели. Они устроили свои аккуратные ловушки в мягкой пыльной земле. Почти все следы джейранов заняты воронками. Джейраны выручили личинок муравьиных львов. Твердую корочку солончака не проломишь. От личинок муравьиных львов страдают муравьи, и получается так, что косвенно газели оказывают плохую услугу маленьким труженикам пустыни.

На синее небо с запада стала надвигаться серая полоска туч. Вскоре она закрыла солнце. Неожиданно подул ветер, кончилась тишина, и зашумело большое водохранилище будто море, покатило волны на берег с белыми гребешками. Против бивака серебристая чайка уселась на берег, поглазела по сторонам и стала важно и неторопливо расхаживать по самой кромке воды, что-то высматривать — наверное, мелкую добычу, которую выбрасывают волны на сушу. Прошла в одну сторону, остановилась, повернулась, пошла в другую. Так и стала ходить по берегу метров на сто в обе стороны.

Прилетела другая чайка, села поблизости. Патрулирующая чайка забеспокоилась, с криками прогнала пришлицу. Такая собственница!

В пустыне, а теперь на самом берегу водохранилища много древнейших сакских курганов, воздвигнутых за несколько веков до нашей эры. Вода подошла и к двум хорошо мне знакомым большим курганам и полностью их смыла. Когда, подъехав сюда, я вышел из машины, то сразу увидел на отвесном берегу, подмытом волнами, курган, ровно наполовину срезанный водой. Вода добралась до самого захоронения и над гладкой поверхностью узкой песчаной отмели виднелись светлокрасные кости конечностей. Курган был маленький, пологий, очень старый, как и большинство курганов этой местности. Выше него к горам тянулась цепочка более крупных курганов.

В долине реки Или часто дуют сильные ветры, и на водохранилище бушуют штормы. Было ясно, что вскоре от кургана ничего не останется. Волны уже принялись за его вторую половину. Не попытаться ли взять хотя бы череп?

Начал копать. От быстрой и непривычной работы горели ладони. Вода стала просачиваться в вырытую яму, да и волны докатывались до нее. Почва с мелким щебнем захлопала под лопатой. Вскоре я вымазался в грязь. Лопата уже ни к чему. Жидкую землю легче выбрасывать руками.

Показалась кость, вся оранжевая, бедренная, очень маленькая, ребенок лет десяти, не более. В жидкой грязи добиралась руками до тазовых костей, потом нащупываю ребра. Настроение необычное: в моих руках останки маленького человека. Он когда-то жил, чувствовал, радовался, горевал, болел, прощался с жизнью. Здесь, в этой глухой пустыне, его родители и родственники отдали ему последний долг.

О поисках каких-либо крупных предметов вокруг скелета в раскисшей жиже и думать нечего. Их, по-видимому, и нет. Ветер стал крепчать еще больше, еще больше бушуют и волны с белыми гребешками. Они с шумом набегают на берег и теперь беспрепятственно захлестывают яму.

Еще больше тороплюсь, ноги промокли. Наконец нащупываю череп. Осторожно извлекаю его. Теперь бы его отмыть. Но к озеру не подойти. Шторм разыгрался не на шутку. Яма уже вся в воде. Достая из машины резиновое ведро, бегу за отступающей волной, зачерпываю воду, но не успеваю увернуться от наступающей волны: меня обдаёт водой.

Отмываю череп и огорчаюсь: почти все лицевые кости разрушены. Промываю полость черепной коробки. В ней вперемежку с землей мелкие бесформенные косточки и вдруг — белое овальное образование с небольшими кольцевыми перетяжками. Еще такое же второе, потом третье. Это не кость, а что-то обызвествленное. Старательно укладывая свою находку в рубашку, несу в машину. Теперь поскорее переодеться, вскипятить чай и согреться.

К вечеру солнце прорвалось сквозь узкую полоску, свободную от облаков, осветило яркими лучами берег, и он запылал разноцветными красками на фоне грозного темно-фиолетового озера и неба. Пейзаж казался фантастичным. Полнейшее безлюдье, молчаливые курганы, дикая каменистая пустыня, покрытая черными камешками, — все это создавало особенное настроение отрешенности от всего остального мира, оставшего-

ся будто где-то далеко позади. Потом солнце село за тучу, повисшую над горизонтом, исчезли полыхающие краски, все стало серым, сумрачным, по темнеющему небу проплыло большое черное облако. Всю ночь завывает ветер, шумит прибой. Порывы ветра залетают в кузов газика, пробираются под одеяло. Звезд нет, небо темное. Начинает накрапывать дождь, а мне не спится. Я размышляю о своей находке. Она имеет прямое отношение ко мне, к моей профессии натуралиста.

В Южной Европе и Средней Азии обитает коварнейшая вольфартова муха. От крупных мух других видов она отличается тремя рядами темных пятен на сером брюшке. Самки вольфартовой мухи живородящие. Чаще всего на лету они с силой выбрасывают крохотных личинок в язвы и раны различных позвоночных животных. Нередко страдают от них совершенно здоровые животные, когда муха выбрасывает свое потомство в глаза, уши и ноздри. Личинки проникают в тело, питаются живыми тканями, причиняя тяжкие страдания, которые нередко приводят к гибели. Вольфартова муха особенно сильно распространена в животноводческих районах. Здесь нередки случаи, когда от нее заболевает или даже умирает человек. Личинки прокладывают ходы, вызывают нагноения, ткани отмирают. Известный паразитолог Е. Н. Павловский так описывает заболевание человека, вызываемое личинками мух:

«Личинки... выедают мягкие ткани вплоть до костей и разрушают кровеносные сосуды... ко всему этому надо прибавить сильные боли, когда личинка ползает по проложенным каналам в живых тканях и прокладывает новые галереи в нетронутых еще частях тела. Картина болезни бывает поистине ужасна!»

У ребенка, похороненного в кургане, видимо, личинки вызвали сильное воспаление. Организм справился с инвазией, а может быть, этому помогли и какие-либо лечебные меры, и личинки погибли, обызвестившись. Но воспалительный процесс не прекратился и, как это чаще всего бывает в таких случаях, осложнился так называемой вторичной инфекцией. Она сделала свое дело. Лицевые кости черепа разрушились, ребенок погиб. Причина смерти оказалась подтвержденной более чем через две тысячи лет!

Рано утром из окна машины я вижу, что берег заметно приблизился к месту ночлега. Что же осталось от кургана? Ничего! Его полностью смыло волнами, а там, где я рыл яму, — ровное место, покрытое песком и галькой.

Как много в этой находке сыграл случай. Случайно я остановился в этом месте в последний день существования наполовину размытого кургана.

Погода явно испортилась. Сажу в машине, спрятался от холодного ветра. Все небо затянуто облаками. Они закрыли и дальние горы. Похолодание необычно для конца августа. Иногда накрапывает дождь. Рядом шумит Капчагайское водохранилище. Но вот в маленькое синее окошко среди туч глянуло солнце, и в это время вдруг раздалось знакомое радостное кукование. Откуда здесь, в голой пустыне, да еще после дождя и прохлады, не ко времени, да и не к месту появилась кукушка? Наверное, пролетная северянка, обрадовалась солнечным лучам, вспомнила весну.

Часам к десяти утра дождь прекратился. Температура упала до десяти



Каменная пустыня
близ перевала
Тююасу

градусов. Вокруг над самой землей носились ласточки-береговушки. Они летали против ветра, ныряя над травой,— очевидно, ловили сдуваемых с нее мелких насекомых—затем, слегка поднявшись, мчались по ветру и, попернув обратно, вновь начинали поиски добычи. Птицы явно голодали, так как их добыча—все мелкие и высоко поднимающиеся в воздух насекомые сейчас сидели на земле и на растениях. В такие преждевременные похолодания ранней осенью или поздней весной, если они длительны, нередко ласточки гибнут от истощения. Как-то весной я видел в подобной обстановке, как стая ласточек не отставала от отары овец, очевидно охотясь за насекомыми, поднимаемыми с травы пасущимися животными.

Вот почему едва я тронулся в путь, как вокруг машины сразу выметались ласточки. Вскоре их собралось не менее сотни. Некоторые пролетали так близко, что я невольно замедлял ход, опасаясь за жизнь отпавших птиц. Наверное, по дороге ласточки отстанут. Но и на ней ласточки продолжали носиться вокруг машины в величайшем оживлении.

Но проселочной дороге не развить большую скорость, но иногда спидометр показывал сорок километров в час. Такая быстрота не была помехой для ласточек. Неужели даже здесь, в пустыне, звук и вибрация работающего мотора и, возможно, сотрясение земли от машины поднимают в воздух затаившихся насекомых?

Так я выручил ласточек, проехав километров двадцать. Но неожиданно разорвались облака, появились яркие синие просветы, через них глотало солнце, обогрело землю; мои милые попутчицы поднялись высоко над землей и разлетелись во все стороны.

Пустыня голая и ровная, все на ней видно далеко. Вот в стороне большой красный камень. Его привезли сюда, наверное, в очень давние времена и вкопали в землю, может быть, поставили в честь какого-либо события, печального или радостного, или обозначили им чье-либо владение. Но прошли тысячелетия, камень упал, лежит на боку и никто не знает, почему он здесь оказался.

Серый комочек застыл недалеко от дороги. Это чернобрюхий рябок,

Курганы Бешатыра выделяются своими громадными размерами



104 зачуяв машину, прижался к земле, рассчитывая остаться незаметным. А вот и другая какая-то черная точка вблизи дороги. Это кобчик. Хищник неохотно взмыл в воздух. Рядом же из-под кустика боялыша вспорхнул жаворонок. Так вот в чем дело! Видимо, кобчик погнался за жаворонком. Тот упал на землю, прижался к кусту и нашел спасение. Не в обычае кобчика охотиться на земле и бить на ней добычу. Вот он и сел рядом, стал выжидать. У кого скорее истощится терпение, кто взлетит первый!

Временами я останавливаю машину и, оставив ее, брожу по пустыне. Иду вдоль небольшого оврага и, когда мой пес забегает далеко, коротким свистом подзываю его. Этот зов собака хорошо понимает; мол, далеко убежал, надо возвращаться к хозяину. Вот и сейчас собака остановилась и с растерянным видом смотрит то на бугор, то на меня. Что такое с ним случилось?

С удивлением слышу, будто кто-то меня передразнивает, точно так же ловко подсвистывает. Стало немного не по себе. Место дикое, безлюдное. Как съехал с асфальта, не встречал ни одного человека, не разминулся ни с одной машиной, и вдруг кто-то подзывает собаку, меня передразнивает. Присмотрелся, отыскал глазами незнакомца. И увидел: в овражке сидит на кустике таволги каменка-плясунья, помахивает хвостиком и посвистывает. Я подаю сигнал: «Иди ко мне Кирюшка!» — и птичка просвистит: «Иди ко мне Кирюшка!» Собака не знает, какому свисту верить, и, где хозяин, разглядеть не может.

Теперь мой путь к цели путешествия — к царским курганам. Они уже видны хорошо на светлой пустыне у подножия синих гор, черные, большие, величественные, застыли в извечном покое, как и окружающая их каменистая пустыня. Черная пустыня под синим куполом неба, жаркое солнце, безлюдье, покой да посвист ветра. И обширные дали! Здесь совсем дикая, бесплодная, угрюмая пустыня, и отсюда кажется такой далекой жизнь человека с его двойственностью природы, с добром и злом, нищетой и богатством, обжорством и голодом, неумемной ленью и кипучей деятельно-

стью, миролюбием и жестокими войнами, со всей его неистощимой деятельностью, пытливой проницательностью к познанию неведомого.

Вот и сами курганы. Сейчас можно только с трудом догадаться, почему это урочище называется Бешатыр — Пять шатров, так как некоторые курганы исчезли, раскопаны археологами. Курганы расположены двумя группами. Группа верхняя, ближе к горам, ранее состояла действительно из пяти больших черных курганов и двух примыкающих к ним маленьких. Особенно велики два из них. Один окружен следами заплывшего рва, затем с северной стороны в четверть круга расположены восьмикаменные группы, и еще снаружи от них весь курган окружен большими и массивными восьмикаменными группами. К этому кургану примыкает маленький, раскопанный. Курган севернее него окружен только рвом и полукружием из восьмикаменных групп. От северного кургана к востоку расположена прямая гряда из восьмикаменных групп, и, наконец, еще восточнее — курган без какой-либо орнаментировки.

От другого большого кургана осталась только широкая насыпь с кое-где сохранившимся кольцом из восьмикаменных групп. Археологи раскапывали курганы при помощи современной техники, используя бульдозеры. Здесь был найден обширный сруб, образующий просторную комнату из стволов тяньшанской ели, привезенных издалека, а под ним — подземные неопределенной формы тоннели. Бревна рубились бронзовыми топорами, грубые следы их работы видны на древесине. В то время человек еще не умел строить бревенчатые срубы и соединять их концы пазами. Делался он примитивнее. В каждом углу сруба в землю вкапывалось по два столба, между которыми и укладывались бревна стенок.

Другая группа курганов находится ниже и южнее правой и состоит из семи менее крупных курганов, ниже которых примыкают курганы обычные, мелкие. Здесь только возле одного кургана с западной стороны сложена небольшая изгородь из восьмикаменных групп.

Возведение курганов происходило по особенному, установленному веками плану. Сперва расчищалась площадка и обводилась кругом из камней, обозначивших контур будущего кургана. В центре круга, а иногда и в стороне для маскировки от грабителей в неглубокой яме или срубке хоронили покойника. Затем сооружалась насыпь из земли и щебня. Материал для насыпи привозили со стороны. Вблизи кургана природа не должна была нести следы осквернения. На земляной курган снаружи укладывался толстый слой почерневших от солнца крупных камней. Они предохраняли все сооружение от размывания, от ветра, придавали ему особенную красоту и величие. Черные курганы и были видны на десятки километров во все стороны.

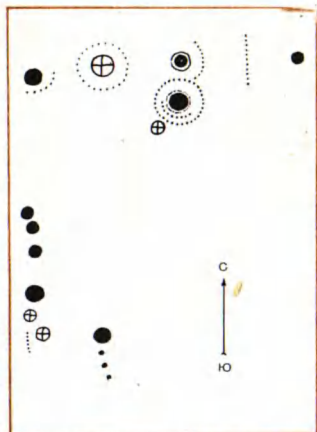
Все курганы несут следы работы древних грабителей, и археологам, проводившим обследование этого некрополя, достались лишь фрагменты вещей и утвари.

Затем курганы обносились со всех сторон изгородью, кольцами, сложенными из тяжелых больших камней. Каждое кольцо, как и там, в таинственной изгороди, состояло из восьми камней, четырех больших, поставленных вертикально, как плиты, и черных округлых поменьше размером. Камни привозились с гор, издалека, каждый из них весил по

Одна из ячеек, состоящая из восьми камней древней ограды



План царских курганов. + — курганы раскопаны археологами



106 несколько тонн. Возведение всего сооружения стоило больших человеческих усилий и рабского труда.

Курганы вблизи производят еще более величественное впечатление своей грандиозностью, необычным строением, замысловатым расположением, рвами и кольцами из восьмикаменных групп. Весьма вероятно, что все это носило какой-то определенный порядок и смысл, нам непонятный и нерасшифрованный.

Я поднимаюсь в ущелье Челбыр, расположенное напротив курганов. Дорога крута, и мотор быстро перегревается. Ущелье безводное. Может быть, здесь есть животные, рисунки? Нет, рисунков здесь я не нахожу. Уж не было ли это ущелье запретным, а все урочище заповедным? Души умерших желали покоя.

Пора и в обратный путь. Недалеко отсюда расположено ущелье Тюзасу. Прежде через него проходила плохая дорога. По ней, хотя и с трудом, можно выбраться на асфальтовое шоссе. Теперь всюду зимовки скота; наверное, дорога стала лучше. Я продолжаю пробираться и вдруг вижу на горизонте еще какое-то небольшое и черное сооружение. Придется остановиться, пройти пешком, разведать, что это такое.

Путь через овраги по камням и щебню тянется долго. Сооружения давно не видно, и я иду, руководствуясь чувством направления, приглядываясь к безжизненной земле. Кругом пусто и мертво. Мелькнула ящерица-круглоголовка, расцвеченная под цвет пустыни, застыла на месте и растворилась, исчезла, едва я отвел в сторону взгляд. Еще я вижу на большом камне гнездо пчелы-халикодомы. Шесть ячеек окружают одну, расположенную в самом центре. Каждая ячейка слеплена из земли, перемешанной со слюной. В нее ради экономии строительного материала, а также, видимо, и ради прочности втиснуты камешки. Работа заботливой матери не пропала попусту. Ее детки благополучно развились, перезимовали личинками, окуклились весной и, проделав окошечки, покинули колыбельки, чтобы вот так же позаботиться о потомстве, продолжить свой род.

Прошел почти час, а я все еще не вижу цели своего путешествия. Взираюсь на холм — и неожиданно передо мной ряд из восьми полуповаленных групп камней, таких же старых и полузасыпанных землей, как и ранее встреченные. Солнце, жара, морозы, ветер и время изрядно потрудились над ними. Отсюда хорошо видны царские курганы. Эти камни, наверное, имеют какое-то отношение к ним и составляют вместе с ними одно целое. Возле сооружения большая ровная расчищенная от камней площадь, видимо предназначенная для совершения ритуальных церемоний.

Тщательно осматриваю камни. На них есть наскальные рисунки. Вот традиционные козлы (1). Один из них могучего телосложения, выписан аккуратно и красиво. Обращает внимание самое верхнее изображение козла. Несколько раз я встречал такие рисунки с подчеркнуто длинной шеей. Случайно ли? Если нет, то это антилопа Геренука, очень редкая, недавно найденная в Северной Африке. Она могла бы здесь и исчезнуть. Глядя на рисунок козла, у которого концы рогов соединены (2), я вспомнил, что точно такой же рисунок я встречал уже несколько раз. Значение многочисленных рисунков козлов до сих пор не выяснено. Может быть, они отражают культ козла, так же как в древности у многих народов существовал культ быка, кроме того, рисунок козла, возможно, своеобразное клеймо рода, фамилии. Охотник-кочевник наносил на скалы всегда один и тот же рисунок животного, ставил свое факсимиле.

Очень стилизован рисунок животного с длинным хвостом (3). Кто это? Крыса, суслик или могучий тигр? Далее я вижу изображение человека рядом с рисунком козла (4). Эта гравировка неясна, рядом с нею какие-то неопределенные фигуры. Загадочно изображение человека, схватившего одной рукой большого козла, другой — маленького (5). Что это означает?

Немного в стороне от ограды на отдаленном камне очень четко выписана картинка нападения трех волков на козла (6). У волков характерная черта — длинный хвост, слегка изогнутый книзу. Уж не красный ли, или, как его еще называют, альпийский, это волк, заклятый враг горного козла? Он дерзкий, смелый и опасный хищник. Ныне этот волк почти исчез.

Все же я немного сбился с пути в поисках ограды, описав к ней круг, и теперь иду прямо к машине, положение которой угадываю по контурам недалеких гор. Я изрядно проголодался, устал и рад поскорее добраться до своего походного дома. Но все забыто: передо мной длинные линии из камней. Они очень древние, почти занесены почвой, во многих местах разорваны сухими потоками селевых и талых вод. Вспоминаются гигантские рисунки и линии в Перу, над разгадкой которых уже несколько десятилетий бьются ученые. Интересна аналогия: линии в Перу тоже нанесены в местности пустынной, каменистой и непригодной для хозяйственной деятельности человека. Что означают эти линии, каков их рисунок?

Я устал, обессидел и чувствую, что нанести их на план не смогу, линии слишком велики. Нужна инструментальная съемка или даже лучше аэрофотосъемка.

Кое как добираюсь до машины, нахожу уютный и свободный от камней



108 бугорок и устраиваюсь на ночлег. Отсюда хорошо видны дали за обширной пустыней. На юго-западе едва просвечивает белыми ледниками хребет Заилийского Алатау, восточнее его — пустынные горы Богуты, на востоке — горы Калканы, а весь север занят заняты отрогами Джунгарского Алатау, у подножия которого я и нахожусь.

На следующий день неторная дорога пересекает несколько глубоких логов, минует две пустующие зимовки и выводит на пологую подгорную равнину. Здесь кое-где видны древнейшие селевые выносы из ущелий камней, совершенно черных, загоревших и блестящих. Я останавливаю машину, беру бумагу и карандаш и первое, что вижу, — странные знаки, высеченные на камне. Да это древнейшая надпись (7)!

А дальше на камнях всюду рисунки и, конечно, в первую очередь самые разные козлы. Потом вижу изображение охотника, стреляющего из большого монгольского лука в козла, которого на него нагнала собака (8). Она по облику очень похожа на моего Кирюшку — с таким же коротеньким, обрезанным хвостом. Для моей коллекции копий наскальных рисунков этот определенно интересен. Затем нахожу старательно выгравированное на большом камне стадо козлов, преследуемое собакой (9). И еще разные рисунки. Снова фигура лучника, правда, нечеткая (10). Он стреляет в козла из лука стрелой с большим круглым наконечником. Такими стрелами раньше монголы стреляли в пленных, пытавшихся убежать от неволи. От сильного удара человек падал на землю, но оставался жив. А здесь для чего? Козел встретился с собакой, ее хвост бодро загнут на спину (11). Всадник на верблюде рядом с козлом (12); на другом рисунке рядом с козлом всадник на лошади (13). Случайны ли эти последние два рисунка, или обозначают что-то особенное, проникнутое глубоким смыслом?

Встречаю рисунок и юмористический: у животного спереди — голова козла, а сзади — голова волка или собаки (14). Выгравирован он очень четко. И наконец, изображение двухголовой змеи (15). Оно могло быть и не случайным. Такое уродство изредка встречается у змей и в наше время.

Вероятно, такому уроду придавалось особое значение.

Обширная каменистая пустыня безлюдна, просторна, камни с древними рисунками навевают особенное ощущение глубокой древности окружающей природы, ее девственности и отрешенности от существующего мира, так сильно преобразованного современным человеком. И в этой пустыне так много интересного и загадочного, ожидающего будущих исследователей.

Неожиданно к моему пути снизу примыкает торная дорога. Она приводит в ущелье Тюзасу. Подъем по нему короткий, а перевал недолог и неинтересен. Потом слегка всхолмленное плоскогорье, несколько поселков и наконец асфальт.



От оазиса к оазису



Лента асфальтированного шоссе вьется на восток по холмам вдоль хребта Заилийского Алатау. Мелькают мимо селения Талгар, Иссык, Тургень. Постепенно хребет становится ниже, исчезли его снежные вершины, покрытые ледниками. Дорога спускается к пустыне.



Впереди большое селение Чилик, утопающее в садах, за ним на горизонте видны горы Большие и Малые Богуты, и между ними слегка всхолмленное плоскогорье.

В тридцати километрах за селом Чилик асфальтированное шоссе круто сворачивает к югу в ущелье Кокпек, мы же покидаем его и направляемся на восток. Теперь нам странствовать только по проселочным дорогам или даже без них, по целине. Небольшой спуск — и мы у подножия гор Богуты.

Большие и Малые Богуты хорошо различаются издали. Потом, когда окажешься среди многочисленных гор, идущих то сплошной цепью, то мелкими, изолированными друг от друга группами, они кажутся одним сплошным хребтом, самой западной оконечностью Заилийского Алатау, вдающейся в зону пустыни.

Климат этих гор зависит от обширных пустынь: с одной стороны, подгорной равнины, тянущейся к реке Или, с другой — Сюгатинской равнины, расположенной между хребтами Богуты и параллельного ему хребта Торайгыр. Несмотря на то что плоскогорье между Большими и Малыми Богутами находится на высоте 900—1400 метров над уровнем моря, здесь настоящая пустыня. Самые высокие горы хребта достигают высоты 1800 метров над уровнем моря. Но и на них нет никаких лесов, лишь по северным склонам да в ущельях растут кустарники таволги, дикая вишня, курчавка.

111

У подножия гор Богуты небольшой ключик. Близ него заросли колючего кустарника чингиля, а у самой воды — развесистые ивы. Ключик называется Чингильсу. Возле него всегда останавливаются путники утолить жажду, набрать запас прохладной воды. Из жаркой и сухой пустыни к ключику пробираются на водопой лисы, волки и даже осторожные джейраны: кто — днем, не скрываясь, а кто — ночью.

Взглянув мельком на ключик, я собрался идти к машине, чтобы продолжать путь. Но натуралисту могут встретиться неожиданности на каждом шагу. С травинки на травинку, слегка шурша крыльями, переползал большой, грузный шмель. Его черную грудь украшала желто-охристая перевязь, желтым было и основание брюшка, посредине располагалась широкая черная полоса, а ниже — ярко-белый кончик брюшка. Шмель принадлежал к одному из широко распространенных видов и назывался бомбус-террестрис. Но где же видано, чтобы этот неутомимый труженик, вечно жужжащий крыльями, путешествовал по земле! Впрочем, шмель иногда взбирался на короткие травинки и с их вершины, пытаясь взлететь, перескакивал на соседние. Вскоре он попал на одиночное растеньице глухой крапивы, на котором уцелело с десяток скромных белых цветочков, и старательно начал их обследовать, запуская в кладовую нектара длинный хоботок.

Я заинтересовался странным поведением неутомимого труженика. Он, оказывается, очень сильно истрепал крылья, износил мохнатую шубку, постарел, но все еще цеплялся за жизнь, трудился, собирал для семьи цветень и нектар. Ему с такими крыльями уже нельзя, как прежде, ловко перелетать с растения на растение, и вот он, истощенный, близкий к концу своей жизни, и переключивается с места на место.

С чувством уважения я загляделся на этого маленького героя, до

последнего дыхания выполняющего свой долг. В памяти невольно вспомнились когда-то очень давно прочтенные мужественные слова из сочинения Амиеля: «Что делать, когда все нас оставляет: здоровье, радость, привязанность, свежесть чувств, память, способность к труду, когда нам кажется, что солнце холодеет, а жизнь как будто теряет все свои прелести? Как быть, когда нет никакой надежды? Одурманиваться или каменеть? Ответ всегда один — исполнение долга». Таков и наш шмель.

Шмель полакомился нектаром, потом запасся им в свой зобик, усиленно завибрировал крыльями, помогая ими своему старенькому телу, забрался на куст чингиля, оттуда ринулся в полет, набрал высоту и исчез. Я с восхищением смотрел на беззаветного труженика, все силы которого и жизнь принадлежали его маленькому обществу.

Теперь, кажется, больше нет ничего интересного у родничка и можно продолжать путь.

112

Я люблю горы Богуты за их суровый, пустынный облик, полное безлюдье, тишину и покой. Но пора взбираться на Богуты. Крутой подъем — и ручеек остается далеко внизу. Справа — Большие Богуты, впереди — холмистое высокогорье, слева — Малые Богуты. Я съезжаю с дороги, спускаюсь на острый хребтик и останавливаю машину. Отсюда открывается величественная картина просторов пустыни. Вся северная часть горизонта занята синими горами Чулак-Тау. В бинокль хорошо различимы знакомые ущелья Караспэ, Иргизень, Чулак-Джигде, Тайгак, Кылаус, Унгуркура, Челбыр, Талды-Сай. Видны едва заметные черные пятнышки громадных курганов Бешатыр. Дальше к востоку идут синие горы Алтын-Эмель, увенчанные высокой вершиной горы Магай. Еще дальше к востоку простирается хребет Кояндытау, а за ним — снеговые вершины величественного хребта Джунгарского Алатау. Ниже цепи гор Чулак-Тау и Алтын-Эмель проглядывают сквозь дымку далей Малый и Большой Калканы с Поющим барханом между ними. Под ними едва заметная белая полоска реки Или. У подножия гор Богуты лежат голые красные, желтые, оранжевые горы. Это все те же остатки позднегерценовых озерных отложений. Рядом с хребтом на лёссовой почве — причудливый овраг из глубоких каналов, колодцев, рытвин. Местами высверленные водой колодцы уходят в землю и, проточив под нею каналы, открываются ниже узкими пещерами. Над оврагом — заросли чингиля. Их заняла веселая компания черногрудых воробьев. Неумолчный гам и писк кажутся необычными в окружении этой суровой пустыни. Большой пологий ровный склон лёссового холма покрыт множеством равномерно по нему разбросанных зеленых, резко очерченных пятен. Что бы это могло значить?

Я перебираюсь через овраг. Пятна оказываются пышными куртинками полыни. Они выросли на месте колонии рыжехвостой песчанки. Грызуны изрешетили землю норами, и по ним в плотную лёссовую почву проникла весенняя вода. Здесь, на пологом склоне, ей негде, кроме этих нор, задержаться. Потом тепло и влага дали жизнь растениям.

Рыжехвостая песчанка широко распространена в пустынях Семиречья. Зоологи считают ее врагом пастбищ за то, что она якобы уничтожает растительность вблизи своих колоний. Но никто не подумал, что этот



Пустыни
выжженные солнцем
горы Богуты

«вредитель», оказывается, может быть и полезным. Год за годом маленькие и неумные в своих строительных делах грызуны делают почву скважистой, способствуют проникновению в нее воздуха и влаги, изменяют ее структуру и удобряют ее органическими веществами. И вот налицо результат: на месте каждой колонии пастбище обогащено растениями.

Насколько сложна жизнь пустыни и как относительно о ней суждения!

В плотной лёссовой почве живет масса рыхлителей. В ней усиленно роет норки великая армия мелких беспозвоночных животных. Пустынные мокрицы делают многочисленные норки на голых участках пустыни, едва покрытых растительностью. Через несколько лет место поселения зарастает травами, кустарниками и мокрицам, любителям свободной поверхности приходится переселяться на новые места и вновь преобразовывать природу. А муравьи! Сколько их жилищ даже в самых бесплодных участках пустыни! Наклонишься к земле — везде, всюду увидишь этих неугомонных созданий, пронизывающих землю многочисленными ходами, камерами и залами. Муравьи — великая сила, без которой почва пустыни обречена на оскудение. Первейший друг пустыни и слепушонка. Тот небольшой вред, который он приносит растениям, окупается с лихвой. Между тем мало кто подозревает о его полезной деятельности. Животные-рыхлители — друзья пастбищ пустыни, особенно когда эти пастбища несут большую нагрузку от домашних животных, сильно уплотняющих ее почву копытами. О них надо помнить, особенно когда человек, вмешиваясь в исконно сложившиеся связи живых организмов, переделывает природу в соответствии со своими потребностями.

Странные обожженные солнцем горы! Голая земля, крохотные полыньки да кустики боялыча, шапки солянок и над ними, как звездочки, горят желтые цветочки. Здесь скудна жизнь. Изредка выпархивают пустынные кобылки, да каменка-плясунья внезапно появится, облетит вокруг, присядет на землю, поклоняется и так же неожиданно исчезнет. И всюду курганы — печальные свидетели далекого прошлого.

Машина мчит нас дальше по плоскогорью между двумя Богутами.

Высота уже 1400 метров, и, хотя солнце печет немилосердно, в тени прохладно, и воздух, чувствуется, свежее. В одном месте, где охристые каменные хребты расходятся в стороны, уступая место холмистой межгорной равнине, из-за желтого бугра показались вершины деревьев. На фоне светлой, выгоревшей пустыни зелень растений такая ослепительно яркая! За бугром открылась впадина в пышных травах и развесистых ивах. Между деревьями со всех сторон широкой струей сочатся ключики. Ниже они собираются вместе и бегут по камням говорливыми ручейками среди зарослей солодки, верблюжьей колючки, молодого тростника и мордовника. Здесь чудесный влажный воздух, тень, прохлада и тишина. Весь этот зеленый мир замер, будто заснул. Может быть, потому, что сейчас полдень, жара. Лишь иногда налетает порывами ветер, и тогда тонкие ветви гнутся, шелестят и серебрятся на них листья. С дерева сорвалась болотная совка. Села на одно дерево, перелетела на другое, потом покинула лесок, скрылась в красных скалах жаркого ущелья.

114

Я обхожу рощицу и не могу не удивиться на ивы. Вот самая старая. Ее ствол в обхват около двенадцати метров, а в диаметре около пяти. Она почти сгнила, но боковые ветви еще живы, и одна из них, будто громадный толстый удав, извиваясь, застыла над самой землей. Другая ива в окружности около восьми метров и внутри с большим дуплом. Внизу еще два великана, но меньше двух самых старых. А там идут еще меньше. Все деревья можно разделить по возрасту от самых старых до самых молодых на несколько рангов. Всего же ив немного, около двух десятков. В стороне от леска стоит еще одна большая развесистая ива и рядом с нею озерко. Кто-то очень давно построил высокий вал и провел сюда два ручейка. Вода в озерке чистая, прозрачная и холодная. Может быть, поэтому в нем никто не живет.

Деревья всюду носят величайшее множество следов порубок. Но, несмотря на увечья, они живут, живут давно, может быть, многие столетия. Чудится, как у этого же ручья, возле этих деревьев останавливались на отдых и охотник с луком, и воин на коне в кольчуге и с мечом.

В журналах можно прочесть сообщения о знаменитых деревьях-исполинах, деревьях-стариках, произрастающих в разных странах. Они взяты на учет, их охраняют местные власти, показывают туристам, ученые скрупулезно изучают их возраст, о них пишут. В Мексике растет болотный кипарис. Его высота—около пятидесяти метров, окружность ствола—тридцать метров. Дереву-гиганту более двух тысяч лет. В Дании растут и охраняются как национальные памятники несколько тысячелетних дубов. В африканской тропической лесостепи растут самые долговечные из живых существ—деревья баобабы. Считают, что это дерево доживает до пяти тысяч лет. Недавно в Литве обнаружен двухтысячелетний дуб. Его ствол в обхвате равен двадцати метрам. Это дерево признано самым старым в Европе. В центре города Ладушкина Калининградской области растет восьмисотлетний дуб, живой свидетель битвы 1410 года и разгрома крестоносцев Тевтонского ордена польскими и русскими войсками.

Существует давний обычай связывать историю старых деревьев с памятью выдающихся людей. На Украине живут старые дубы-великаны



Верблюжья колючка

Оса-сфекс
лакомится
нектаром
на мордовнике

Т. Г. Шевченко, Н. В. Гоголя, А. С. Пушкина, Петра Первого. В Горном Крыму в Тессели на бывшей даче Максима Горького сохранились рощи тысячелетних можжевельников, в парке санатория «Ясная поляна» ниже грота Льва Толстого растет тысячелетний пушистый дуб. Еще недавно под Ельцом, в Михайловском, на берегу большого пруда рос громадный старый дуб. Под ним, гостя у Стаховичей, любил отдыхать А. С. Пушкин. Ствол дуба обвивала цепь, под ним стоял бюст поэта в знак того, что это место, по преданию, навяло поэту знаменитые стихи «У лукоморья дуб зеленый». В Крыму растет редкая по своей красоте тысячелетняя дикая фишашка. В течение многих веков она служила своеобразным маяком для кораблей, заходивших в бухту.

На Украине такие деревья охраняются законом. В Польше все подобные деревья помечены знаками с государственной эмблемой и тщательно охраняются. Деревья-великаны довольно часты и в Средней Азии, их хорошо знает население, оберегает, ценит, а старики почитают священными.

Стары здесь и ивы, стар и ключик. Желтый бугор, поросший чием и сизой полынькой, не случаен среди каменистой почвы. Наносимая ветром пыль оседала веками и задерживалась зеленой растительностью. Может быть, поэтому здесь находятся холмики старинных могил из камней. Где же можно было захоронить покойника в этом царстве щебня и скал?

Рядом с рощицей высится коричневая гора с почерневшими на солнце камнями. Уж очень она хороша для наскальных рисунков. Да, на ней все те же традиционные рисунки козлов. Их оставили на камне несколько тысячелетий назад древние посетители и жители этого оазиса.

Для нас рощица после странствований по пустыне будто подарок. Здесь мы и проводим самые жаркие часы дня. А когда солнце начинает клониться к горизонту, расстаемся с ней. Впереди дальний путь.

И опять вокруг светлая пустыня и горы. Но вот слева среди желтых холмов у подножия скалистых гор снова ярко-зеленое пятно. Блестящие полоски пересекают его сверху вниз. Здесь зеленая трава, струится ручей,

Горчак розовый

Возле тихой заводни над водой сидит стрекоза — оранжево-желтая самка



116 в небольшой лужице энергичные жуки-водолюбы, колышутся в потоке воды шнуры жабьей икры. Вода холодная, проточная, и икра сильно запоздала в развитии. Рядом была зимовка скота. Среди зелени властвуют два сорняка: софора лисохвостная и горчак розовый. Оба в последние десятилетия усиленно расселяются. Сюда они попали с сеном. Теперь нет ни одной зимовки без этих сорняков.

Из зарослей зеленой травы навстречу вылетают комары. Гудение их крыльев в тишине пустыни хорошо слышно. Но не только они рады нашему появлению. Откуда-то прилетела большая стрекоза и патрулирует рядом с нами, не отлетает ни на шаг и ловит комаров. Я помахал рукой стрекозе и полез на черные скалы. Может быть, тут есть рисунки.

Но рисунков нет, зато на обожженных солнцем склонах гор я вижу желтый альпийский мак, богородскую траву — растение влажных высокогорий. Как они прижились здесь в ста метрах от голой пустыни?

Отсюда, со склона Больших Богутов, хорошо и далеко просматривается местность. У подножия Малых Богутов тоже зеленое пятно, сочное и яркое среди желтой пустыни. К нему тянется едва заметной ниточкой дорога. Ну что же! Поедем и туда. Будем странствовать от оазиса к оазису.

Дорога вся пересечена глубокими трещинами, и, если бы не передний мост и демультипликатор, нам досталось бы! Потом она становится еще хуже, по ней промчались дождевые потоки и превратили ее в два параллельных и глубоких овражка. Приходится ехать по целине. В понижении среди холмов, куда приводит нас путь, дороги совсем размыты и нашему газику нелегко преодолевать препятствия. Но вот, наконец, и оазис — громадные раскидистые ивы и ручеек.

Под величавыми великанами ивами так уютно! Но чудесный оазис несет следы разрушения. От некоторых деревьев остались лишь пеньки. Одно дерево, упав, сохранило небольшую перемычку с пнем. По ней идет живительная влага, подаваемая корнями, и дерево живет, зеленеет. Как могла подняться рука на таких красавцев? Видимо, здесь хозяйничали черствые к природе люди, браконьеры, тем более что на зимовках скота



никогда не бывает недостатка в топливе: кизяк — сухой навоз — лежит штабелями, и его не успевают сжигать. 117

На следующий день наш путь продолжается зигзагами по плоскогорью между Малыми и Большими Богутами и сейчас после долгого спуска опять подымается кверху, к другому пятну, зеленеющему над горами. Здесь тоже ручеек — поилка для скота и... три старых-старых диких яблоньки. Нас встречает дружное чириканье воробьев и писк их многочисленного потомства. Яблоньки увешаны гнездами птиц, под ними земля в белых пятнах. Здесь же на земле в тени деревьев чернеет скопление мертвых муравьев-тетрамориумов. Многочисленное их племя постигла болезнь, и все, кто сейчас жив, заняты тем, что выносят из подземного жилища погибших товарищей на солнце, на стерилизацию.

Дальше к востоку вьется дорога с холма на холм, минуя овражки. К вечеру мы сворачиваем в сторону, проезжаем по хребтику и останавливаемся на самом его конце над ущельем. Вокруг красные камни, скудная, едва заметная растительность и слабо зеленеющая полоска из таволги на дне ущелья. Мы устали за день, радуемся отдыху, а нашему появлению радуются комары. В глубокой вечерней тишине слышно их нудное гудение да звонкое тикание автомобильных часов. Комары усиленно охотятся за нами. Когда мы, закончив все дела и устроив бивак, забираемся под пологи, они устраивают дружный концерт, под который мы мгновенно засыпаем.

Рано утром я взбираюсь на вершину ближайшей горы и с удивлением вижу почти рядом с нами среди красно-желтой пустыни зеленый оазис трав и больших деревьев. Когда-то здесь жил земледелец. Он выровнял дно долинки, собрал в арык из ручейков воду и оросил ею землю, устроив пашню, добывая хлеб свой. Сейчас от всего этого остались слабо различимые следы да сильно заросшее тиной озерко. Маленькие жабята, размером с наперсток, резвятся по его берегам. Скоро они уйдут в пустыню и будут там охотиться в одиночку, на день прячась в норы и щели.

Неожиданно плоскогорье спускается вниз, машина мчится с выключен-

Птенцы ушастой совы привстали на гнезде, разглядывая посетителей оазиса

Вьюнковый анстрогряз похож на бредок

Жук-златка — обычный обитатель саксаульников



118 ным мотором. Здесь недавно прошел небольшой дождь. От него кое-где остались пятна мокрой земли да полувисохшие лужицы. В одну из них неразумные жабы успели отложить икру. В согретой солнцем горячей воде развется головастики. В этом водоемчике, размером не более квадратного метра, их много тысяч. Вся лужа черная. Сегодня-завтра вода высохнет и останется от жабят только темное пятно.

Большие Богуты сильно понизились. Малые Богуты, наоборот, высоки, и почти рядом появилось пологое сухое русло, заросшее тамариском, чингилом, курчавкой. Мелькнули первые кусты саксаула.

У подножия Малых Богутов видна рошица деревьев, и вот мотор трудится, тянет нашу машину в горы, и стрелка высотомера медленно отсчитывает подъем. Горный оазис встречает нас шумной перекличкой молодых скворцов, чириканьем воробьев и гулом крыльев множества насекомых. Здесь под тенью деревьев-великанов высокая крапива, татарник, пахучая мята, лебеда, приятная свежесть воздуха, прохлада. Едва я выхожу из машины, как из-под деревьев с громким шумом разлетается стайка горных курочек. Их не менее полусотни, крошечных, размером с дрозда, в сопровождении десятка взрослых птиц. Птицы приземляются на жаркий и сухой склон горы и, поглядывая на нас, не спеша перепрыгивая с камня на камень, поднимаются кверху. Коллективный многосемейный выход курочек не только ради водопоя. Здесь отличнейшая пожива, масса насекомых.

Над ручьем летает множество ос. Реют над землей мухи-жужжало. Нудно ноют комары. И настоящее царство разных мух, маленьких, больших, очень крупных, осторожных, назойливых и наглых. Всяких!

Я выбираюсь из-под тени деревьев, и меня сразу обдаёт нестерпимым зноем, будто из раскаленной печи. Все замерло под ослепительным светом сверкающего дня пустыни, погружено в сон. Из-под кустика таволги медленно и нехотя выбирается заяц, не спеша ковыляет в сторону, останавливается, смотрит на меня выпученными глазами.

— Пошел вон, негодяй! — кричу я на зайца, размахивая палкой. Он



еще немного отходит в сторону и снова останавливается. Тогда я бросаю в него камешек. Заяц будто понял и поспешно скрылся в кустах.

Я бреду по склону и по пути переворачиваю камни. Все живое прячется под ними, и больше всех муравьи. Немало молодых ухверток, опекаемых заботливыми родителями. Еще под камнями спят черные округлые жуки-карапузики. Свернувшись клубочком, нашли убежище гусеницы совок.

Воду в пустыне экономят. Из родника она собрана в глубокий бетонный резервуар. Из него под землей идет железная труба вниз к бетонному корыту. В резервуаре к резиновой трубе, соединенной с железной, привязана проволока. Напоен скот, труба подтягивается проволокой кверху, вода перестает стекать вниз, не проливается попусту, а заполняет бетонный резервуар. Механика до крайности простая.

Время бежит незаметно, и, как ни хорошо в оазисе, пора продолжать путь. Отсюда сверху в бинокль просматриваются хорошо все дороги, и заранее можно выбрать из них любую. Одна ведет к зеленой полоске. Это вершинки деревьев выглядывают из ложбины. Там тоже оазис. Туда мы и направимся.

Но что творится в нашей машине! В нее незаметно забралась тысячи мух, ведут себя полновластными хозяевами. Попробуй вести машину, не сводя глаз с дороги, чтобы не угодить в какую-нибудь рытвину или не налететь на камень, когда одна муха уселась на нос, другая лезет в губы, третья ползает по лбу, подбирается к глазам, а уж на руках и ногах — не счесть непрошенных пассажиров. Мои помощники энергично размахивают тряпками. Рои мух носятся по машине, не желают с нею расставаться, а если кто с перепугу вылетает в окно, то спешно возвращается обратно. Все же наши усилия постепенно уменьшают число противных мух. Но до чего хитры некоторые из них: ловко попрятались в укромных уголках, а когда миновала опасность, снова принялись хозяйничать. Так и проехала эта стая мух до следующего оазиса и деловито расселась на вынутых из машины вещах, дожидаясь трапезы.

В оазисе крохотный родник и прохлада! К машине же нельзя прикоснуться, такая она горячая. Не беда, что со всех сторон, размахивая длинными ногами, бегут к нам клещи-гиаломмы; неважно и что несколько тощих комариков заявляют о себе уколами, предупреждая о предстоящей вечерней атаке. Всем нравится оазис. Деревья большие, развесистые, многие распадались по земле свои толстые стволы.

Беспрестанно поет иволга. Ее трудно разглядеть в густой зелени листьев. Иногда она выскакивает на секунду на голую ветку, но, заметив на себе взгляд человека, сразу же прячется. Безумолчно пищат птенцы воробьев. Иногда будто загрохочет поезд, так громко шелестят от порыва ветра листья, а у одного дерева ветка трется о другую, поет тонким страдальческим голосом.

120 Все проголодались, дружно готовят обед. А мне, сидевшему за рулем, привилегия. Пользуясь ею, я усаживаюсь возле родника. Толстые, солидные и, наверное, уже старые жабы шлепаются в воду, десяток пар глаз высовываются из воды и смотрят на меня. Жабы терпеливые. Вот так, застыв, они будут глазеть часами. Но и мне от усталости не хочется двигаться. Подожду здесь, послушаю иволгу, воробьев, шум листьев и скрип ветви. Прилетела маленькая стайка розовых скворцов, покрутилась и умчалась снова в жаркую пустыню. Появилась каменка-плясунья, взбрала на камешек, посмотрела на людей и—обратно в жару, полыхающую ярким светом.

Родничок— глубокая яма около двух метров в диаметре, заполненная синеватой и мутной водой. Один край ямы пологий, мелкий. Через него слабо струится вода и вскоре теряется в грязной жиже. К пологому берегу беспрестанно летят насекомые: большие полосатые мухи-тахины, цветастые сирфиды, изящные пестрокрылки. Еще прилетают желтые, в черных перевязях осы-веспиды. Все садятся на жидкую грязь и жадно лнут к влаге.

Все же я пересидел жаб. Одна за другой они, не спеша и будто соблюдая достоинство, проковыляли к мелкому берегу и здесь, как возле обеденного стола, расселись спокойные, деловитые. Ни одна из них не стала искать добычу. Зачем? Вот когда муха окажется совсем рядом, возле самого рта, тогда другое дело: короткий бросок вперед, чуть дальше, с опережением,— и добыча в розовой пасти. Вздрыгнет подбородок, шевельнутся глаза, погрузятся наполовину, помогая протолкнуть в пищевод добычу, и снова покой, безразличное выражение глаз и будто застывшая улыбка безобразного широкого рта. Если муха села на голову— на нее никакого внимания. С головы ее не схватишь. Пусть сидит, все равно рано или поздно попадет в желудок.

Страдающим от жажды насекомым достается от жаб. Только осы неприкосновенны, разгуливают безнаказанно. Никто не покушается на их жизнь. И не только осы. Вместе с ними неприкосновенны и беззащитные мухи-сирфиды. Не зря они так похожи на ос. Им, обманщицам, хорошо. Их тоже боятся жабы.

Как захотелось в эту минуту, чтобы рядом оказался хотя бы один из представителей многочисленной когорты скептиков, подвергающих сомнению ясные и давно проверенные жизнью факты,— противников мимик-

рии, происхождение и органическая целесообразность здесь так показательно и наглядно. Чтобы понять сущность подобных явлений, необходимо общение с природой.

Жабы разленились от легкой добычи, растолстели. Легкая у них жизнь. Да и самих их никто не трогает. Кому они нужны, такие бородавчатые, ядовитые.

Теперь нам предстоит вновь ехать через выжженную солнцем жаркую пустыню. И без дороги. Есть только сухое русло, оставленное весенними потоками да летними ливневыми дождями. Ровное, из мелкого гравия, ложе потока извивается в обрывистых бережках с саксауловыми зарослями. Иногда оно разбивается на несколько узких рукавов, и тогда внимание напряжено до крайности, чтобы успешно проскочить узкий коридор, застряв в нем и не поцарапать машину. Часто рукава сбегают в один широкий, подобный отличному асфальтовому шоссе. Впереди нас — далекие сиреневые горы Чулак, перед ними — едва заметная и далекая зеленая полоска тугаев реки Или, еще ближе — белые пятна такыров. Вокруг каменистая пустыня, черный щебень, покрывающий землю, редкие саксаульчики, никаких следов человека, суровое величие, простор и тишина.

121

Иногда останавливаемся, бродим по сухому руслу между кустиками саксаула. Вот по земле ползет крошечный муравей-кардиокондила. Стремительная вода бурного потока недавно занесла его жилище слоем земли. Но муравьи-крошки пережили наводнение, отсиделись в подземных камерах, потом откопались и сейчас налаживают жизнь. Я склоняюсь над их гнездом и вздрагиваю от неожиданного ощущения чего-то неприятного. Совсем рядом, расставив в стороны лапы и раскрыв желтую пасть, замерло какое-то небольшое чудовище. Тело его покрыто морщинистой кожей, на месте глаз — мрачные впадины. Несколько мгновений я в изумлении рассматриваю незнакомца, пока догадываюсь, в чем дело. Легкомысленная жаба, влекомая инстинктом расселения и поисками новых мест, отправилась вместе с дождевым потоком в пустыню. Видимо, до этого она мирно жила в одном из ключиков в горах Богуты. Но дождь закончился, поток высох, облака растаяли, на голубом небе засверкало солнце, наступила жара, и бедная жаба, страдая от сухости и жажды, так и застыла с раскрытым ртом. Солнце быстро превратило ее в мумию. Где ей было добраться к воде! Отсюда до реки Или не менее пятнадцати километров. К тому же и все норы, в которые можно было бы на день прятаться, забито землей. Не повезло бедной путешественнице!

Окружающая местность очень живописна. Справа видна величественная ярко-красная гора, изрезанная многочисленными овражками. Это все те же позднегерценовые озерные отложения, из которых сложены и Белые горы. Им около пятнадцати миллионов лет. Как стара земля и как ничтожно мал срок, отведенный для жизни ее самых разумных существ — людей!

Солнце клонится к западу, и все ложбинки, прорытые водой и выдутые ветрами, четко выделяются синими тенями. Далеко-далеко, за красными горами, видна белая полоска диких и пустынных Белых гор, за ними — сиреневая зубчатая стена Джунгарского Алатау, и над ней синее небо пустыни. Здесь кончается плоскогорье, разделяющее Большие и Малые

Растения близ Красных гор давно засохли, зеленеют лишь приземистые кустики саксаула. Их корни глубоко пронизывают землю



122 Богуты, и впереди покрытые черным щебнем горки, такие голые, что кажется, и не может быть на них никакой жизни в этом царстве сухости и зноя.

Интересно побывать на склонах Красной горы. Она загадочно мерцает множеством ярких отблесков, будто покрыта осколками стекла. Оставив машину, мы долго идем через голую пустыню. Среди редких кустиков солянок иногда мелькает такырная круглоголовка и, едва отбежав в сторону, уставится на нас одним глазом, забавно склонив набок голову. На кусте, не шевелясь, застыла агама. Сощутив глаза, она провожает нас ленивым взглядом, и только слегка посиневшее горло выдает ее волнение, вызванное появлением необычных посетителей. Иногда из-под ног вспорхнет в воздух большая голубокрылая кобылка-пустынница и, едва отлетев в сторону, тотчас же сядет. Высоко в небе парит одинокий орел, высматривая добычу. Мне жаль орла, наверное, он голодает. Что он найдет в этой голой пустыне?

Вот и Красные горы! Ноги утопают в сыпучей почве, но зато весело и легко, забравшись повыше, мчаться вниз. Мой товарищ, весь красный и потный, повторяет этот маневр несколько раз, забыв о сверкающих камнях. Всюду же кристаллы гипса — то небольшими ровными, гладкими, как стекло, пластинами, то причудливыми столбиками, конусами, иглами, пирамидками. Я нахожу громадное скопление кристаллов размером с бочку и, отколов кусочек, несу его в руках. Достался мне этот кусок кристаллов, острый и тяжелый, пока я дотащил его до машины! А зной не убывает.

Но вот на горизонте над Большими Калканами появляется темная полоска облаков. Она растет, ширится и плывет в нашу сторону. Скоро будет тень и жара исчезнет! Облака все ближе, от них по пустыне протянулись черные пятна теней. Наконец они закрыли от нас солнце. Подул прохладный ветерок, и как легко стало на душе! Мы кипятим чай и с удовольствием отдыхаем. Но наша радость коротка! Серые облака — они

приплыли сюда в пустыню откуда-то из высокогорья — уходят к западу, исчезают за горизонтом, и снова зной, жара, горячие лучи солнца, от которых некуда спрятаться.

Потом всю ночь напролет недалеко от бивака кто-то долго и старательно скреб землю. Утром на небольшом откосе совсем рядом я увидел небольшой свежий холмик. Интересно, кто здесь?

Осторожно лопаточкой я принялся вскрывать ход. Красная почва вся заполнена мелкими камешками, плотно сцементированными друг с другом. Досталась же кому-то такая тяжелая работа! Небольшая норка сантиметров через десять закончилась пещеркой. Там шевелился кто-то желтый и мохнатый. Осторожно я вытаскиваю на свет обитателя норки. Да это фаланга! И в очень странной позе. Ноги задраны кверху над спиной. С них постепенно сходит чулочками старая кожа. Я осторожно засадил наодку в большую пробирку. Интересно проследить, как фаланга будет дальше линять. Но пленница не смогла завершить начатое дело и погибла в позе полной беспомощности, с поднятыми кверху ногами. Не зря фаланга выкопала такую просторную и хорошо защищенную норку. Линька в ее жизни была ответственным событием и должна была происходить в абсолютном покое.

123

По сухому руслу по наносу песка и гравия мы, повернув к северу, поднимаемся мимо Красных гор кверху и вскоре попадаем в красивое ущелье. Оно заросло кустами саксаула, тамариска. Вокруг черные, красные и даже почти ярко-синие скалы, изъеденные ветрами, изборожденные водой. Видимо, здесь неглубоко проходят грунтовые воды, и местами белые цветы густой поросли ломоноса источают приятный аромат. С каждым километром ущелье все уже, суровее, и окружающие его скалы все отеснее. Будет ли из него выход?

Кое-где, там, где селевой поток не прикрыл землю, видны слабые следы дороги; они вселяют надежду, что мы рано или поздно все же выберемся наверх. Но вот и дорога наверх из ущелья, и вскоре мы в каменистой пустыне, покрытой щебнем, редкими низкими кустиками боялыша и саксаула. Здесь так глухо, безжизненно и нет нигде следов человека. Лишь кое-где по голым хребтикам один за другим цепочкой тянутся одинокие курганы. Человек — древний обитатель этой земли, устав от бесконечных походов, ратных подвигов и всего, к чему так стремится неутомимый его характер, нашел для воображаемой загробной жизни этот безлюдный уголок.

Наступает вечер, и с ним приходит удивительно приятная прохлада. Над пустыней то промелькнет в странном вихляющем полете муравьиный лев, то заплашет над землей аскалаф, то взвоятся в воздух какие-то насекомые, совершая сложные зигзаги. Они переждали жару и сухость в укромных местах и вот теперь вечером, как и мы, блаженствуют. Каменка-плясунья тоже радуется, бодрствует в сумерках, и не зря. Она ловит ночных насекомых.

Сюда, в эту безжизненную пустыню, каким-то чудом проник слепушонка и успел выбросить наружу цепочку земляных холмиков. Один холмик возле бивака неожиданно рассыпался и из-под него показалась мохнатая мордочка зверька с крохотными глазками. Изо рта его торчали длинные и

Гусеница молочайного бражника яркой окраской предупреждает о том, что она несъедобна



Ложбина между горами поросла травами и кустарниками



124 острые резцы. Я пытался поймать слепушонка, чтобы сфотографировать. Но докопаться до хозяина норки не мог. Он же выталкивал наружу землю из разрушенных ходов и выглядывал наружу, грозя своими длинными зубами. Зверек был явно раздосадован вторжением в свои владения. Пришлось его оставить в покое.

Даже здесь, в сухой и голой каменистой пустыне, тонко и нудно ноют редкие комары, беззвучно по коже перескакивают с места на место белесые москиты. Москиты — из нор грызунов. День они проводят под землей, в прохладе и влаге. А комары — откуда они взялись?

На следующий день мы едем по неизвестному пути, и он почти сразу приводит нас к полосе буйной зелени в небольшой расщелине. Так вот откуда наши мучители! Стоило отъехать подальше — и мои молодые спутники были бы довольны и не чесались бы ежесекундно, проклиная этих несносных насекомых. Теперь видно, что это начало как раз того ущелья, по которому мы ехали вчера мимо Красных гор. Второй раз мы ночуем возле оазиса, не подозревая о его существовании. В какой-то мере эта случайность закономерна и обусловлена тем, что крошечные уголки зелени, окруженные бесплодной пустыней, скрыты в ложбинах между холмами и не заметны.

На дне расщелины сияла яркая и чистая зелень! Я спускаюсь вниз и обхожу стороной заросли могучего тростника. За ними — крошечная полянка. Она так красива: заросла курчавкой, перевита цветущими вьюнками и по краям обрамлена лиловыми цветками кипрея. Там гудят пчелы. Приятно слышать эту симфонию беспрерывно работающих крыльев среди почти мертвой каменистой пустыни. Судя по всему, весной по расщелине тек родничок. Но теперь он высох и вода ушла под камни. Но едва я вступаю в густое переплетение растений, как из тенистых укрытий, заглушая жужжание пчел, с нудным звоном вылетает туча комаров и облепляет меня со всех сторон. Вслед за ними, шурша крыльями, в воздух поднимается эскадрилья стрекоз-симпетрум и набрасывается на алчных кровопийц. Стрекозы и их добыча, спрятавшаяся в зарослях трав на весь

день от своих врагов, от жары и от сухости, залетели сюда с попутным ветром по меньшей мере за двадцать километров — с реки Или.

Пока над крошечным оазисом происходит ожесточенный воздушный бой, я, побежденный атакой кровососов, позорно бегу наверх, в пустыню, к машине. Нет, уж лучше издали, с безопасного расстояния, полюбоваться скалами и узкой ленточкой зелени. Но скоро комары, сопровождаемые стрекозами, добиваются и до машины, и мы спешно удираем к скалистым вершинам, ныряя с холма на холм по едва заметной дороге, усыпанной камнями.

Вот на нашем пути распадок между горами, поросший саксаулом, караганой и бояльшем. Мы бредем по редким зарослям кустарников, присматриваемся. Из-под ног во все стороны прыгают кобылки-прусы. Много их собралось сюда с выгоревшей от солнца пустыни! Мчатся муравьи-бегунки. Проковыляла чернотелка. В стороне на большом камне в прелестном одеянии из черного бархата, украшенном сверкающими бриллиантами пятнышек, лежит, распластав крылья, большая бабочка. Ее наряд чист, свеж и говорит о молодости. Я осторожно наклоняюсь над чудесной незнакомкой. Она вяла, равнодушна, едва жива. Легкий ветерок колышет ее распростертые в стороны крылья. Это бабочка-сатир, обитательница горных лугов, сочных трав, скалистых склонов, заросших густой растительностью. Она, неудачная путешественница, попала сюда издаека — или с севера, с гор Джунгарского Алатау, или с юга, с хребта Кетмень. До них добрая сотня километров. Бедняжка оказалась в суровой, выгоревшей, каменистой пустыне. Здесь ей не удалось подкрепиться нектаром, восстановить силы, истраченные на далекий перелет.

Может быть, неудачницу еще можно вернуть к жизни? Мы растворяем в воде сахар и опускаем в нее головку бабочки. Сейчас спираль хоботка развернется, бабочка жадно примется утолять жажду, и произойдет чудодейственное исцеление. Но капля сладкой жидкости — запоздалое лекарство, наша пациентка к ней безучастна, и попытки лечения ни к чему. Тогда я вспоминаю, что органы вкуса бабочек находятся на лапках передних ног. На цветках с помощью ног насекомое, прежде чем приняться за трапезу, узнает пищу. Я осторожно смачиваю лапки сладким сиропом. Но и эта мера запоздала. На наших глазах бабочка замерла, уснула. Жаль неудачную путешественницу! Она не долетела до маленького зеленого рая с цветками кипрея и вьюнка каких-нибудь полкилометра.

Снова путь по каменистой пустыне, мимо голых скал. Наша едва заметная дорога вскоре выводит на то же обширное межгорное плоскогорье, по которому мы ехали на восток между Малыми и Большими Богутами, только с другой стороны, почти у подножия гор Большие Богуты. Здесь высота более полутора тысяч метров, но всюду все та же выгоревшая растительность, сухость и жара.

Потом издалека видна необычной формы высокая гора: будто ее разрежали вдоль и северную половину убрали. Когда мы к ней подъезжаем, то оказываемся на краю небольшой зеленой равнины с полноводным ручейком. Здесь роскошные травы, цветы, много насекомых.

После оазиса дорога взбирается еще выше, на перевал, с которого открывается большая пустынная Сюгатинская равнина, ограниченная с

юга и севера параллельными друг другу хребтами Богуты и Торайгыр.

Перед долгим и пологим спуском мы любуемся ровным как стол, ослепительно светлым и столь необычным в высокогорной каменной пустыне такыром. Стрелка высотомера падает все ниже и ниже, яснее проглядывается Сюгатинская равнина, и уже видна черная ниточка асфальтового шоссе с бегущими по ней автомашинами. Наше путешествие по горам Богуты закончено.

На долгом обратном пути я, вспоминая подробности путешествия, будто переживаю его повторно и думаю о том, сколько еще интересных уголков природы таят необъятные просторы пустынь Казахстана.



Пустыня
пустынь

Содержание



4

Бессточная
впадина
Сорбулак



30

Там,
где кончается
Джунгарский
Алатау

Лес
среди пустыни



72

Некрополь
племени
саков



45

В каньонах
Темирлика

60



95

От оазиса
к оазису

110



Мариковский П. И.

М26 В пустынях Казахстана. М., «Мысль», 1978.
127 с. (Рассказы о природе).

В книге известного популяризатора, доктора биологических наук П. И. Мариковского описываются путешествия автора по пустыням Юго-Восточного Казахстана. Книга дает яркое представление о различных типах среднеазиатских пустынь — песчаной, глинистой, каменистой, об истории развития их своеобразной природы, о следах древних поселений человека.

М $\frac{20901-018}{004(01)-78}$ 188-78

91(С)

ИБ № 615

Мариковский
Павел
Иустинович
**В пустынях
Казахстана**

Заведующая редакцией **К. О. Добронравова**
Редактор **В. В. Леонова**
Младший редактор **И. А. Невзорова**
Редактор карты **О. В. Трифонова**
Художники **М. Н. Сергеева, Е. В. Ратмирова**
Художественный редактор **С. М. Полесицкая**
Технический редактор **В. Н. Корнилова**
Корректор **З. В. Одина**

Сдано в набор 10.08.77. Подписано в печать 11.08.78. А05131. Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага офсетная, № 1. Гарн. баскервиль. Офсетная печать. Усл. печатных листов 7.44. Учетно-издательских листов 9,48. Тираж 90 000 экз. Заказ 2037. Цена 65 коп.

Издательство «Мысль».
117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.

**Фотографии
и копии с наскальных рисунков
выполнены автором**

65 к.

